

*Ленинградский
университет*

Н.Н.АМОСОВА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Н. Н. АМОСОВА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
СЛОВАРНОГО СОСТАВА
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Москва 1956

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
ОТ АВТОРА	5
Введение	7
<i>Глава I</i>	
Словарный состав современного английского языка как продукт его развития в течение ряда эпох	24
<i>Глава II</i>	
Иноязычные элементы словарного состава современного англий- ского языка	99
<i>Глава III</i>	
Происхождение наиболее устойчивого лексического слоя англий- ского языка	160
<i>Глава IV</i>	
Судьба иноязычных заимствований в современном английском языке	187
Заключение	212
Список сокращений	215
Библиография	217

ОТ АВТОРА

Настоящая работа — «Этимологические основы словарного состава современного английского языка» — содержит освещение только одной из многочисленных проблем лексикологии английского языка. Эта проблема — сущность смешанного характера словарного состава современного английского языка. Попытка наметить пути ее разработки и составляет задачу данной книги.

Приводимый в книге языковой материал почерпнут частично из имеющихся зарубежных и советских трудов по истории, лексикологии и грамматике английского языка (см. библиографию и ссылки в тексте), частично является результатом собственных исследований автора. Языковые примеры и этимологические справки уточнены по словарям: Б. Серейский «Краткий литовско-русский словарь» (Литва, 1948 г.), Б. В. Миллер «Персидско-русский словарь» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1953), Р. А. Галунов «Русско-персидский словарь» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1937), Н. И. Крымова и А. Я. Эмзина «Датско-русский словарь» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1950), Д. Э. Миланова «Шведско-русский словарь» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1949), «Голландско-русский словарь» (под общим руководством канд. фил. наук, доцента С. А. Миронова; под ред. А. С. Шильпа. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1954), «Испанско-русский словарь» (под общ. ред. Ф. В. Кельина. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1953), Ю. С. Ясельман «Русско-испанский словарь» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1948), С. В. Герье, Н. А. Скворцова, Б. А. Грифцов «Итальянско-русский словарь» (Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1947), С. В. Герье и Н. А. Скворцова «Русско-итальянский словарь» (Гос. изд-во и остранных и нацио-

нальных словарей, М., 1953), "The Oxford English Dictionary" (1933), W. W. Skeat "An Etymological Dictionary of the English Language" (Oxf., 1910), I. T. Shipley "Dictionary of Word Origins" (2 edition N.Y.), Spurrel "English-Welsh Dictionary" (ed. by J. B. Anwyl, 1926), P. S. Dinneen "A Concise English-Irish Dictionary" (Dublin, 1928), S. Feist „Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache" и другие.

Автор глубоко признателен доц. И. Р. Гербач, доц. И. П. Ивановой, доц. В. Н. Жигadlo и доц. Л. Л. Иофик, любезно предоставившим ему возможность ознакомиться в рукописи с некоторыми их исследованиями в области английского словообразования и истории английского языка.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из характерных особенностей развития языка является закон неравномерного развития отдельных сторон языка. Характер исторического развития языка, как развития постепенного, получает свое объяснение прежде всего именно в этом законе, который заключается в том, что различные стороны языка—его словарный состав, его грамматический строй, его звуковой состав изменяются неодинаковыми темпами. Как известно, быстрее всего изменяется словарный состав языка, мгновенно реагируя на все, даже малейшие изменения в общественно-трудовой практике данного языкового коллектива, регистрируя всякое вновь возникающее понятие, аннулируя все те лексические элементы, которые обозначают утратившие социальную значимость или жизненную необходимость предметы и явления. О постоянной изменчивости словарного состава свидетельствует его почти непрерывная внутренняя перестройка, реорганизация соотношения входящих в него элементов, диктуемая реальной общественно-исторической обстановкой каждого данного момента в жизни общества. Одни слова вытесняются другими; слова, совершенно не связанные ранее друг с другом, становятся в синонимические отношения друг к другу вследствие возникновения в них новых значений; неологизмы либо выходят из употребления, не успев закрепиться в языке, либо перестают восприниматься как языковые новшества и прочно входят в лексическую ткань языка; слова, бывшие ранее употребительными и необходимыми, становятся малоупотребительными и постепенно превращаются в архаизмы или полностью выпадают из языкового обихода; слова, еще недавно принадлежавшие к нейтральному речевому

стилю, в силу тех или иных причин усваивают новую для них стилевую окраску; слова, действовавшие прежде в качестве эвфемизмов, начинают восприниматься как прямые наименования и т. п. и т. д. Подобные модификации словарного состава языка, более существенные или более мелкие, происходят действительно непрерывно, но никогда не осуществляются фронтально, т. е. с мгновенным и одновременно захватом всех или хотя бы каких-либо крупных участков всего словарного состава в целом. Они совершаются в виде разрозненных, отдельных, частных явлений в сфере действия какого-либо одного слова или одной ограниченной группы слов, и только с течением времени накопление этих мелких и частных изменений приводит к качественному изменению всей лексической системы данного языка в целом. При этом в словарном составе выделяется устойчивое ядро, известный пласт слов, который испытывает значительно более медленные изменения и сохраняется в почти неизменном состоянии на протяжении целого ряда столетий. Постепенный характер развития языка, постепенное накопление элементов нового и вытеснение элементов старого качества при сохранении устойчивых элементов как в виде широко используемых слов, так и в виде архаизмов, фразеологически связанных лексем и стилистических раритетов — все это приводит к тому, что как язык в целом, так и его словарный состав в частности в каждый данный исторический момент представляет собой продукт целого ряда эпох, в котором давно сложившиеся и длительно бытующие элементы сосуществуют с элементами новыми, только что возникшими. Такое же положение мы наблюдаем, само собой разумеется, и в словарном составе английского языка.

По вопросам развития и функционирования словарного состава английского языка имеется обширная литература. В ней содержится богатый фактический материал и дается анализ конкретных лексических явлений. В течение многих десятилетий в Англии и США осуществляется огромная лексикографическая работа. Большой Оксфордский словарь, в котором собрано, в историческом плане прослежено и объяснено приблизительно полмиллиона слов английского языка, мы можем критиковать за неточность отдель-

ных датировок, за нечеткость понимания различий между значением слова и словоупотреблением, полисемией и омонимией и т. п. Но нельзя забывать с том, что в своей работе мы постоянно прибегаем к помощи этого Большого Оксфордского словаря, и редки те случаи, когда мы не находим в нем ответа на интересующие нас вопросы, так же как и в обширном толковом словаре Н. Вебстера. Этимологические словари У. Скита, Чемберса, Дж. Шипли, диалектальные словари Райта, Халлиуэлла и другие, орфоэпический словарь Д. Джоунза, словарь жаргонизмов Э. Парtridge, многочисленные крупные и карманные толковые словари, многие из которых представляют собой извлечения из Большого Оксфордского словаря, различные словари синонимов, идиомов, частотные словари и т. п. — все эти словари, несмотря на их отдельные недостатки, свидетельствуют о достижениях английской лексикографии и заслуживают большого внимания с нашей стороны. Исследователю английской лексики, находящемуся вне непосредственной языковой среды, неоценимую услугу оказывает сопоставление материала всех этих специализированных словарей, уточняя его наблюдения, которые он черпает из текста произведений художественной литературы, газет, публицистических материалов и т. д. В книгах зарубежных ученых по английской лексикологии мы можем найти интересные этимологические разыскания, ценнейшие исторические справки, достоверные сведения из истории многих слов. Мы не можем, разумеется, ограничиться этим материалом, так как он не всегда полон и подчас не охватывает многих таких сторон словарного состава, без освещения которых характеристика словарного состава английского языка остается далеко не завершенной. Используя все ценное из материала, накопленного английской лексикологией, советские англисты должны строить историческую лексикологию английского языка на прочном фундаменте марксистско-ленинского материалистического языкознания.

Не ставя перед собой задачи дать исчерпывающий анализ существующих трудов в области английской лексикологии, позволим себе остановить внимание на некоторых ошибочных, на наш взгляд, положениях, повторяющихся во многих из этих трудов. Эти ошибочные положения вызывают

необходимость пересмотра и разработки заново целого ряда важнейших вопросов английской лексикологии.

Многие из зарубежных авторов, писавших по вопросам английской лексикологии (Г. Мак-Найт, Г. Брэдли, Л. Смит, Э. Уикли, О. Есперсен, Дж. Гринаф и Дж. Киттредж и многие другие), молчаливо исходят из того представления, что развитие и обогащение английского словарного состава происходило главным образом за счет лексических заимствований из других языков. Это и объясняет, почему проблеме заимствований уделяется столько внимания во многих трудах по истории и лексикологии английского языка, и так бегло и скудно освещаются другие факторы обогащения словаря, как, например, словообразование и переосмысление. В этом смысле характерна, например, книга Г. Брэдли «Становление английского языка», автор которой, приступая к рассмотрению путей сложения английского словарного состава, прежде всего ставит вопрос: чем английский язык обязан иностранным языкам (так даже названа первая из лексикологических глав в его книге*)? Лексикологические работы ряда авторов отличаются в этом отношении друг от друга лишь тем, что О. Есперсен, например, больше внимания уделяет скандинавским заимствованиям в английском языке, а Л. Смит — латинским и т. п. Тем самым вопросы словопроизводства, семантического развития лексической системы английского языка ставятся на второй план. Действительно имевший место на протяжении всей истории английского языка процесс поглощения этим языком большого количества иноязычных лексических элементов изображается как важнейшая движущая сила в развитии словарного состава английского языка и даже всего английского языка в целом.

Подобный подход к процессу развития словарного состава языка является, с нашей точки зрения, неправильным. Если мы будем исходить из такого понимания процесса развития английского языка, то весь ход исторических изменений языка представится как процесс смешения или скрещивания языков, в результате которых возникает якобы

* H. Bradley. The Making of English. L., 1931, ch. III, "What English Owes to Foreign Languages?"

принципиально новый язык. Преувеличенное внимание к явлениям заимствования слов из других языков и пренебрежение к другим процессам в области словарного состава приводит некоторых лексикологов и историков английского языка к убеждению, что в результате длительного воздействия других языков английский язык претерпел полное перерождение. Так, Л. Смит считает, что «прогресс английского языка ... есть результат не национального расцвета, а двух национальных бедствий — датского вторжения и Нормандского завоевания»*. Многими авторами (например, Т. Лаунсбери, Л. Смитом, Г. Брэдли, О. Эмерсоном, Г. Мак-Найтом и др.) усиленно подчеркивается смешанный характер английского языка. Воздействие со стороны других языков, в первую очередь французского языка, контакт с которым по известным историческим причинам был особенно живым и в то же время длительным, выдвигается на передний план как важнейший фактор развития английского языка в тех формах и в том направлении, в каком оно реально происходило. Так, историк английского языка Т. Лаунсбери прямо утверждает, что «начиная с Нормандского завоевания и далее, язык английского населения перестал следовать тому естественному закону развития, которому он следовал бы, если бы оставался германским языком в чистом виде»**. Л. Смит называет английский язык «сводной сестрой романских языков»***. Характерно, что для аргументации в поддержку этого распространенного воззрения привлекается почти исключительно словарный состав английского языка, причем не всегда в его современном состоянии, которое одно только и могло бы убедительно показать, какие заимствованные элементы оказались жизнеспособными в английском языке и действительно были им полностью усвоены. При этом не делается почти никаких попыток определить степень активности иноязычных заимствований в словарном составе английского языка на разных этапах его развития. В лучшем случае дается

* L. P. Smith. The English Language. Williams & Norgate, L., стр. 18.

** T. R. Lounsbury. History of the English Language. L., 1906, стр. 49.

*** L. P. Smith. The English Language. Williams & Norgate, L., стр. 8.

лишь общая оценка самого факта использования иноязычных лексических элементов как средства обогащения языка, придания его словарному составу особой стилистической гибкости и подвижности, или, наоборот, как явления отрицательного, в некоторых случаях излишне обременяющего язык ненужными словами*.

В классовом обществе при столкновении двух языков, вызванном теми или иными историческими причинами, — скажем, покорением одного народа другим или традиционным использованием чужого языка в определенных сферах общения (например, латыни как языка юриспруденции, школы и науки в средние века) — имеет место ожесточенная борьба между этими языками. Обычно в этой борьбе один из языков одерживает победу (какой именно — это обуславливается конкретной исторической обстановкой). При этом он воспринимает более или менее значительное количество элементов побежденного языка. Обильное поглощение одним языком элементов другого, совершающееся в процессе борьбы между ними, иногда называют скрещиванием языков. Однако такое скрещивание языков представляет довольно своеобразную картину. Оказывается, что не все стороны языка одинаково легко поддаются иноязычному воздействию. Как правило, язык свободнее всего усваивает лексические элементы и — хотя в гораздо меньшей степени — словообразовательный инструментарий другого языка. Значительно менее подвержен влияниям извне синтаксический строй и система формообразования, еще менее — фонетический состав языка. В большинстве трудов по исторической грамматике английского языка убедительно показывается, что развитие его грамматического строя представляет собой закономерный и естественный процесс, на ход которого не мог существенно повлиять какой-либо другой язык. Иноязычное воздействие в отдельных случаях могло только отчасти способствовать ускорению этого естественного процесса. Поэтому совершенно неправомерно говорить о смешанном (или скрещенном) характере английского языка в целом.

* См., например, O. Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Oxf., 1945, ch. V, VII.

Что же касается именно словарного состава английского языка, то отрицать его смешанный характер, разумеется, нельзя; однако необходимо уточнить само понятие «смешанный характер». Если под этим выражением понимать только тот безусловный и ясный факт, что в результате длительного контакта с тремя иными языками — датским, французским и латинским — словарный состав английского языка впитал в себя значительное количество иноязычных заимствований, из которых некоторые удерживались в нем недолго, другие, наоборот, вошли в его плоть и кровь, а третьи сохранились в нем лишь в определенной узкой сфере употребления, то смешанный характер английского словарного состава не подлежит никакому сомнению. Если же под этим выражением имеется в виду массовое вытеснение собственно английских элементов на второстепенное положение, наводнение английского языка иноязычными заимствованиями, якобы полностью определяющими всю специфику его словарного состава, то с таким пониманием вопроса согласиться невозможно; ему противоречат сами факты. Тем не менее эта-то вторая точка зрения и является как раз самой распространенной в зарубежных лексикологических работах. Так, упоминавшийся выше Л. Смит утверждает, что «важнейший вклад в английский язык, вклад столь значительный, что он коренным образом изменил весь характер английского языка (разрядка наша. Н. А.), был сделан французским языком»*. Того же самого мнения придерживается, например, Б. Грум, который считает, что «долгие годы подавления (английского языка французским. Н. А.) оказали глубокое влияние на язык местного населения. Иностранные слова вошли в этот язык во множестве, и заимствование чужих слов стало установившейся привычкой. Английский язык, появившийся на сцене при литературном возрождении XIII и XIV веков, был фактически новым языком»**. Еще определеннее высказывается Т. Лаунсбери, который пишет: «Множества

* L. P. Smith. The English Language. Williams & Norgate, L., стр. 40.

** B. Groom. A Short History of English Words. L., 1934, стр. 31.

слов англосаксонского языка больше не существует в нашем языке, хотя бы и в измененной форме. Их место восполнено заимствованиями из других языков, особенно из латинского и французского. Заимствование осуществлялось в таких масштабах, что если говорить только о лексике, возникает сомнение, является ли наш язык германским или романским»*.

Возражения против такого взгляда иногда, хотя и очень редко, можно встретить на страницах лексикологических работ зарубежных авторов. Так, Дж. Гринаф и Дж. Киттредж отмечают большую способность английского языка не только к усвоению иноязычных элементов, но и к сохранению своего качества, своей самобытности, несмотря на обилие заимствованных слов в его словарном составе: «Английский язык полон французских слов, но тем не менее остается английским языком»**. Объяснение этого факта, впрочем, дается в самой общей форме: «Наш „дух языка“, или как бы не называть эту великую консервативную силу, не только сохранил английский язык верным самому себе в течение длительных периодов времени, но восстает немедленно против всякого неологизма, не согласующегося с его спецификой»***.

Другая ошибка лексикологов английского языка, как нам представляется, заключается в том, что в области семасиологии ими смешиваются воедино значение слова и словоупотребление, т. е. номинативная функция слова и его ситуативное использование в качестве выразительного средства; в области словообразования — не различаются устойчивые словообразовательные типы со случайными, единичными формальными изменениями структуры слова вроде случаев так называемого «обратного образования» (*back formation*). В области интересующей нас в настоящий момент проблемы этимологических основ словарного состава современного английского языка эта нечеткость в дифференциации главного и второстепенного

* T. R. Lounsbury. *History of the English Language*. L., стр. 29.

** J. B. Greenough and G. L. Kittredge. *Words and Their Ways in English Speech*. N. Y., 1922, стр. 147.

*** Там же, стр. 147—148.

проявляется не менее заметно. Так, не учитывается различие между действительно устойчивыми элементами заимствованной лексики и такими, которые находили употребление только в какой-то короткий период жизни английского языка или в какой-либо ограниченной сфере распространения.

Существенно также отметить, что в ряде работ зарубежных исследователей английского языка мы встречаемся с фактами неумения, а иногда и нежелания проводить различие между собственно английскими языковыми явлениями и явлениями, имеющими место за пределами английского языка, на почве других языков, и попадающими в английский язык извне, так сказать, в готовом виде. Так, например, в доказательство того, что все, даже самые обыденные английские слова (кроме корневых слов, этимологическая структура которых остается невыясненной) представляют собой «скаменелые метафоры», приводится обычно, наряду со словами английского происхождения, целый ряд латинских и французских заимствований, в которых изменение значения совершилось еще за пределами английского словарного состава (например, *to depend* < *lat. dependeo* 'зависеть', *букв.* 'свисать'; *to examine* < *lat. examino* 'испытывать', 'проверять', *букв.* 'взвешивать' от *examen* 'стрелка весов'; *front* < *lat. frons* 'передняя сторона', 'внешность', *букв.* 'лоб'; *to ponder* < *lat. pondere* 'оценивать', 'обсуждать', *букв.* 'взвешивать' и т. д. и т. п.)*. Или еще пример. Описывая словообразовательные средства английского языка, некоторые грамматисты (И. Несфилд, Г. Суит, Е. Крейзинга и другие), не колеблясь относят к их числу и такие аффиксы, которые представлены только в составе заимствованных слов и никогда не использовались в английском языке для самостоятельного словопроизводства (например, префиксы: *amphi-*, *ana-*, *meta-*; суффиксы: *-cello*, *-ado* и т. п.). В результате этого картина генетических истоков словообразовательных средств английского языка в значительной степени искажается, ибо удельный вес в нем заимствованных аффиксов чудовищно преувеличивается. Такая картина, если к ней

* См., например, J. B. Greenough and G. L. Kittredge. *Words and Their Ways in English Speech*. N. Y., 1922, стр. 17, 268.

подойти некритически, может создать впечатление, что английский язык столь слаб в отношении словотворчества, что не может обойтись без посторонней иноязычной материальной помощи. В действительности дело обстоит совсем не так. Английская словообразовательная морфология усвоила известное количество иноязычных префиксов и суффиксов, но далеко не такое большое, как это изображается в ряде грамматических и лексикографических трудов*. Историк английской лексики должен был бы точно и тщательно исследовать, какие именно чужие аффиксы ассимилированы английским языком, почему именно они, а не другие аффиксы нашли себе активное применение в английском языке, когда они вошли в употребление, каково их отличие от параллельно существующих исконно английских аффиксов, близких им по функции и содержанию, какова сочетаемость заимствованных аффиксов с различными по происхождению основами и т. п. Подобного исследования в лексикологических (да и в грамматических) трудах не найти. Ближе всех к этим вопросам подходит, пожалуй, О. Есперсен, хотя трактует их слишком сжато**. А без такого исследования невозможно правильно оценить роль родных и заимствованных словообразующих аффиксов в английском языке.

Выше мы сказали, что значительную долю внимания английских лексикологов поглощают именно вопросы влияния других языков на словарный состав английского языка. Этим мы не хотим сказать, что другие проблемы, как, например, проблема словообразования или семантического развития английской лексики, совершенно не затрагиваются этими исследователями. Но эти процессы освещаются безотносительно их исторической динамики или, в лучшем случае, историческая перспектива при их описании дается непоследовательно, от случая к случаю.

* См., например, J. C. Nesfield. *English Grammar Past and Present*. L., 1931; H. Sweet. *A New English Grammar, Logical and Historical*, p. I, Oxf., 1892; E. Kruisinga. *A Handbook of Present Day English*, p. II, 3, 1932; списки аффиксов в словарях: Chambers's *English Dictionary*, London-Edinburgh, 1901; *The Winston Dictionary*, Advanced ed., 1946, стр. XII.

** O. Jespersen. *A Modern English Grammar on Historical Principles*. P. VI, G. Allen-Unwin, L.

Изменение значения слов, перенос названия с одного предмета на другой, объясняется в ряде работ по английской лексикологии как результат художественного творчества индивидов, обладающих особо развитым чувством языка. Так, американские лексикологи Дж. Гринаф и Дж. Китредж дают в своей книге специальную установочную главу под многозначительным названием «Язык — это поэзия»*. В этой главе они перечисляют все стилистические средства (метафору, метонимию, сравнение, синекдоху, гиперболу, антитезу, аллитерацию, катахрезис, литоту, перифразу и другие), которые якобы служат причиной — или являются сущностью — изменений в значении слов. Тем самым игнорируются различия между стилистическими средствами, целью которых является повышение выразительности изложения или привнесение в высказывание каких-либо дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков, — и теми процессами переноса названия, которые действуют в языке в силу необходимости языкового оформления возникающих понятий. Так, для Дж. Гринафа и Дж. Китреджа нет разницы между выражением Мильтона “nodding hoggor”, под которым поэт подразумевает мрачный безлюдный лес, и переносом названия, скажем, с материала на предмет, какой мы так часто наблюдаем в языке (например, linen ‘полотно’, ‘белье’; flannels ‘фланель’, ‘фланелевый костюм’). У поэта метафора или метонимия есть средство усиления выразительности, наглядной образности языкового изображения, средство подчеркивания субъективного отношения к изображаемому; в обиходном повседневном речевом общении перенос названия — это средство создания закрепленного наименования предмета. Художественная метафора, как правило, индивидуальна, ситуативна и не ведет к возникновению нового значения слова как регулярного факта словаря, ибо остается на плоскости словоупотребления. Перенос названия в языке прочно закрепляется в употреблении и ведет к возникновению нового значения данного слова, а иногда и его омонима, в случае разрыва семантической связи между исходным и производным значением слова; в обоих слу-

* J. B. Grenough and G. L. Kittredge. Words and Their Ways in English Speech. Ch. II, “Language is Poetry.”

чаях он представляет собой элемент лексической системы языка. Так, *linen* 'белье' стало омонимом к прилагательному *linen* 'льняной', тогда как выражение "*nodding hoggor*" вовсе не приобрело значения 'лес' за пределами мильтоновского контекста. Однако идея «языка — поэзии» пронизывает, собственно говоря, все те разделы лексикологических работ, которые посвящены явлению исторического изменения слов. Так, в книге английского лингвиста Г. Мак-Найта мы находим, после обычного раздела о заимствованиях, большой раздел под названием «Тропы», где проблема семантических изменений решается прямо и непосредственно в терминах литературоведческой стилистики*, на основании психологического и эстетического толкования сущности языковых явлений. Как известно, психологическая концепция в языкознании далеко не нова, она представляет собой одну из основ младограмматического, позднее — соссюрианского направления в языкознании. Согласно этой концепции, язык представляет собой материальное выражение духовных величин, составляющих продукт коллективной психологии. Тем самым, игнорируется общественная сущность языка, ведущая функция языка как средства общения и формирования понятий, учитывается лишь функция языка как выразительного средства для передачи ассоциативных восприятий от индивида к индивиду. Образные выражения и наименования действительно существуют в языке в виде неких фигуральных штампов, образность которых представляет главный и даже единственный смысл их употребления. Фигуры и тропы используются не только мастерами слова, творцами литературных произведений; их используют и простые носители языка, если чувствуют необходимость в том, чтобы их мысль или отношение к сообщаемому выступили выпуклее, рельефнее, ярче. Очень часто в таких случаях прибегают к готовому материалу, взятому из того или иного произведения художественной литературы, или так или иначе созданному ранее. Например, вместо обычного слова *a pet* в применении к ребенку,

* G. H. Mc Knight. *English Words and Their Background*. D. Appleton Century Company Incorporated, N. Y.—L., 1931, гл. XV и сл.

нежно любимому родителями, может быть употреблен образный штамп *an apple of one's eye*; при этом говорящий может даже не подозревать о том, что источником этого выражения послужила в свое время Библия. Однако подобные образные штампы существуют в языке не как основная движущая сила семантического развития словарного состава языка, а лишь как один из второстепенных по масштабам своего действия фактор этого развития, как один из возможных частных случаев его.

В основе изменения значения слов лежит прежде всего и чаще всего использование целого слова для наименования иного предмета или явления, с которым первый предмет, называвшийся этим словом, имел некий общий признак или какую-то причинно-следственную или иную связь. В таких случаях перенос названия осуществляется, не проходя промежуточной среды образного мышления, точнее, художественного осмысления называемого. Мотивировка слова при переносе названия отличается от мотивировки вновь образуемого производного или сложного слова тем, что основывается не на новой комбинации языковых средств, а на использовании уже существовавшего в данном языке слова, взятого целиком в качестве выразителя ведущего признака нового называемого предмета. Бряд ли можно ставить знак равенства между мотивировкой слова и образным наименованием предмета. Само определение мотивировки слова или его этимологической структуры как образа, лежащего в основе данного слова, должно быть уточнено. Под этимологической структурой или мотивировкой слова следует понимать выражение в слове признака называемого предмета, используемое в качестве названия данного предмета в целом*.

Подход к языку как к продукту художественного творчества приводит некоторых английских лексикологов к неточному пониманию роли личности в развитии языка. В работах этих лексикологов изменение значения слов,

* См. одобрительную пометку В. И. Ленина — *bien dit!* (хорошо сказано!) по поводу феербаховского определения названия: «Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его целостности». (В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 320).

создание новых слов раскрывается как результат художественного языкового творчества отдельных (иногда конкретно указываемых) индивидов, причем на долю народа т. е. языкового коллектива в целом, остается только пассивное усвоение и применение этих достижений индивидуального художественного творчества. Г. Брэдли, Л. Смит и многие другие в особую главу выделяют вопрос о «создателях английского языка» (makers of English). Среди выдающихся творцов его Г. Брэдли, например, называет Чосера, Тиндаля, Мэлори, Кекстона, Лидгейта, Спенсера, Шекспира, Мильтона, Мора, Лили, Попа, Джонсона, В. Скотта, Карлейля и др.*. Правда, он сам делает оговорку (почему-то только применительно к Чосеру), что в ряде случаев трудно определить, сам ли автор создал данное слово или только впервые ввел его в литературный текст.

Никто не может отрицать, да это и не имело бы смысла, что бывают случаи, когда то или иное слово имеет определенного автора. Больше того, любое вновь появляющееся слово создается каким-либо одним человеком или небольшой группой лиц, а затем выходит на широкий простор общенародного употребления, если оказывается общепользовательным и нужным. Но языковой коллектив далеко не пассивен в этом процессе. Он отбирает, закрепляет, видоизменяет, переосмысляет, развивает лексические элементы, так что, каково бы ни было происхождение или первоначало данного слова, не будет преувеличением сказать, что это последнее является в конечном счете созданием всего народа в целом. Разумеется, деятельность крупных художников слова имеет известное значение для развития словарного состава языка. Уместно вспомнить замечание В. И. Ленина относительно роли личности в истории: «Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? В чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим

* Н. Bradley. The Making of English. L., 1931, ch. VI.

в море актов противоположных?»* Случаи личного авторства в области словарного состава языка нисколько не противоречат общественному, коллективному характеру созидания языка, ибо, во-первых, только то слово становится закрепленным фактом языка, которое принимается, осваивается и обрабатывается народом, во-вторых, само словотворчество вызывается настоятельной потребностью в передаче мыслей другим людям и строится на материале существующего языка для выражения понятия, рождающегося в ходе развития общественной практики. Говоря об авторстве отдельных писателей в области словотворчества, впрочем, нужно учитывать еще то, что для более или менее отдаленных от нашего времени периодов, действительно, в большинстве случаев трудно быть уверенным, создал ли данный писатель данное слово или только впервые ввел его в литературный обиход.

Мы говорили здесь о некоторых ошибочных, на наш взгляд, методологических положениях, содержащихся в трудах многих зарубежных исследователей английского языка, собственно с той целью, чтобы показать, что перед советскими англистами стоят большие и серьезные задачи в области лексикологической проблематики.

Предлагаемая работа — и это нужно сразу же подчеркнуть — не претендует на изложение исторической лексикологии английского языка. История словарного состава английского языка сможет быть написана только после того, как будет проведено большое количество конкретных исследований в самых различных областях словарного состава английского языка. Появляющиеся в последние годы в советской научной печати статьи по ряду конкретных вопросов английской лексикологии, увеличение количества диссертаций на различные лексико-исторические темы свидетельствуют о возрастающем среди советских англистов интересе к этому неразработанному участку языкознания и позволяют надеяться, что подлинно научная историческая лексикология английского языка действительно будет создана в недалеком будущем. Но задача настоящей книги гораздо более узка. Ввиду того, что смешанный характер английского словарного состава это,

* В. И. Ленин. Собр. соч., т. 1, стр. 142.

так сказать, первый пункт его обычной характеристики, которую мы находим почти во всех лексикологических работах, представляется целесообразным из всей массы проблем, составляющих содержание лексикологии, в первую очередь выделить именно проблему этимологических основ словарного состава современного английского языка. Необходимо разобраться в том, как следует понимать смешанный характер английской лексики и в какой мере на ней отразились заимствования из других языков. Для этого нужно, прежде всего, выяснить, какими путями, в силу действия каких языковых процессов осуществлялось развитие английского словарного состава и каким именно образом этот последний дошел до того состояния, в каком мы застаем его в настоящее время. Является ли заимствование иноязычных слов в готовом виде основным и главным фактором этого развития? Каковы исторические причины массового усвоения иноязычной лексики в английском языке? Единообразна ли судьба заимствованных слов в этом языке или, наоборот, их активность и удельный вес в нем может быть неодинаковым? Каков, хотя бы в общих чертах, характер наиболее устойчивой лексики английского языка?

Настоящая работа представляет собой попытку наметить пути решения перечисленных выше вопросов, совокупность которых и составляет собственно проблему смешанного характера английского словарного состава.

В задачи автора, таким образом, не входило подробное прослеживание самого хода развития словарного состава со всеми отличительными его особенностями на разных этапах истории английского языка. Поэтому изложение строится не в историческом плане, а с точки зрения существующего в настоящее время состояния словарного состава как продукта исторического развития его в течение целого ряда эпох. В связи с этим характеристика современного словарного состава неизбежно переплетается с ретроспективным освещением пройденного им пути развития.

Может быть, следует сделать еще одно предварительное замечание: работа ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту привлекаемого к рассмотрению материала; в ней сознательно опускаются многие частности и детали, а разбираются лишь наиболее типичные лекси-

ческие примеры. Так, при освещении аффиксального словообразования ряд аффиксов оставлен без рассмотрения; однако любой из неупомянутых аффиксов мог бы быть использован для подтверждения тех положений, которые в работе иллюстрированы другими аффиксами. Приводимые в некоторых случаях перечни слов — например, слов, отличающихся особой устойчивостью, или тех или иных заимствований и т. п. — также служат лишь для доказательства выдвигаемых положений, но далеки от собственно лексикографических заданий в подлинном смысле слова.

В таком по необходимости кратком очерке этимологических основ словарного состава современного английского языка вряд ли могут быть неоспоримо и окончательно разрешены все сложные вопросы, в нем затрагиваемые. Тем не менее, если природа словарного состава английского языка, специфика его смешанного характера получит более точную интерпретацию, чем та, которая предлагалась до сих пор в лексикологических описаниях английского языка, автор будет считать свою задачу выполненной.

Глава I

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ПРОДУКТ ЕГО РАЗВИТИЯ В ТЕЧЕНИЕ РЯДА ЭПОХ

Словарный состав языка, как известно, находится в состоянии непрерывного изменения. Эта подвижность и изменчивость его обусловлена тем, что язык, и в первую очередь его словарный состав, непосредственно связан как с производственной, так и со всякой иной общественной деятельностью людей. Для того, чтобы язык мог полноценно выполнять свою основную функцию — функцию важнейшего средства общения — его словарный состав должен быстро реагировать на изменения, происходящие во всех сферах жизни и деятельности людей: в производстве, в науке, в мировоззрении, в общественно-экономических отношениях, наконец, в быту; — отражать и фиксировать эти изменения. Возникающие в ходе общественного развития понятия нуждаются для своей реализации в языковой материи, в словесном воплощении. Усложнение форм общественного бытия, развитие и углубление всей суммы человеческого познания окружающей действительности вызывает появление все новых слов и постепенное вытеснение из языкового употребления тех слов, которые были связаны с пройденным этапом общественной практики и идеологии. Таким образом, количественный рост и качественные изменения словарного состава языка связаны, в конечном счете, с историей народа, творца и носителя этого языка. Однако, проследившая связь развития словарного состава языка с историей данного общественного коллектива, мы ставим и решаем вопрос о том, к а к о в ы п р и ч и н ы развития словарного состава языка; но для науки важно знать не только п о ч е м у совершается то или иное явление, но и к а к, т. е. в каких формах оно совершается.

Поэтому второй, не менее существенной стороной проблемы развития словарного состава языка является вопрос о путях этого развития. Без освещения этой стороны дела картина сложения словарного состава языка будет неполной.

Вопрос, следовательно, заключается в следующем: каким образом создается слово, в котором возникает потребность в определенный момент жизни общества? Этот вопрос можно расчленить на два аспекта: во-первых, выяснение того, связано ли возникающее слово своим материальным составом с тем объектом действительности, который оно призвано обозначать, иначе говоря, мотивирован ли как-либо отбор языкового материала, используемого для создания нового слова, природой называемого объекта, или его следует признать совершенно произвольным и случайным; во-вторых, выяснение того, какова самая техника словопроизводства, каковы те словообразовательные приемы и средства, с помощью которых осуществляется организация языкового материала для создания нового слова.

Анализ английского словопроизводства и словоупотребления показывает, что, вообще говоря, название вещи как в момент своего появления в языке, так и при его использовании в языковом общении может не нести в себе отражения каких-либо черт или особенностей называемого предмета, а тем более его сущности*. Об этом ярко свидетельствуют в первую очередь те многочисленные заимствованные слова, которые пришли в английский язык как простые знаки или ярлыки обозначаемых ими фактов действительности. Например, заимствуя слово *prince* из старофранцузского языка, английский народ, разумеется, не отдавал себе отчета в том, что это слово представляет собой развитие латинского слова *princeps* 'главный', 'глава', которое, в свою очередь, сложилось в латинском языке на основе слов *primus* 'первый' и *capio* 'беру' и, таким образом, содержало в себе признак называемого лица, как такого, которое занимает первое (т. е. важнейшее) положение. В английском языке слово *prince* — просто название определенного лица, титул, никак в своей мате-

* См. по этому вопросу: Е. М. Галкина-Федорук. Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания. «Иностранные языки в школе», 1952, № 2.

риальной фактуре не отражающее качества или каких-либо признаков этого лица или этого звания. О том, что при своем возникновении слово может быть лишено какой-либо мотивировки, свидетельствует также и наличие в английском языке некоторого количества искусственно созданных слов. Показательно в этом отношении происхождение существительного *nylon* 'нейлон' (особый род искусственного синтетического волокна). Английская фирма, вырабатывающая данное волокно, выбрала это слово из 350 названий, предложенных на конкурс, так как оно было признано легко запоминающимся, созвучным с существующими названиями волокон (*cotton* 'хлопок' и *rayon* 'искусственный шелк') и в то же время не вызывающим никаких ложных ассоциаций ни с каким определенным материалом*. Слово *nylon* не имеет, по сути дела, никакой этимологии и отдельные фонемы, его составляющие, не скрывают под собой сокращения каких-либо конкретных лексических единиц. Следовательно, это слово не имеет никакого основания в особенностях называемого им волокна. Тем не менее, это не помешало ему приобрести широкое распространение в английском языке приблизительно с конца 20-х гг. нашего столетия.

Подобные случаи появления слов с немотивированной формой, действительно, встречаются, и не так редко, в истории английского словарного состава. Однако наблюдение показывает, что в подавляющем большинстве случаев при словопроизводстве выбор языкового материала для выражения понятия вовсе не является совершенно произвольным; наоборот, он обычно обусловлен каким-либо признаком называемого предмета. Произвольным или вернее более или менее случайным, зависящим зачастую от степени заметности, а не от степени существенности признака, от конкретной ситуации, от «частных исторических обстоятельств называния»**, оказывается не выбор языкового материала для названия слова, а выбор

* Т. И. Труевцева. Расширение словарного состава английского языка в связи с развитием текстильного производства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1953, стр. 11.

** Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. II, Учпедгиз, 1953, стр. 16.

самого признака называемого факта действительности, который кладется в основу его названия. Мы легко обнаруживаем признак, являющийся источником наименования таких предметов, как, например, *loudspeaker* или *blackberry* и т. п. Для языкового выражения этого признака нужен был именно тот языковой материал, который был для этого избран (*loud* 'громкий', *speak* 'говорить', -*er* орудийный суффикс; *black* 'черный', *berry* 'ягода'); однако самые эти признаки не были избраны для целей словопроизводства в силу неизбежной и исключительной необходимости: для языкового обозначения 'радиорепродуктора' столь же правомерно было бы взять признак его функции передатчика звука на расстояние, а 'черная смородина' могла бы получить название по ее форме, вкусу, размеру, месту произрастания и т. п. О таких словах, в которых легко определим опорный признак называемых ими фактов действительности, обычно говорят, что их мотивировка или этимологическая структура ясна. Этимологическая структура слова обнаруживает двойную или, точнее, двустороннюю связь слова: с одной стороны, связь его с называемым объектом, с другой стороны, — с языковым материалом, наличествовавшим в данном языке в момент образования этого слова.

В словарном составе современного английского языка мы находим известное количество слов с совершенно прозрачной этимологической структурой. Такие слова встречаются как среди слов, созданных самим английским языком, так, хотя и реже, и среди заимствованных слов, морфемы которых осознаются непосредственно в их значении. Таковы, например: *broadcasting*, *cold-blooded*, *dress-maker*, *earthquake*, *fairy-tale*, *flatfish*, *joiner*, *redwing*, *rubber*, *sawdust*, *seaworthy*, *shower-bath*, *sportsman*, *to remove*, *to repay*, *to backbite*, *to wheel*, *capitalism*, *invalid*, *interplay* и т. п. и т. д. Однако значительно большее число слов, входящих в словарный состав современного английского языка, отличается затемненностью, полной стертой или просто отсутствием мотивировки их формы. Возьмем всего несколько примеров, которые должны служить типичными образцами перечисленных состояний этимологической структуры современных английских слов. В существительном *butterfly* 'бабочка' этимологическая струк-

тура на первый взгляд представляется совершенно обнаженной ('масляная муха'). Однако в действительности она оказывается затемненной, что явствует в частности из различий толкования ее различными лексикологами. Так, Дж. Гринаф и Дж. Китредж считают, что 'бабочка' получила название butterfly потому, что это 'муха желтая как масло' (т. е., следовательно, по признаку ее цвета)*. Г. Мак-Найт утверждает, что в слове butterfly отразилось старинное крестьянское поверье, согласно которому ведьмы, принимая вид бабочек, сосут молоко у коров**. Кто бы из них ни был прав, факт остается фактом, что этимологическая структура этого слова оказывается не столь прозрачной, как это может показаться.

В других случаях бывает еще труднее представить себе этимологическую структуру того или иного слова, и только специальные исторические разыскания могут ее вскрыть. Например, этимологическая структура слова friend как 'любящий' выясняется лишь из древнеанглийской формы его — frēond, связанной с причастием I глагола frēon 'любить' (frēonde). Нужно сказать, что для целого ряда слов — это относится в первую очередь к первообразным корневым словам древнейшего происхождения (таких как home, land, eye, foot, good и т. п.), — т. е. индоевропейскому словарному фонду — даже показания истории языка бывают недостаточными для раскрытия их этимологической структуры. Этот древнейший пласт словарного состава, повидимому, подвергался столь многократным семантическим и фонетическим преобразованиям, что наука пока что не может восстановить в чистом виде этимологическую структуру входящих в него слов. Наконец, полностью лишены мотивировки в пределах английского языка многочисленные иноязычные заимствования, даже отчетливо мотивированные в исходном языке (например, to defy, dormant, minister, accident, to obtain, pigmy, oral, contempt, challenge, prophet, vacation, zeal и множество других).

* J. B. Greenough and G. L. Kittredge. Words and Their Ways in English Speech. N. Y., 1922, ch. XIII.

** G. H. Mc Knight. English Words and Their Background. D. Appleton-Century Company Incorporated, N. Y. — L., ch. XXII.

Явление затемненности или полной утраты мотивировки слова показывает, что этимологическая структура слова совершенно несущественна для языкового общения, для которого единственно важным является действующее значение употребляемого слова.

Как было сказано выше, проблема путей сложения словарного состава языка имеет и другую сторону — а именно, выяснение характера тех средств и процессов словопроизводства, которые в истории данного языка участвовали в расширении и обогащении его словарного состава. Это вопрос о механизме использования и комбинации языковых элементов, избираемых для словообразования. Для освещения этимологических основ словарного состава современного английского языка этот вопрос имеет первостепенное значение.

Современная английская лексика представляет собой продукт целого ряда эпох. В силу того, что развитие языка — всех его сторон, в том числе и словарного состава — происходит постепенно, мы находим в словарном составе современного английского языка слова, сложившиеся в разные исторические эпохи, в результате различных способов его пополнения, с помощью различных словообразовательных средств, относящихся к различным моментам истории английского языка. Анализ показывает, что ведущим процессом в развитии словарного состава английского языка на всех его этапах было словопроизводство, т. е. образование слов из наличествующего словарного материала. Даже в периоды наиболее бурного притока иноязычных лексических заимствований (например, в период XIII — XVI вв.) шел не менее интенсивный процесс словопроизводства и переосмысления уже существовавших в языке слов. Историки английского языка не обращают на этот факт должного внимания и склонны преувеличивать значение заимствованных слов в обогащении английского словаря.

Словообразовательные приемы, действие которых мы можем отметить в истории английского словарного состава, доступной нашему исследованию, это, как известно, аффиксальное словообразование (деривация), словосложение, конверсия, сокращение слов (аббревиация), чередование гласных (аблаут) — последнее в меньшей степени. Процесс переосмысления слов, строго говоря, нельзя

назвать словообразованием, хотя он и обогащает словарный состав языка и дает возможность языкового воплощения понятий; он может считаться таковым, повидимому, только в том случае, если в результате распада многозначности возникает омонимия (например, press 'пресс', 'пресса', 'стенной шкаф'; spring 'пружина', 'родник', 'прыжок', 'весна' и т. п.).

Вопросами собственно словообразования в английском языке зарубежные лексикологи занимались и занимаются недостаточно. Больше внимания им уделяют грамматисты (О. Есперсен, Г. Суит, Г. Козиол и др.), но они допускают ряд принципиальных ошибок в трактовке этих вопросов. Так, например, они недостаточно учитывают, а иногда совершенно игнорируют разницу между подлинными аффиксами и морфологическими приметами слов, неточно оценивают словообразовательную силу некоторых аффиксов, преувеличивают удельный вес заимствованных формантов в английском словопроизводстве, неправильно интерпретируют сущность некоторых словообразовательных типов и т. д. История английского словообразования еще ждет своего развернутого исследования, которое представляется одной из самых актуальных задач советской англистики. В предлагаемом кратком очерке мы ставим перед собой только задачу показать, как отразились на современном словарном составе английского языка различные словообразовательные процессы, действовавшие в различные эпохи истории этого языка.

Некоторые из способов словообразования являются постоянно действующими в английском языке, т. е. такими, продуктивность которых с теми или иными колебаниями отмечается на протяжении всей зафиксированной истории английского языка вплоть до нового времени или даже до наших дней. Таковы аффиксальное словообразование и словосложение. Другие способы словообразования действовали лишь в прошлом и в настоящее время уже являются совершенно непродуктивными. Таково, например, чередование гласных. Наконец, мы находим и такие словообразовательные процессы, возникновение которых относится к сравнительно недавнему времени, например, конверсию в ее классическом, так сказать, виде, возможно и аббревиацию. Эти словообразовательные процессы следую-

щим образом отразились на словарном составе современного английского языка.

Аффиксальное словообразование. Как уже только что упоминалось, аффиксальное словообразование представляет собой один из наиболее длительно действующих в английском языке словообразовательных приемов. В словарном составе современного английского языка имеются слова, созданные по принципу аффиксации и в древнеанглийский, и в среднеанглийский, и в новоанглийский периоды, и буквально в наши дни. Однако такое длительное существование самого принципа образования слов с помощью аффиксов вовсе не предполагает неизменности состава действующих аффиксов. Наоборот, наблюдая историческое развитие аффиксации, мы легко можем заметить замену одних аффиксов другими, архаизацию одних, появление других, активизацию третьих, изменение значения тех или иных аффиксов и т. п. Поэтому в современной лексике мы находим слова, некогда образованные с помощью ныне совершенно непродуктивных, даже полностью омертвевших аффиксов, наряду со словами, образованными в давние времена с помощью таких аффиксов, значение которых не утрачено и до сих пор; встречаем и слова, созданные в наши дни посредством ныне действующих продуктивных аффиксов, из которых одни дошли до современности из глубокой древности, а другие появились в языке сравнительно недавно. Таким образом, аффиксальное словообразование отмечается в английском языке в течение ряда веков.

Среди английских словообразовательных аффиксов германского происхождения можно отметить целый ряд таких, которые активно используются в словопроизводстве в большей или меньшей степени во все периоды истории английского языка. Именно они со всей очевидностью доказывают значение аффиксации для английского словообразования и неослабевающую способность английского языка к словопроизводству по морфологическому способу. Правда, не во всех частях речи аффиксальное словообразование одинаково широко представлено во все эпохи. Некоторые из этих живых аффиксов изменили свое значение или стали многозначными; вследствие этого слова, образованные в различные или даже в одну и ту же эпоху с участием

одного и того же аффикса, могут принадлежать к различным смысловым сферам.

Интересно отметить, что таких долговечных префиксов значительно меньше, чем суффиксов. Может быть, это связано с тем, что в английском языке префиксы выполняют только и исключительно функцию средства перестройки лексического значения слова, и один и тот же префикс может, как правило, обслуживать разные части речи, тогда как суффиксы несут на себе и лексическое и грамматическое значения и распределяются между разными частями речи. Среди аффиксов, постоянно действовавших и продолжающих в той или иной мере действовать в английском языке, можно назвать такие префиксы, как *mis-*, *over-*, *under-*, *out-*, *up-* и такие суффиксы, как *-ed*, *-ful*, *-ish*, *-less*, *-y* в прилагательных, *-er*, *-ness*, *-ing* в существительных, *-ly*, *-ward* (*-wards*) в наречиях и ряд других.

Префикс *mis-* (*да.*, *др.-исл.*, *др.-сакс.*, *др.-фризск.* *mis-*; *г.* *miss-*; *дн.* *missa-*, *missi-*, *misse-*) в древнеанглийском был чисто глагольным префиксом и имел отрицательное и пейоративное значение (т. е. сообщал оформляемым им словам пренебрежительный оттенок), а также обладал способностью придавать глаголу оценочное значение 'неправильно', ср. *to mislead* (*да.* *mislædan* 'неправильно вести'). В этих же значениях он выступает и в среднеанглийском, но от обоих этих периодов до современности дошло незначительное количество глаголов, как например, *to misadvise*, *to misunderstand*, *to misbehave*, *to mistake*, *to misdeal*, *to misdeem*, *to mis-spend* (XIII—XV вв.)*. В ранненовоанглийский период он действовал чрезвычайно продуктивно, но исключительно в значении 'неправильно'. От XVI—XVII вв. дошли такие глаголы, как *to misapply*, *to misdate*, *to misplace*, *to misgive*, *to mispronounce*, *to misapprehend*, *to misguide*, *to misdirect*, *to mis-spell* и ряд других. В новоанглийском языке префикс *mis-* продуктивен также только в одном значении 'неправильно'. Так, в

* Здесь и в дальнейшем в качестве иллюстративного материала привлекаются только те слова, которые существуют и сейчас в современном английском языке, так как нашей целью не является подробное изложение истории словообразования в английском языке.

XIX в. созданы глаголы to misappropriate, to miscomprehend, to misdecide, to misread и другие.

Начиная со среднеанглийского периода отмечается образование существительных с этим же префиксом, например, misbelief, misbehaviour, miscarriage, mischance, misdoing, misdemeanour, misfortune. Во всех случаях, кроме последнего, основа, оформляемая этим префиксом, является глагольной. В новоанглийский период появляются существительные misappropriation, miscalculation, mismatch, mistuning. В словах, в которых этот префикс имел отрицательное значение в среднеанглийском языке, впоследствии (точнее, в XVI в.) он был заменен романским отрицательным суффиксом *dis-*, повидимому, ради отграничения чисто отрицательного значения от других значений этого префикса, а следовательно, в плане отшлифовки языковых средств для более точного выражения мысли. Ср. to misagree > to disagree; to miscredit > to discredit; to misdain > to disdain; to dislike > to dislike и другие. В современном языке мы встречаем новообразования с префиксом *mis-* преимущественно в области специальной технической и медицинской терминологии, но сочетаемость его с основами любого происхождения показывает его широкую словообразовательную потенцию.

Префикс *out-* образовался в древнеанглийском в результате префиксального употребления наречия (*да.* ūt, ūte; *г.* ūt, ūta; *дрн.* -ūz; *др-исл.* ūt, ūti). Он оформлял собою существительные (например, outland < ūtland), глаголы, хотя в последних писался раздельно (например, to outride < ūt rīdan 'выезжать', впоследствии — 'опережать'). Большая часть существующих в современной лексике слов с этим префиксом, однако, является продуктом последующих эпох вплоть до настоящего времени. Во все эпохи префикс *out-* имел в основном следующие значения: пространственное ('наружу', например, to outflow 'истекать', XVI в.), значение результативное, образовавшееся, повидимому, на основе абстрагирующего обобщения первого значения (ср. to outburn 'сжечь до тла', XVI в.) и значение перевеса, преимущества в каком-либо действии (например, to outdo 'превзойти'). От среднеанглийского дошли глаголы to outcast, to outburst, to outdo, to outstretch, to outspread, существительное outcry (большинство существи-

тельных, появившихся в среднеанглийском с этим префиксом, представляет собой, повидимому, результат конверсии от префиксального глагола и потому здесь не приводится); от ранненовоанглийского — глаголы *to outgrow*, *to outsit*, *to outbrave*, *to outface*, *to outbalance*, *to outnumber*, *to outrival*, существительные *outbreak*, *outfall*, *outline*, *outskirts*; в новоанглийском (XVIII—XX вв.) образованы такие глаголы, как *to outmanoeuvre*, *to outargue*, *to outdistance*, *to outclass*, *to outlie*, *to outcrop*, *to outplay*, *to outsweep*, существительные *outlook*, *outstation*, *output*, *outstroke*, *out-world*, *outhead*, *outrigger*, наречия *outdoors*, *outside*. Сочетаемость его также не ограничена этимологическим характером оформляемых им основ.

Значительную продуктивность и широкую сочетаемость во все эпохи развития английского языка проявляет и префикс **un-** (да. *un-*; нем. *un-*). Значение его в различных частях речи не вполне тождественно. В глаголах он выступает показателем аннулирования действия, выраженного в производящей основе. Так, от древнеанглийского дошли глаголы *to unfold* (*unfeoldan* ‘развертывать’), *to unbind* (*unbindan* ‘развязывать’); от среднеанглийского — *to unbutton*, *to unbuckle*, *to unsheathe*, *to unpin*, *to unshoe*; от ранненовоанглийского — *to uncage*, *to unburden*, *to undeceive*, *to uncreate*, *to unclasp* и т. п. В новое время (с XIX в.) появились глаголы *to unheed*, *to unbonnet*, *to uninsulate*, *to unweight*, *to unvote* и др. В существительных и прилагательных префикс **un-** имеет чисто отрицательное значение. От древнеанглийского дошло небольшое количество таких существительных и прилагательных (причем последние представляют собой окачествленные причастия), например, *unbelief*, *unknow*, *unborn*, *uncouth*. От среднеанглийского периода, несмотря на довольно значительную продуктивность в то время этого префикса, дошло очень немного производных, например, *unable*, *unapt*, *unhappy*, *unrest*. Большая часть ныне действующих в английском языке прилагательных с этим префиксом появилась в ранненовоанглийскую эпоху, например, *unabashed*, *unabated*, *unaccountable*, *unavailable*, *unavailing*, *uncommon*, *unconcerned*, *unrivalled*, *unsafe* и т. п. Из новообразований наиболее употребительными являются,

например, существительные *unconcern*, *unreserve*, *unrestraint* (XIX в.).

Приблизительно такую же картину развития и такую же активность в английском языке показывает и префикс **under-**. И он также образовался из префиксального употребления предлога *under* (да. *under* 'под'; г. *undar*; др.-исл. *undir*; дн. *unter*). От древнеанглийского языка до современности сохранилось несколько глаголов, оформленных этим префиксом, причем в одних он обнаруживает пространственное значение 'под', например, *to underlie* (да. *underliczan* 'лежать под (чем-либо)', *to underlay* (да. *underleszan* 'подкладывать'), в других же значение его вследствие совершившейся деэтимологизации отчасти или полностью затемнено, ср. *to understand* (да. *understandan* 'принимать', 'понимать'), *to undergo* (да. *undergān* 'подлежать', 'подвергаться'). В среднеанглийском префикс **under-** выступает с вполне ощутимым пространственным значением 'под' (например, глагол *to undermine* 'подкапывать', 'подрывать'; наречие *underfoot* 'под ногами'), хотя и здесь процесс деэтимологизации может приводить к затемнению собственного значения префикса (например, *to undertake* 'предпринимать', 'браться за какое-либо дело'). С XVI в., при сохранении префиксом пространственного значения 'под' (ср. глаголы *to undercut*, *to underpin*; существительные *undergrowth*, *underworld*, *undercoat*, *undercurrent*; наречия *underground*, *underhand*), путем обобщения и отвлечения развивается значение 'ниже нормы', т. е. 'недостаточно'. Из ранних образований этого типа в настоящее время находим глаголы *to underact*, *to underbid*, *to underdo*, *to underrate*, прилагательное *underbred* (из причастия). Наиболее новые образования датируются XIX и XX вв.; в них усматриваются оба значения префикса — это глаголы *to underestimate*, *to understate*, *to underdose*, *to underdraw*, *to understock*, существительные *underdog*, *underexposure*, *underfeature*, *undercapacity*, *underframe*, *underdrain*, прилагательное *underdressed* и ряд других.

Префикс **over-** возник в древнеанглийском языке из префиксального употребления предлога *ofer* 'над', 'посверх' (г. *ufar*; дн. *obar*, *ubar*; др.-исл. префикс *ofr-*) и имел значение 'над', из которого путем обобщения и абстракции развилось значение 'пере-' (превосходства, преобладания).

От древнеанглийского дошли глаголы *to oversee* (да. *ofersēon* 'надзирать'), *to overdrive* (да. *ofer-drīfan* 'одолевать', 'побороть'). В среднеанглийском этот префикс имел те же значения (ср. *to overgild*, *to overbear*) и кроме того приобрел в силу абстрагирующего переосмысления новое для него значение 'сверх меры' (например, *to overabound*, *to overcharge*, *to overgrow*). В XVI в. он широко употребляется в сфере глаголов. Фактически он мог присоединяться к любому глаголу для придания последнему указанного значения 'сверх меры'. В новоанглийском языке он остается в известной степени продуктивным в двух значениях — 'над', 'поверх' (т. е. в пространственном смысле) и 'сверх меры' (ср. *to overcrowd*, *to overfeed*, *to overflow*, *to overestimate*, *to overlap*, *to overcolour*, *to over-capitalize*).

Начиная со среднеанглийского периода мы находим префикс **over-** и в составе других частей речи — прилагательных (*over-nice*, *over-wrought*, *over-proof*), существительных, главным образом начиная с XV в. и дальше (*overall*, *overpressure*, *oversight*, *oversleeve*, *over-time*, *overshoe*). В глаголах, существительных и прилагательных этот префикс продуктивен и в новое время, тогда как имеющиеся в современном языке немногие наречия, им оформленные, являются продуктом предшествующих эпох, например, *overboard* — древнеанглийской, *overland* — среднеанглийской, *overhead* — ранненовоанглийской.

Префикс **up-** (да. нареч. *ūp*, *upre* 'наверх', 'сверху'; дзн. *uf*; др.-исл. *upr*, ср. г. *iup*) действовал уже и в древнеанглийском словообразовании, хотя от этого периода почти не осталось производных, им оформленных (ср. *to upbraid*, да. *ūpbreȝdan* 'упрекать'; *upland*, да. *ūpland* 'сельская местность', с XVI в. 'нагорная страна'). Он был весьма продуктивен в области глагола и существительного в среднеанглийский период, но большая часть ныне существующих в языке слов восходит к XVI в. и позже, ср. глаголы *to uphold*, *to uplift* (XIV в.), *to upturn*, *to uproot*; существительные *uproar*, *upshot*, *upstart*, *upgrowth*; наречия *uphill*, *upstairs*, *upright* (XVI—XVII вв.). В новоанглийском языке его продуктивность сравнительно невелика и ограничивается в основном существительными, например, *upkeep*, *uptake*, *upheaval*, хотя последнее вернее считать образованием

с помощью суффикса *-al* от глагольной основы *upheave* (XIV в.), ныне устаревшей.

Префикс *a-*, используемый для образования наречий и слов категории состояния (типа *alive*, *asleep*), имеет сравнительно более короткую историю, ибо сложился как префикс не ранее XIII в. В древнеанглийском таких образований еще нет; вместо них мы находим в нем предложные сочетания *on* + дательный падеж существительного (*on slæpe* 'во сне', *on life* 'в живых'). Синтезированная форма возникает лишь в среднеанглийском, причем фонетически редуцированный предлог *on* (> *a-*) переосмысливается в префикс. В среднеанглийском мы застаем уже наряду с трансформированными старыми предложными группами типа *alive*, *asleep*, *afloat*, несомненно вошедшими к тому времени в самое широкое употребление, новообразования непосредственно с помощью этого нового префикса от именных основ, такие как *amiss*, *afield*, *aloft* и другие. Впоследствии (примерно в ранненовоанглийском) новые наречия этого типа начинают производиться и от глагольных основ (*aswim*, *adrift*). В XIX в. префикс *a-* проявляет значительную продуктивность (ср. *ablowl*, *ablaze*, *astir*, *ashiver*, *asparkle* и многие другие).

В английском языке, как упоминалось выше, существует и активно функционирует на протяжении более тысячелетия также целый арсенал суффиксов германского происхождения.

Одним из вообще самых продуктивных аффиксов английского языка, обладающих весьма широкой сочетаемостью, следует признать суффикс существительного *er-* (*да.* *-ere*; *г.* *-areis*; *нем.* *-er*; *шв.* *-are* и т. п.)*. В древнеанглийском он мог вступать в соединение как с глагольными, так и с именными основами, передавая значение деятеля, выполняющего указанное в основе слова действие или связанного по роду выполняемых действий с указанным в ней предметом (ср. *baker* < *да.* *bæcere* 'пекарь', *fowler* < *да.* *fuzlere* 'птицелов').

От среднеанглийского и ранненовоанглийского дошли существительные, являющиеся наименованиями профессий,

* Повидимому, этот общегерманский суффикс восходит к латинскому суффиксу *-arius*.

занятий, местопребывания, как например, builder, book-binder, glover, hatter, hunter, tinner, saddler, astronomer, worker, weaver, Londoner и т. п. С ранненовоанглийского периода этот префикс развивает, помимо агентивного, также и орудийное значение, дав целый ряд наименований орудий труда, инструментов, приспособлений, выполняющих указанные в основе данного слова операции. Ранними новообразованиями этого характера являются, например, слова roller (*техн.* 'валик'), knocker ('дверной молоток'), другие, как правило, ныне устарели. В настоящее время мы являемся свидетелями чрезвычайно широкого использования этого суффикса в обоих значениях, ср. с одной стороны, flyer, finer, fitter, ('наладчик'), winder (*текстильн.* 'мотальщик'), photographer, dispatcher и т. д.; — с другой стороны, boiler, buffer, feeder (*эл.* 'фидер'), grader, receiver ('телефонная трубка'), booster (*эл.* 'усилитель'), transmitter и т. п. О. Есперсен отмечает, что в современном языке широко употребляются ситуативные глагольные производные на **-er**, обозначающие лиц, выполняющих определенное действие или находящихся в определенном состоянии лишь в данный момент (см. его примеры: comers and goers, his fellow breakfaster, the sitter's elbow и другие*; ср. также the efficient telephoner, Wodehouse). Некоторые существительные с суффиксом **-er** обозначают не орудия, а просто предметы, так или иначе связанные с определенным действием или результатом действия, ср. breaker 'волна', cracker 'печенье', bracer 'укрепляющее средство' и т. п.

Суффикс абстрактного существительного, обозначающего качество, свойство, **-ness** (*да.* -nes, -nis, -nys, ср. *г.* -passus; *нем.* -nis) использовался в древнеанглийском в соединении с основами прилагательных. От того времени дошли такие существительные как idleness, goodness, sweetness, brightness, bitterness и т. п. От среднеанглийского, где суффикс этот также обнаруживает значительную продуктивность, дошли fairness, hardness, blackness, coldness, clearness, closeness, sadness, wretchedness и ряд других. Среди более поздних образований можно назвать такие как

* O. J e s p e r s e n. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. VI, G. Allen-Unwin, L., стр. 229.

brusqueness, straightforwardness, in-and-outness, in-the-rightness. В настоящее время допускается образование абстрактных существительных качества или состояния посредством этого суффикса фактически от любой основы прилагательного, как английского, так и иноязычного происхождения*.

Таким же продуктивным является суффикс абстрактного существительного *-ing* (да. *-ing/-ung*; нем. *-ung*), являющегося обозначением процесса (ср. *falling, beating*) или внутреннего состояния (ср. *misgiving, feeling*). Продуктивным он был на всех этапах развития английского языка (ср. *— bidding, biting, eating, drinking, choosing, beginning, bearing, building, dealing, feeling; ранн-на. — collecting, misgiving; XIX в. — commingling, inpushing, grading и т. п.*). Начиная с XIII в. любая глагольная основа, как английская, так и романская, может вступать в соединение с этим суффиксом.

Значительную продуктивность проявляет и ряд суффиксов прилагательных, что, между прочим, является опровержением распространенного взгляда на прилагательное, как на такую часть речи в английском языке, в пределах которой почти не происходит пополнения за счет аффиксального словообразования.

Самыми производительными из действующих суффиксов прилагательных, несомненно, являются суффиксы *-ed, -y*.

Суффикс *-ed* (да. *-ede*; др-сакс. *-ōdi*) служит для образования от именных основ прилагательных со значением 'наделенный или отличающийся тем, что выражено в основе'. В современном языке таких прилагательных существует огромное количество.

От древнеанглийского дошли, например, *ringed* (hringed 'с кольцом'), *hooked* (hōcede 'крючковатый'), от среднеанглийского — *hooded, speckled, wrinkled, wretched*, в ранненованглийском появились *bearded, gloved, skilled, spectacled, tufted*, в новонаглийском — *detailed, mullioned, padded* (XVIII в.), *baized, singled, spruced* (XX в.).

* Нужно заметить, что продуктивность суффиксов абстрактных существительных значительно усиливается в среднеанглийский период и позднее, что связано с развитием все большей способности к абстракции.

Особенно распространены сложные прилагательные со вторым компонентом в виде производного с суффиксом **-ed**, например, *quick-sighted*, *blue-eyed* и т. п.

Суффикс **-у** (*да.* **-iz**; *нем.* **-ig**; *шв.* **-ig** и т. п.) многозначен. Он может придавать прилагательному значение 'содержащий то, что выражено в основе' (*mighty*), или 'напоминающий то, что выражено в основе' (*bushy*), или, наконец, 'характеризуемый тем, что выражено в основе' (*stony*, *rainy*). Он участвует в образовании прилагательных от основ любого происхождения и любого значения и вещественного, и отвлеченного (за исключением именных основ со значением лица). Нет возможности перечислить все прилагательные, образованные на разных этапах развития английского языка с помощью этого суффикса. Ради иллюстрации его высокой продуктивности приведем только некоторые примеры. В древнеанглийском созданы такие прилагательные как *cloudy* (*да.* **clūdiȝ**), *dizzy* (*да.* **dysiȝ**), *hungry* (*да.* **hunȝriȝ**), *guilty* (*да.* **ȝyltiȝ**), *icy* (*да.* **īsiȝ**), *mighty* (*да.* **mihtiȝ**), *rainy* (*да.* **reȝeniȝ**, **reniȝ**, **reoniȝ**), *sandy* (*да.* **sandiȝ**), *stony* (*да.* **stāniȝ**), *thirsty* (*да.* **þurstiȝ**), *weary* (*да.* **weriȝ**), *windy* (*да.* **windiȝ**). От среднеанглийского дошли: *airy*, *bushy*, *chalky*, *dusty*, *faulty*, *handy*, *rocky*, *shadowy*, *smoky*, *stormy*. В ранненовоанглийском таких прилагательных появилось очень много, например, *bonny*, *chilly*, *clumsy*, *lucky*, *muddy*, *silvery*, *stingy* и т. п. и т. д. Начиная с XVIII в. и до наших дней суффикс **-у**, не утрачивая своей продуктивности, дает такие новообразования как *blotchy*, *boggy*, *catchy*, *chunky*, *fidgety*, *fluffy*, *funny*, *lumpy*, *plucky*, *smelly*, среди новейших — *spangowy*, *snoopy*, *tweedy*. Раскрыв любую современную английскую книгу, мы можем легко удостовериться в распространенности этого суффикса.

Издавна и до сих пор продуктивны (хотя и не в одинаковой степени) также суффиксы наречий **-ly**, **-ward** (**-wards**), суффикс абстрактного и собирательного существительного **-dcm**, **-ship**, суффиксы прилагательных **-ful**, **-less**, **-ish** и ряд других. Мы позволим себе не приводить иллюстраций, подтверждающих продуктивность этих суффиксов, поскольку, как нам представляется, вышеприведенный материал в достаточной мере показывает ту существенную роль, какую играло и играет в английском языке аффик-

сальное словособразование. Для нас сейчас важнее остановиться на другом вопросе.

Дело в том, что на предыдущих страницах мы рассматривали только такие аффиксы германского происхождения, которые сохранили свою активность в языке с древнейших эпох по сие время. Повидимому, об этих аффиксах мы можем с уверенностью говорить, как о главных общенародных словообразовательных морфемах, которые встречаются в составе большого количества слов, принадлежащих к общеупотребительной лексике современного английского языка. Последние служат словообразовательным образцом для данного языка на протяжении длительного времени. Производные слова, входя в широкое употребление, служат моделью и стимулом для дальнейшего словопроизводства с помощью представленных в их составе аффиксов, которые благодаря этому приобретают большую продуктивность в языке. Однако этот, так сказать, «инвентарь словообразовательных моделей», образующихся на базе общеупотребительной лексики, было бы конечно совершенно неправильно представлять себе раз навсегда данным и неизменным во все времена и на всех этапах развития языка. Мы находим в словарном составе современного английского языка результаты действия многих суффиксов, которые и сейчас входят в морфологическую структуру целого ряда слов широкого употребления и в свое время обладали значительной продуктивностью, но впоследствии ее утратили. Утрата словом, принадлежащим к словарному активу, своей способности служить словообразовательной моделью, способствовать широкому использованию данного аффикса как словообразовательного средства, может быть вызвана различными причинами: полисемантизацией аффикса, препятствующей отчетливому осознанию его лексического значения,* исторически

* Под лексическим значением аффикса имеется в виду его способность изменять лексическое значение оформляемого им целого; под его грамматическим, точнее, лексико-грамматическим значением (поскольку речь идет не о словоизменительных, а о словообразовательных аффиксах) — его способность осуществлять семантико-морфологическую перестройку оформляемого слова, т. е. изменять либо его грамматическое значение в пределах одной и той же части речи, либо его отнесенность к той или иной части речи.

обусловленной победой синонимичного ему аффикса, уничтожением коммуникативной ценности выражаемого данным аффиксом значения и другие.

Некоторые из таких утративших продуктивность аффиксов до сих пор ощущаются в морфологическом составе слов в качестве определенной, четко выделяемой морфемы с отчетливо выступающим собственным лексическим значением (за исключением случаев морфологического опрощения или дестимологизации). Таковы, например, английские префиксы *fore-*, *be-*, суффиксы существительных *-hood*, *-ster*, *-th*, суффикс прилагательного *-ly* и ряд других.

Префикс *fore-* (*да. fore-*) образовался некогда из древнеанглийского наречия или предлога *fore* (*г. fauga; двн. и др-сакс. foga*). Оформляя глаголы и абстрактные существительные, он придавал им значение 'предшествования', в существительных вещественных он имел значение 'передний', иногда 'заблаговременный', ср., например, *to foresee* (*да. foresēon* 'предвидеть'), *to forerun* (*редк. да. forerīnpan* 'предшествовать'), *foretoken* (*да. foretocen* 'предзнаменование'), *foretooth* (*да. foretōþ* 'передний зуб'). В среднеанглийском и особенно в XVI—XVII вв. этот префикс был чрезвычайно продуктивен. Большой Оксфордский словарь отмечает, что в эту эпоху с помощью данного префикса было создано очень большое количество глаголов, а также и существительных. Фактически во всех случаях, когда нужно было передать значение какого-либо действия, совершаемого заранее или до какого-либо момента, к соответствующему глаголу добавлялся этот префикс. Очень многие из этих образований устарели, те же, которые сохранились, несут на себе архаический оттенок, ср., например, *to forearm*, *to forebode*, *to forecast*, *to forestall*. Для выражения в глаголах значения действия, производимого ранее, заблаговременно, в новоанглийскую эпоху используется заимствованный префикс *pre-*. В существительных, оформленных префиксом *fore-*, оттенка архаичности в большинстве случаев нет, см. *forefather*, *forefinger*, *forefoot*, *foreground*, *fore-sight*, *forethought*. После XVII в. отмечаются только единичные образования, которые либо не получили дальнейшего применения в языке, либо употребляются в специа-

лизированной речевой сфере (ср., например, *fore-stress* 'ударение на переднем слоге', XIX в.).

Префикс *be-* 'около', 'у' (*да. be-*, безударная форма предлога *bi*, ср. *нем. be-*) участвовал в образовании сложных наречий и предлогов, например, *before* (*да. be-foran* 'перед'), *behind* (*да. be-hindan* 'сзади'), *beneath* (*да. be-neoðan* 'внизу'), *between* (*да. be-twēoþan* 'между', 'между тем'), *beyond* (*да. bezeoþd* 'за пределами', 'вдали'). Как формант наречия он омертвел еще в среднеанглийском. Как глагольный префикс — использовался уже в древнеанглийском, где в этой функции имел несколько значений. В отглагольных глаголах он мог иметь лексическое значение 'охвата действием, выраженным в производящей основе', например, *to besmea* (*да. besmerian* 'обмазать'), *to bestrew* (*да. bestreowan* 'разбрасывать'), *to beclip* (*да. beclýppan* 'охватывать'), и лексико-грамматическое значение, способствуя превращению непереходного глагола в переходный, например, *to bemoan* (*да. bemoþan* 'оплакивать' от *mþan* 'скорбеть', в свою очередь связанного по корню с существительным *mþan* 'скорбь', *совр.а. moan* 'стон'; в дальнейшем огласовка глагола была изменена по аналогии с огласовкой существительного). В отыменных глаголах он имел лексическое значение 'покрывать или окружать тем, что выражено в основе', например, *to begird* (*да. begyrdan* 'окружать', 'опоясывать'), или, наоборот, 'лишать того, что выражено в основе', например, *to behead* (*да. beheafðian* 'обезглавливать'). Несколько глаголов с этим префиксом, из числа дошедших до нашего времени, претерпели необратимую дестимологизацию, вероятно, в связи с неоднократным и сложным переосмыслением значения физического действия в нефизический процесс, так что значение префикса самого по себе теперь трудно или совсем невозможно уловить. Ср., например, *to become* (*да. besiman* 'прибывать', 'происходить'), *to befall* (*да. befeallan* 'выпадать', 'лишать', 'случаться'), *to beget* (*да. bezytan* 'получать', 'находить'), *to behold* (*да. behealdan* 'держать', 'владеть', 'стеречь', 'наблюдать').

В среднеанглийском префикс *be-* сохранился исключительно как глагольный префикс и при этом утерял некоторые свои смысловые возможности. Так, значение 'лишать' оказалось совершенно устаревшим уже на рубеже

среднеанглийского периода (да и в древнеанглийском оно не было распространенным, а, возможно, уже и устаревшим), а также становится почти совсем непродуктивным транзитивное значение. Сохранилось значение 'охвата действием' и значение 'покрывать', 'окружать'. Таковы, например, *to bedight*, *to befit*, *to begrudge*, *to beguile*, *to besiege*, *to bespread* и др. Кроме того, начинает появляться значение 'превращать в то, что выражено в основе' или 'наделять качеством, выраженным в основе', например, *to befool*, *to befoul* (в глаголах от основ прилагательных, позднее и от основ существительных). В раннесреднеанглийском в некоторых глаголах, имевших в древнеанглийском сформирование иным префиксом, произошла замена этого последнего префиксом *be-*, повидимому, вследствие его большого распространения и устарения прежних префиксов. Так случилось, например, с глаголом *to believe* (др.-англ. *zeliefan* 'верить') и *to begin* (др.-англ. *onziþnan* 'начинать').

Префикс *be-* был чрезвычайно продуктивен вплоть до XVIII в. За один ранненовоанглийский период, т. е. примерно за два столетия, он дал очень большое количество глаголов, многие из которых живут в английском языке и теперь, см., например, *to bedeck*, *to bedim*, *to befog*, *to befriend*, *to befringe*, *to belabour*, *to benight* (чаще в форме причастия II), *to bewilder*, *to benumb*, *to bespeckle* и многие другие. В XVIII в. находим несколько новообразований, например, *to bedraggle*, *to bedimble*, *to bemuse*, *to belittle*. Позднее встречаются фактически только единичные образования, чаще в прилагательных с суффиксом *-ed* (*bespectacled*, *beribboned*, *bewigged*). Префикс *be-* подчеркивает значение прилагательного, оформляемого суффиксом *-ed*. Несмотря на непродуктивность этого префикса в целом, его нельзя признать полностью омертвевшим, ибо его значение, его роль в оформляемом им слове еще совершенно ясна (кроме как в немногочисленных глаголах, подвергшихся дэтимологизации).

Таковыми же непродуктивными, но живыми, т. е. осознаваемыми в качестве особой морфемы, придающей оформляемому ею слову определенное значение, являются, например, суффиксы существительных *-hood*, *-ster*, суффиксы прилагательных *-en* и *-ly*.

Суффикс *-hood* (др.-англ. *-hād*; др.-англ. *-heit*, ср.-англ. *haidus* 'спо-

соб'), развившийся в древности из существительного со значением 'состояние', дал целый ряд абстрактных существительных, сохранившихся от разных эпох в современном словарном составе английского языка. Таковы, например, childhood (да. cildhād 'детство'), priesthood (да. prēōsthād 'священство', позднее собирательное 'духовенство'), maidenhood (да. mæðdenhād 'девство'), manhood (да. manhād 'человеческая сущность', 'мужественность'), brotherhood, womanhood, likelyhood. В новоанглийский период этот суффикс утратил продуктивность. Встречающиеся новообразования с этим суффиксом (а они возможны как образования аналогические в силу сохраняющейся ошутимости лексико-грамматического значения данного суффикса), как правило, не принимаются народом и не входят в общее употребление, ср. производные типа nationhood, youthhood, wifehood, selfhood и другие (XVIII—XIX вв.).

Суффикс *-ster* (да. *-estre*; *ср.-голл. -ster*) в древнеанглийском передавал значение деятеля женского рода*. От древнеанглийского дошло одно существительное с этим суффиксом, сохранившее значение женского рода, но претерпевшее переосмысление своего лексического значения в целом, а именно *spinster* (да. *spinstre* 'пряжа'). В среднеанглийском, вероятно, в связи с тем, что некоторые виды труда, ранее выполнявшиеся женщинами, при усложнении ремесленного производства и его выделении из домашнего хозяйства стали выполняться мужчинами (например, различные операции в ткацком производстве), суффикс приобрел расширенное значение, т. е. стал означать деятеля не только женского, но и мужского пола, а тем самым стал совершенно нейтральным по отношению к граммати-

* Мнение О. Есперсена, согласно которому суффикс *-ster* не был вначале суффиксом женского рода, неубедительно (О. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. VI, стр. 239—240). Его довод, что в среднеанглийском *-ster* оформлял наименования мужских профессий, доказывает лишь то, что к этому времени суффикс уже расширил свое значение; тем же объясняется и наличие этого суффикса в фамилиях, и то, что в среднеанглийском в качестве суффикса женского рода стал употребляться французский суффикс *-ess*. Согласование существительных на *-esife* с прилагательными в древнеанглийском доказывает их принадлежность к женскому роду.

ческому роду. Так переосмыслилось существительное *webster* ('ткачиха', 'ткач'), так возникли существительные типа *barrister*. Начиная с ранненовоанглийского, суффикс приобрел пейоративное значение. При этом он начинает присоединяться исключительно к именным основам. Никак нельзя предположить, что это пейоративное значение связано как-то с исходным значением суффикса (к тому времени уже давным-давно забытым). Оно вызвано лексическим значением тех первых производных, которые стали означать не наименования профессий, а наименования обычных занятий, а отсюда и пристрастий называемого лица, например, *gamester* 'игрок', *songster* 'певун' (ср. *singer* 'певец'), *lewdster* 'развратник' и т. д. В XVIII в. появились *rhymester*, *punster*, *trickster* и пр. В современном языке это суффикс живой (именно в последнем его значении), но чрезвычайно малопродуктивный. Из новообразований в языке закрепились только *gangster* (США), остальные носят характер словотворчества «на данный случай».

Древнеанглийский суффикс абстрактных существительных *-þu* (*-þo*), *-þ*, *-ð*, *-t* (последний вариант после заднеязычных, губных и *-s*), ср. г. *-iþa*, вступал в соединение с основами прилагательных; мы находим его в целом ряде существительных современного английского языка, образование которых датируется древнеанглийским периодом, ср., например, *health* (да. *hæld* 'здоровье'), *height* (да. *hēahðu* 'высота'), *filth* (да. *fylðu* 'гнилость', 'загрязненность'), *mirth* (да. *myrð* 'веселье'), *length* (да. *lenzðu* 'длина'), *strength* (да. *strenzþu* 'сила'), *truth* (да. *trēowðu* 'истинность'). Он вступал также в комбинации с глагольными основами. Так, от древнеанглийского дошли такие существительные как *draught* (да. *druðoð* 'сушь' от *dragan* 'влечь', 'вытягивать'), *flight* (да. *fliht* 'полет' от *flēon* 'летать'), *frost* (да. *frost* 'мороз' от *frēosan* 'морозить', 'мерзнуть'), *might* (да. *miht* 'мощь' от *maðan* 'мочь'), *sight* (да. *siehp* 'видимое', 'видение' от *sēon* 'видеть') и некоторые другие. Возможно, что суффикс, оформлявший глагольные основы, имел иное происхождение, чем тот, который вступал в соединение с основами прилагательных, но это не совсем ясно, а главное, для интересующего нас в настоящий момент вопроса и не столь существенно, так как они совпадали по функции и значению и оба являются

общегерманскими словообразовательными формантами. Суффикс **-th** стал непродуктивным уже в среднеанглийский период. Отмечено в XIII в. лишь одно отглагольное производное *stealth*, которое сейчас устарело, но употребляется в выражении *by stealth* (ср. вторичные производные *stealthy*, *stealthily*). Собственно говоря, может быть, он был уже непродуктивным и в эпоху, к которой относятся первые дошедшие до нас древнеанглийские памятники.

Суффикс прилагательного **-en** (да. *-en*; г. *-en*; двн. *-en*) утратил продуктивность уже в ранненовоанглийском языке. Прилагательные *golden*, *brazen*, *flaxen*, *linen*, *silken*, *woollen* восходят к древнеанглийским отыменным относительным прилагательным (соответственно да. *ȝylden*, *brāsen*, *fleaxen*, *linen*, *silcen*, *wulen*). От среднеанглийского дошли, например, прилагательные *rotten*, *ashen*. Выражая ранее относительный признак (материал), они затем переосмыслились в качественные (кроме *wooden* и *woollen*), так как относительный признак в новоанглийском стал все чаще выражаться путем препозитивного употребления существительного в определительной функции. Однако в сохранившихся прилагательных данный суффикс следует признать живым, хотя и непродуктивным, по тем же причинам, о которых шла речь выше, применительно к другим живым непродуктивным суффиксам.

Суффикс прилагательного **-ly** (да. *-lic*; нем. *-lich*) дошел до наших дней в составе прилагательных, образованных еще в древнеанглийском от основ прилагательных же, например, *deadly* (да. *dēadlic*) 'смертельный', 'смертоносный', *goodly* (да. *gōdlic*) 'довольно хороший', придавая им ослабленное значение по сравнению со значением производящей основы; и от основ существительных — со значением 'характерный для лица или предмета, свойственный лицу или предмету, выраженному в основе', например, *friendly* (да. *frēondlic*) 'дружественный', *fatherly* (да. *faderlic*) 'отеческий', *motherly* (да. *mōdorlic*) 'материнский', *heavenly* (да. *heofonlic*) 'небесный', *earthly* (да. *eorþlic*) 'земной' и т. п. В среднеанглийском были созданы прилагательные *sickly*, *manly*, *womanly*, *beastly*, *gentlemanly*, *stately*, в ранненовоанглийском *kindly*, *lonely*, *elderly* и другие. Суффикс **-ly** в этих образованиях ясно проявляет

свое значение и, следовательно, отчетливо осознается в своем качестве суффикса, хотя в новое время он фактически утратил продуктивность, появляясь иногда лишь в случайных стилистических целенаправленных образованиях.

До сих пор мы рассматривали продуктивные и непродуктивные, но все еще живые аффиксы германского происхождения в современном английском языке. Но современный словарный состав английского языка содержит в себе некоторое количество слов, которые некогда были образованы с помощью аффиксов, впоследствии совершенно вышедших из употребления в силу тех или иных причин и поэтому сейчас совершенно омертвевших. Под омертвевшими аффиксами мы имеем в виду такие, которые либо не выделяются в качестве морфемы, стоящей за пределами корневой морфемы (например, древние глагольные суффиксы *-le*, *-er*, именные суффиксы *-d*, *-l* (*-le*), *-en*, *-ing*, *-kin*, *-osk*, префикс *and-*), либо осознаются как отдельные морфемы, но утратили свое самостоятельное лексическое значение (префиксы *with-*, *for-*, *a-*, суффиксы *-red*, *-some* и другие).

Древнеанглийский префикс *and-* 'против' (с. *and-*, *anda-*; *др.-фризск.* *ond-*, ср. *греч.* *anti-*) сохранился в таких словах, как *answer* (*др.-англ.* *andswarian* 'возражать', 'отвечать'), *along* (*др.-англ.* *andlang* 'вдоль', *букв.* 'против длины'). К среднеанглийскому периоду этот префикс уже полностью омертвел, и в тех немногих словах, в составе которых он дошел до наших дней, он фонетически трансформирован до неузнаваемости и фактически неразличим от корневой морфемы.

Глагольный суффикс *-l-* (в современной орфографии *-le*), этимологически неясный*, придавал некогда образу глаголу значение многократности, повторности действия, т. е. нес на себе определенное грамматическое значение. Такие глаголы как *to twinkle*, *to wrestle*, *to nestle* дошли от древнеанглийского периода (*др.-англ.* *twincian* 'мерцать', *wrestlian* 'бороться', *nestlian* 'вить гнездо');

* Скит дает общегерманскую реконструкцию этого суффикса как **-ilōjan*. См. W. W. Skeat. *An Etymological Dictionary of the English Language*. Oxf., 1910.

однако большинство ныне существующих глаголов с этим суффиксом было образовано в среднеанглийский период, как например, *to sparkle, to rattle, to paddle, to cackle, to wriggle*. Новообразования с этим суффиксом отмечаются еще и в ранненовоанглийский период, например, *to muddle, to giggle, to drizzle, to fizzle, to crackle, to dribble, to trample, to tumble, to mumble, to fondle* и др. У.Скит, Г.Мэрей, О. Есперсен отмечают, что корневые морфемы многих из этих глаголов отличаются звукоподражательной природой. В новоанглийский период суффикс *-le* вышел из употребления*, повидимому, в силу несущественности передаваемого им признака протекания действия (одной из бросающихся в глаза черт английского словопроизводства является стремление избегать привнесения в слово деривационных характеристик типа повторности, уменьшительности, принадлежности к тому или иному полу и т. п.). Значение его фактически затушено из-за разнообразия и разнотипности лексических значений оформленных им глаголов. Поэтому в настоящее время он выступает в качестве выделяемой морфемы лишь в тех редких случаях, когда корневая морфема, с ним связанная, оказывается живой и соотносимой с другими словами того же корня (ср. *to fondle* — *fond*, *to crackle* — *crack*, *to nestle* — *nest* и др.).

Глагольный суффикс *-er* (*да. -g-ian*) можно найти в целом ряде глаголов, выражающих длительное действие, состоящее из многократных повторений одного и того же движения или звука. Часть из них образовалась еще в древнеанглийском, как, например, *to clatter* (*да. clatrian* 'трещать'), *to flutter* (*да. flotorian* 'хлопать'), *to wander* (*да. wandrian* 'странствовать'), *to flicker* (*да. flicorian* 'трепетать'); однако большинство является продуктом среднеанглийского периода, где они образовывались либо от глагольных же основ (как *to quaver, to patter, to chatter*), либо от звукоподражательных комплексов (например,

* О. Есперсен отмечает, что глагол *to dartle* датирован в Большом Оксфордском словаре 1855 годом и иллюстрирован цитатой из Броунинга (O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. VI, стр. 396). Мы не имели возможности проверить точность этой датировки, но если она и верна, то единичное аналогическое образование еще ничего не доказывает.

to twitter, to blubber, to jabber), либо от именных основ (например, to slumber — от ныне только диалектного sloom 'дрема', to glimmer, ср. glimpse). В ранненовоанглийском суффикс этот совершенно потерял продуктивность и в настоящее время так же, как и суффикс **-le**, полностью слился с корнем слова.

То же (даже, пожалуй, с еще большим основанием) можно сказать об именном суффиксе **-l**, **-le**, **-el** (с. **-ilo**). В древнеанглийском суффикс **-el**, **-ela**, **-ol** имел уменьшительное, орудийное и агентивное значения (возможно, что в нем слились некогда различавшиеся друг от друга форманты). Существительные, образованные с его помощью и сохранившиеся в современном английском языке, все датируются древнеанглийским периодом; таковы, например, *apple* (*ða. arpel* 'яблоко'), *bramble* (*ða. bræmbel* 'куманика'), *thimble* (*ða. þymel* 'наперсток'), *handle* (*ða. handle* 'рукоять'), *bridle* (*ða. brydel* 'узда'), *girdle* (*ða. gyrdel* 'пояс'), *sickle* (*ða. sicol* 'серп'), *nail* (*ða. næzl* 'ноготь'), *beadle* (*ða. bydel* 'герольд', от *гл.* *bēōdan* 'объявлять'). Зарегистрированные впервые в среднеанглийском и даже в ранненовоанглийском языке весьма немногочисленные новообразования не вполне ясны по своему происхождению и потому не могут служить достоверным доказательством продуктивности суффикса **-l** в эти периоды. Например, среднеанглийское *bundle* (*bundel*, *bondel*) не выводимо непосредственно из древнеанглийской формы *byndel*, так как должно было бы иметь иной гласный корня **bindle*; возможно, что это все-таки диалектальная форма, имеющая начало в древнеанглийском *byndel*, но возможно, что это заимствование из голландского языка.

Совершенно неощутим, невыделим и полностью слит с корнем в сохранившихся словах древнеанглийский именной результативный суффикс **-d**, придававший существительному значение 'продукта действия, которое выражено в корне'; он вступал в соединение с глагольными основами, которые за тысячелетие, отделяющее нас от древнеанглийской эпохи, так трансформировались фонетически, что связь их с производящим глаголом совершенно разрушилась. Вероятно, уже в древнеанглийском языке он был непродуктивным. Мы, несомненно, воспринимаем теперь существительные, имеющие в своем составе формант **-d**,

как простые корневые слова, как непроеизводные основы. Однако генетически существительное *blood* связано с глаголом *to blow* (да. *blāwan* 'дуть', 'дышать'), *thread* — с глаголом *to throw* (да. *þrāwan* 'тянуть'), *bread* — с глаголом *to brew* (да. *brēowan* 'заквашивать'); ср. *brand* — *to burn* (да. *bærnan* 'жечь'); *flood* — *to flow* (да. *flōwan* 'течь'), *deed* — *to do* (да. *dōn* 'делать').

Сохранившиеся в современном языке существительные, некогда образованные посредством уменьшительных суффиксов **-en**, **-kin** и **-ock**, как правило, ныне также выступают в виде непроеизводных основ, совершенно утративших свое значение уменьшительной формы. Элемент **-en** (общегерм. *-īno-m*; да. *-en*) вскрывается в таких словах как *chicken*, *maiden*, *kitten*, дошедших до нашего времени от древнеанглийского языка. Суффикс **-kin** (дрв. *-chīn*; нем. *-chen*; фламандск. и голл. *-kijn*, *-ken*) впервые отмечается лишь в среднеанглийском языке (XIII в.) и первоначально лишь в именах собственных (*Janekin*, *Wilekin* и др.); позднее (с XIV в.) он распространяется и на имена нарицательные. Многие из оформленных им слов давно устарели; из уцелевших донныне можно назвать *bodkin*, *firkin*, *parkin*, *ripkin*, *bumpkin*, *jerkin*. Их уменьшительное значение утрачено в силу архаизации корневых морфем и ликвидации возможности противопоставления уменьшительной формы производящему существительному (за исключением *lambkin*—*lamb*). Наряду с приведенными словами, относительно которых можно более или менее уверенно утверждать их возникновение в пределах английского языка, есть и такие, которые всеми словарями признаются голландскими заимствованиями (*mapnikin*, *catkin*). Само появление этого суффикса в среднеанглийском языке Большой Оксфордский словарь склонен объяснить прямым заимствованием его из голландского языка. Эта точка зрения не представляется вполне убедительной, так как до XIII в. в английском языке не отмечено никаких голландских заимствованных существительных, в составе которых данный суффикс мог бы проникнуть в английскую лексику. Заимствование же иноязычных аффиксов как самостоятельных морфологических единиц вне узко ограниченной сферы книжной речи — явление небывалое. Возможно скорее, что, обладая ранее сочетаемостью лишь с именами собственными,

этот суффикс не был зафиксирован в английских памятниках письменности до XIII в., так как уменьшительные, ласкательные имена собственные в текстах той эпохи не встречались. После конца XVI в. новообразований с этим суффиксом фактически не отмечается, если не принимать в расчет несколько единичных случаев (*nonce-formations*) в XVIII в., например, *boykin, ladykin, headikin*.

Суффикс *-ock* (*да. -ос, -ис*) имел в древнеанглийском уменьшительное значение, которое до известной степени ощущается теперь лишь в существительном *hillock*, ибо это последнее может быть сопоставлено с сохранившейся исходной формой *hill*. Кроме этого существительного от древнеанглийского языка осталось теперь лишь *ruddock*; от среднеанглийского — существительные *buttock, dunnock, pinnock, puttock, tussock, pollock*. Последние образования датируются XVI веком. В настоящее время эти слова, безусловно, лишены уменьшительного оттенка и имеют вид производных основ вследствие параллельной архаизации как корня, так и аффикса.

Именной суффикс родовой принадлежности *-ing* (*да. -inȝ*) можно найти в некотором количестве современных английских слов, образованных либо в древнеанглийскую эпоху, как *king* (*да. cyning* 'король'), *farthing* (*да. feorðing* 'четверть'), *shilling* (*да. scilling* 'шиллинг'), *herring* (*да. hæring* 'сельдь'), см. также в фамилиях — *Banting, Harding, Mannering*; либо значительно позже, но не позднее XVI в., как *golding, sweeting, whiting, wilding*. Превращение этого суффикса в невыделимую морфему в новоанглийском языке связано с полной утратой им продуктивности и затушеванностью его лексического значения; последнее вызвано разнообразием смысловых сфер, к которым относятся сохранившиеся слова, им оформленные (ср. — ботанические, зоологические названия, названия монет, патронимика).

Перечисленные выше непродуктивные аффиксы мы можем признать действительно омертвевшими не только потому, что они давно утратили свою словообразовательную силу, но и потому, что они в подавляющем большинстве случаев не осознаются как морфемы. Однако в современном словарном составе английского языка мы встречаем слова, морфологическое строение которых не столь затемнено.

В их состав входят также ныне совершенно непродуктивные и семантически опустошенные аффиксы, которые именно в силу утраты мотивированности их присутствия в составе слова, если и не сливаются с корнем, превращаются в фактически невыделимые морфемы.

Невыделимыми морфемами становятся такие префиксы, которые до сих пор наглядно обнаруживают свою раздельность от корневой морфемы, хотя лексическое значение самого аффикса фактически утрачено. Так обстоит дело, например, с некоторыми непродуктивными глагольными префиксами *a-*, *for-*, *with-* в тех случаях, когда в языке имеются налицо другие производные с данным префиксом (т. е., есть сопоставимость по линии аффикса), либо другие слова с данным корнем (т. е., имеется сопоставимость по линии корня).

Древнеанглийский префикс *ā-* 'из', 'от', 'вверх' (редукция от *ōg-*, *āg-*; г. *us-*, *ig-*; *совр. нем.* *eg-*) уже в ранне-среднеанглийском потерял продуктивность и ныне представлен в составе лишь нескольких глаголов: *to arise* (да. *ārisan* 'подняться'), *to awake* (да. *āwacan* 'пробуждаться'), *to abide* (да. *ābīdan* 'ожидать'). Наличие глаголов *to rise*, *to wake*, *to bide* поддерживает осознание элемента *a-* в производных глаголах как особой морфемы, хотя ее семантическая роль уже неясна. Таким же образом мы можем оценить и современное состояние древнеанглийского префикса *for-*, имевшего некогда отрицательное, а иногда усилительное значение (повидимому, через значение 'доведения действия до предела'). От древнеанглийского языка сохранились такие глаголы как *to forbear* (да. *forberan* 'воздерживаться'), *to forbid* (да. *forbēōdan* 'запрещать'), *to forgo* (да. *forgān* 'отказываться'), *to forget* (да. *forȝitan* 'забывать'), *to forgive* (да. *forȝiefan* 'прощать', букв. 'отпустить'), *to forsake* (да. *forsacan* 'противиться'), *to forswear* (да. *forswerian* 'отрекаться'), прилагательное *forlorn*, образовавшееся путем окачества причастия II от древнеанглийского глагола *forlēosan* 'терять' (*forlogen*). Все эти глаголы подверглись дестимологизации вследствие разрыва смысловых связей с производящими глаголами и находятся на пути к морфологическому опрощению. Последнее, однако, еще не вполне в них завершено, так как сохранившееся ударение на корневых морфемах (которые

существуют в языке параллельно и в самостоятельном виде) позволяет ощущать сложность морфологического состава данных глаголов, хотя сам префикс *for-* лишился продуктивности уже в среднеанглийский период, когда он дал незначительное количество новообразований, ныне устаревших.

Древнеанглийский префикс *wið-* (исл. *við*; датск. *ved*; шв. *vid*), образовавшийся в результате префиксального употребления омонимичного ему предлога, имел значение 'против' или 'обратно'. Древнеанглийские глаголы с этим префиксом не дошли до наших дней; глаголы, которые мы находим в современном языке, все датируются XIII и XIV вв. Таковы *to withhold*, *to withdraw*, *to withstand*, *to withsay* (книжн.). Более поздних образований с этим префиксом не отмечено.

Среди слов, представляющих собой продукт аффиксального словообразования давних времен, мы встречаем также и такие, в морфологическом составе которых имеются невыделимые суффиксы, т. е. суффиксы, полностью утратившие продуктивность и лексическое значение. Например, суффикс прилагательного *-some*, суффикс абстрактного существительного *-red*. От невыделимых префиксов их отличает то, что они могут в большинстве случаев служить в качестве показателя лексико-морфологической категории оформляемых ими слов. Эта их особенность непосредственно вытекает из обычной специализации суффиксов в пределах какой-либо определенной части речи. В этом смысле, может быть, есть основание считать такие ослабленные в семантическом и словообразовательном отношении суффиксы своего рода морфологическими приметами частей речи.

Именной суффикс состояния *-red* (да. *-gæden*), довольно продуктивный в древнеанглийском и сохранивший некоторую продуктивность в среднеанглийском, представлен в современном английском языке в нескольких производных, датируемых XIII—XIV вв., а именно — *hatred*, *gossipred*, *kindred*.

Суффикс прилагательного *-some* (да. *-sum*; нем. *-sam*) утратил продуктивность к середине XVI в. Мы находим его в ряде прилагательных, дошедших от среднеанглийского и ранненовоанглийского периода, таких как *hand-some*, *wholesome*, *tiresome*, *troublesome*, *gruesome* и другие.

Как можно видеть и из приведенных выше примеров современный словарный состав английского языка многим обязан морфологическому способу словосложения, т. е. аффиксации, которая активно проявляла себя во все периоды развития английского языка. Смена многих аффиксов имеет самые разнообразные причины, подробное исследование которых не входит в задачи настоящего очерка. Главной из этих причин является, повидимому, ослабление данной словообразовательной модели в пределах общеупотребительной лексики в силу ряда обстоятельств: устарения, а поэтому сокращения количества оформляемых тем или иным аффиксом слов (как это случилось, например, с **-red**); вытеснения одного аффикса другим, близким ему по значению, но обладающим более широкой сочетаемостью (ср., например, вытеснение суффикса **-ster** суффиксом **-er**); столкновения омонимичных аффиксов (например, уменьшительного суффикса **-en** и суффикса женского рода **-en**); многозначности аффиксов (ср. многозначность именного суффикса **-l/-le**); наконец, возникновения в языке новых грамматических явлений, делающих излишним употребление аффиксальных форм (например, атрибутивного употребления существительного в препозиции к определяемому, аннулировавшего потребность в образовании прилагательных с суффиксом **-en**) и т. п.*

Кроме своих собственных, так сказать, исконно английских аффиксов, словообразовательный инструментарий английского языка значительно расширился и обогатился за счет аффиксов, заимствованных из других языков — преимущественно из романских (латинского и французского). Многие из этих аффиксов являются по сути дела интернациональными, т. е. используются не только английским, но и целым рядом других языков. Например, префиксы **pro-**, **re-**, **de-**, **trans-**, **ultra-**, суффиксы **-ation**, **-ism** и некоторые другие мы встречаем и в русском языке, и в немецком и в ряде других языков. Совершенно прав В. А. Звегинцев, отмечая, что заимствование словообразователь-

* Возможно и некоторое влияние фонетико-ритмических норм, см. статью К. А. Левковской. О словообразовании и его отношении к грамматике. Сб. «Вопросы теории и истории языка», АН СССР, М., 1952, стр. 159.

ных аффиксов и адаптация их английским языком это явление более сложное, чем простое лексическое заимствование, так как «заимствование иноязычных словообразовательных элементов происходит тогда, когда это совпадает с основными тенденциями развития языка, когда с а м т и п (разрядка наша. *Н. А.*) заимствующихся словообразовательных элементов подходит к структурным особенностям языка»*. Что это так, доказывает хотя бы тот факт, что, несмотря на проникновение в английский язык с XVII в. ряда французских заимствований с уменьшительным суффиксом *-ette* (например, *cigarette*, *chemisette*, *statuette* и т. п.), этот суффикс так и не приобрел самостоятельной продуктивности в английском языке, так как категория уменьшительности в английских существительных в это время уже стала утрачиваться, и даже собственно английские уменьшительные суффиксы *-en*, *-ling* и другие либо уже совсем омертвели, либо становились все менее и менее употребительными. Наоборот, дальнейшее усиление потребности в выражении все большего количества вариаций абстрактных значений, которое не могло быть удовлетворено существовавшими в языке суффиксами *-dom*, *-hood*, *-ness*, обусловило сравнительную легкость усвоения суффиксов *-ism*, *-cy*, *-ation*, ибо каждый из них давал возможность выразить особый вид абстракции (*-ism* — понятие учения, система воззрений; *-cy* — понятие свойства, соотносимое с лицом или предметом, выраженным в именной основе; *-ation* — понятие процесса и т. п.).

Путь адаптации заимствуемых аффиксов отличается от того пути, каким приходят в язык заимствованные слова. Обычно (за исключением немногих чисто книжных аффиксов узкого употребления, остающихся малопродуктивными или дающих лишь единичные образования) иноязычные аффиксы не заимствуются как таковые, т. е. именно в качестве словообразовательных формантов, а приходят в язык сначала просто в составе оформляемых ими заимствуемых иноязычных слов, т. е. как неотделимые морфемы этих последних. И уже затем и только в том случае, если эти морфемы оказываются достаточно четкими по своей семантике

* В. А. Звегинцев. История народа и развитие языка. «Иностранные языки в школе», 1953, № 3, стр. 21.

для английского восприятия, они начинают активно использоваться в качестве словособразовательных средств в пределах уже самого английского языка. При этом в некоторых случаях они подвергаются грамматическому переосмыслению. Так, например, суффикс *-ee* пришел из французского языка (*фр.* *-é, -ée*, суффикс причастия прошедшего времени глаголов I спряжения) в составе целого ряда юридических и административных терминов, обозначающих лиц, являющихся объектом какого-либо юридического или административного мероприятия, например, *appellee* 'ответчик' (*букв.* 'призванный'), *assignee* 'уполномоченный' (*букв.* 'назначенный'), *presentee* 'кандидат', 'лицо, представляемое ко двору' (*букв.* 'представленный') и другие. Позднее был образован целый ряд аналогичных терминов, преимущественно от романских глагольных основ, как например, *mortgagee, nominee, payee*; очень редко — от английских, например, *trustee, drawee*. Как можно видеть и из этих немногих примеров, суффикс причастия был переосмыслен в английском языке как суффикс существительного с указанным выше значением лица-объекта действия. Кстати сказать, позднее даже это пассивное значение, вытекавшее из пассивного значения словообразовательного оригинала — французского причастия прошедшего времени — могло иногда уступать место более обобщенному агентивному значению; и мы находим несколько английских новообразований этого типа уже с обычным активным значением деятеля, например, *absentee* 'отсутствующий или уклоняющийся от чего-либо', *debauchee* 'развратник', *refugee* 'беженец' и некоторые другие. Ряд новообразований с этим суффиксом в XIX в., преимущественно со значением объекта или адресата действия (как *blackmailee* 'тот, кого шантажируют', *murderer* 'убитый или убиваемый', *sayee* 'тот, кому говорят' и др.) — это единичные проявления индивидуального словотворчества, чаще всего иронически-шутливого содержания.

Или возьмем еще один пример такого функционального переосмысления иноязычного аффикса. Вследствие того, что целый ряд латинских глаголов был заимствован английским языком в форме основы причастия II с суффиксом *-at(us)*, этот суффикс (в форме *-ate*, как *to separate*) был с течением времени осмыслен как показатель инфинитива

и одно время широко использовался в английском языке в качестве глаголообразующего форманта, правда, преимущественно в соединении с романскими (реже греческими) основами.

Нужно сказать, что по вопросу о роли иноязычных аффиксов в английском словообразовании в английской научной литературе существует значительная путаница. Причиной ее является прежде всего то, что английские лингвисты не проводят различия между продуктивными аффиксами и морфологическими приметами. Это приводит к тому, что перечень иноязычных аффиксов в английском языке зачастую принимает фантастически грандиозные размеры, доходя примерно до 170—180 единиц (не считая фонетических вариантов одного и того же аффикса). В рамках настоящего очерка мы не можем вдаваться в подробное описание действия и удельного веса каждого из таких аффиксов. Мы ограничимся некоторыми соображениями по этому вопросу и попытаемся доказать их и проиллюстрировать наиболее типичными примерами.

Авторы, затрагивающие вопросы английского словообразования, допускают ошибку, считая необходимым включать между прочим в число английских аффиксов такие, которые существуют лишь в составе заимствованных слов, выступающих в английском языке в виде неразложимых основ*. Например, Суит называет греческие префиксы **amphi-**, **apa-**, **apo-**, **cata-**, **exo-**, **en-**, **hypo-**, **meta-**, **sine-**, латинские префиксы **ab-**, **ad-**, **amb-** и т. п. в общем списке иноязычных аффиксов в английском языке, хотя они представлены лишь в заимствованиях и не только никогда не были продуктивными на английской почве, но даже совершенно в нем не выделяются как морфемы (ср. *amphibious*, *amphibology*, *anatomy*, *anagram*, *analysis*, *apology*, *apostle*, *cataract*, *catalogue*, *cathedral*, *exotic*, *hypotenuse*, *hyphen*, *metaphysics*, *method*, *sinecure*, *absent*, *abstract*, *admire*, *ambition*, *ambidexter*). Все эти и им подобные слова были заимствованы в целостном готовом виде, и имевшиеся в их морфологи-

* См., например, J. C. Nesfield. *English Grammar Past and Present*. L., 1931, стр. 391 и сл.; H. Sweet. *A New English Grammar, Logical and Historical*. Oxf., 1892. P. I, стр. 468 и сл.; E. Krisinga. *A Handbook of Present-Day English*. P. II, 3, 1932, стр. 13 и сл.

ческой структуре аффиксы так никогда и не были восприняты английским народом как возможные словообразовательные форманты и даже не приобрели морфологической выделяемости. Поэтому эти слова выступают в английском языке как непроеизводные основы. Некоторые из подобных аффиксов могут иногда, в отдельных словах, корень которых повторяется еще в нескольких заимствованных словах, проявлять свою морфологическую неслитность с корнем и осознаваться в качестве невыделимых морфем или (если это суффиксы) морфологических примет (ср. *adjoin*, *absolve*, *archbishop*, *to maltreat*, *colonnade* и т. п.). Но от этого аффиксами английского языка они не становятся, как не становятся русскими аффиксами английский суффикс множественного числа *-s* в таких заимствованных словах, как 'кекс', 'рельс' (*cakes*, *rails*), или французский суффикс *-ment* в словах 'ангажемент', 'документ', 'комплимент'.

Не лучше обстоит дело и с оценкой иноязычных суффиксов. Английский лингвист Дж. Несфилд, например, без каких бы-то ни было оговорок помещает в перечень английских суффиксов испанский суффикс *-ado* (представленный в заимствованиях *desperado*, *bastinado*, *tornado*, *bravado*), французский *-ace* (ср. *menace*, *populace*, *terrace*), а Дэвидсон, издатель так называемого Словаря Чемберса*, — итальянский суффикс *-celli* (множественное число), представленный лишь в заимствованном итальянском существительном *vermicelli* (ср. единственное число суффикс в слове *violoncello*), греческий уменьшительный суффикс *-iskos* (представленный в слове *asterisk*). Ясно, что для уяснения истинного удельного веса чужих аффиксов в английском языке подобные невыделимые морфемы необходимо исключать из рассмотрения. Однако те аффиксы, которые после этого останутся в поле нашего зрения, также не могут быть все безоговорочно признаны действующими формантами в английском языке, ибо их роль, их удельный вес, сфера и исторические пределы их применения далеко не одинаковы.

К числу безусловно принятых английским языком и ныне продуктивных иноязычных словообразовательных аф-

* Chambers's English Dictionary, ed. Th. Davidson, W.-R. Chambers, London-Edinburgh, 1901.

фиксов нужно отнести, например, префиксы *dis-*, *en (em)-*, *inter-*, *re-*, суффиксы *-able*, *-ation*, *-ee*, *-ism*, *-ry (ery)*.

Префикс *dis-* (*лат. dis-*; *ит-фр. des-*), оформляя глагольные основы, придает им значение 'действия, обратного выраженному в основе'. Он попал в среднеанглийский язык прежде всего в составе целого ряда глаголов, заимствованных из старофранцузского или латинского языков, как например, *to discharge*, *to discomfort*, *to disdain*, *to distribute* и другие. Но уже в среднеанглийский период этот префикс начинает использоваться для английских новообразований от основ любого происхождения, например, *to display* (XIII в.), *to distrust*, *to dislike* (XV в.). Он приобретает особую продуктивность в ранненовоанглийский период, причем начинает присоединяться и к именным основам, образуя глаголы со значением 'лишить или освободить от того, что выражено в основе': *to dishouse*, *to dishorn*, *to discrown*, *to disbench*, *to disforest*. В современном языке он продуктивен в обоих значениях. Так, в XVIII в. появились глаголы *to disbud*, *to disbranch*, *to disburden*, *to distast*, *to disroot*; в XIX в. — *to disfever*, *to disfen*, *to dishabituate*, *to diseducate*, *to disengirdle*, *to disoccupy*, *to dielectrify* и многие другие. В настоящее время префикс продуктивен, однако, главным образом в области книжного, научно-профессионального стиля речи.

Среди большого количества заимствованных в XIV—XVI вв. французских глаголов в английский язык вошел префикс *en (em)-* (*фр. en (em)-*; *лат. in-* 'внутри'), передававший значения 'заключить внутрь того или охватить тем, что выражено именной основой' и 'привести в определенное состояние', например, *to embark*, *to embrace*, *to enamel*, *to enchant*, *to encroach*, *to enlarge*, *to embellish*, *to embattle*, *to embroider* и многие другие. С XIV в. отмечены еще редкие английские образования, например, *to enlighten*, *to enjoy*, *to enclose* (последнее, правда, под несомненным влиянием *фр. enclore*), но особенно много таких образований с этим префиксом от английских и иноязычных основ появилось в XVI—XVII вв., например: *to embay*, *to embitter*, *to embody*, *to encage*, *to encamp*, *to encasp*, *to encircle*, *to endanger*, *to endear*, *to enshrine*, *to enshroud*, *to ensnare*, *to enslave* (напомним, что мы берем примеры исключительно из числа глаголов, сохранившихся в упо-

треблении до наших дней). В XVIII в. продуктивность префикса заметно сокращается по сравнению с ранненовоанглийским, но далеко не ликвидируется. Так, в XVIII—XIX вв. мы находим глаголы *to embark*, *to embed*, *to embeggar*, *to encase*, *to encapsule*, *to encash*, *to enshield*, *to engroove*, в XX в. — *to encode*, *to enplane*. Как видно из приведенных примеров, наиболее живым оказывается значение префикса 'заключить внутрь'.

Префикс *inter-* (лат. *inter-* 'между') также нашел довольно широкое применение в английском языке. Он отмечается с XIV в. сначала в составе латинских и французских заимствований, относящихся к различным частям речи, главным образом, глаголов (например, *to intermeddle*, *to interline*, *to interpret*) и существительных (например, *interchange*, *interview*, *intercourse*, *interlude*). В ранненовоанглийском начинается собственно английское словопроизводство от любых основ с помощью этого префикса со значением 'между' и 'взаимно'. Так, были созданы глаголы *to interlink*, *to intermingle*, *to intermarry*, *to interfere*, *to interpellate*, *to intertwist*, *to interweave* (XVI—XVII вв.), *to interact*, *to interbreed*, *to intercross*, *to interlock* (XVIII—XIX вв.), существительные *interdependance*, *interplay*, *interphone*, *interswitch*, *inter-electrode*, *interval* (XIX—XX вв.), прилагательные *interdepartmental*, *interurban* (XIX в.). Нужно признать, что все новообразования с этим префиксом относятся преимущественно к терминологической сфере, тогда как более ранние производные имеют более общий характер.

Очень охотно используется в английском языке и префикс *re-* (лат. *re-* 'снова'). Первые заимствования с ним начали поступать в английский язык с XIII в. Они шли либо из латыни, либо из старофранцузского (например, *to receive*, *to record*, *to recompense*, *to revoke*). С XVI в. префикс *re-* дает много глагольных образований, почти исключительно в значении 'повторного действия', гораздо реже — 'встречного действия', еще реже 'варьируемого действия' (ср. значение русской приставки пере-), например, *to re-accost*, *to recant*, *to recall*, *to recast*, *to recollect*, *to reconstruct*, *to re-echo*, *to re-elect*, *to re-write* и т. п. В XIX в. отмечены глаголы *to recap*, *to recoat*, *to reforest*, *to relabel*. Существительные с этим префиксом являются результатом

образования от глагольной основы, уже оформленной данным префиксом (ср. *rebate*, *rebroadcasting*, *reproduction* и т. п.). В тех случаях, когда глагол, снабженный префиксом, подвергается переосмыслению, то для размежевания производного значения от основного глагол в основном значении обычно пишется с отделением префикса от производящей основы с помощью дефиса (ср. *to recall*, *to re-call* и т. п.).

Примерно такую же картину истории проникновения в английскую словообразовательную морфологию дает префикс **sub-** (из новоанглийских новообразований можно указать, например, глаголы *to sublet*, *to sublease*, существительные *sub-central*, *subdivision*, *sub-librarian*, *substation*, *subfamily*, *subsoil*, прилагательные *subatomic*, *subcrustal*, *subglobular* и т. п., являющиеся преимущественно элементами той или иной специальной терминологии).

Суффикс прилагательного **-able**, (*лат.* *abilis*; *фр.* *-able*), передающий значение 'способный подвергнуться действию, выраженному в производящей основе', входя в состав многих французских заимствований XIV—XV вв. (например, таких как *agreeable*, *amiable*, *charitable*, *inevitable*, *innumerable*, *notable*, *reasonable*), вскоре становится словообразующим формантом и в английском языке, вероятно потому, что его значение подкрепляется наличием соответствующего самостоятельного прилагательного *able*, также пришедшего из французского языка в XIV в. Первыми английскими производными с этим суффиксом явились, например, *lovable* (XIV в.), *understandable*, *unthinkable* (XV в.), *reliable*, *suitable*, *valuable* (XVI в.). В настоящее время он очень продуктивен и легко вступает в сочетание с любой глагольной основой.

Суффикс абстрактного существительного **-ation**, выражающий понятие процесса, представляет собой латинский суффикс *-io-n* с прикрепленным к нему суффиксом латинского причастия *-t-*, так как латинские существительные на *-io* обычно образовывались от основы причастий прошедшего времени. В XIII—XIV вв. в английском языке появилось большое количество заимствований с этим суффиксом, пришедших как непосредственно из латыни (например, *generation*, *explanation*, *resignation*, *corruption*, *solution*), так и из французского (например, *devotion*, *protec-*

tion, temptation, attention, indignation и т. п.). Ввиду того, что в большинстве заимствований гласным основы являлся звук -а- (см. заимствования XV—XVI вв.: alteration, adulteration, assimilation, emulation, exaggeration, organization и т. п.), в качестве словообразовательной морфемы начал осознаваться именно звуковой комплекс **-ation**, тогда, как комплексы **-ition** и **-uction** так и не вошли в актив английской морфологии, оставшись лишь на положении морфологических примет существительного. Начало продуктивности суффикса **-ation** в английском языке датируется XVII веком. В это время появились такие безусловно английские образования от романских основ, как *guination*, *flirtation*, *arrestation*. В XIX в. мы находим существительные, соотносимые с глаголами на *-ize*, например, *centralization*, *mechanization* и т. п., в XX в. такие существительные как *afforestation*, *decontamination*, *denazification* и т. п. Суффикс **-ation** способен вступать в соединение не только с романскими, но и с английскими основами (см. *botheration*, *backwardation*, XIX в.), но таких случаев очень мало. Зафиксирован один термин почвоведения с русской основой — *podsolization* 'образование подзола'*

Суффикс абстрактного существительного **-ism** (греч. *-ismos*; лат. *-ismos*; фр. *-isme*), передающий значение 'учение', 'система воззрений' (например, *Marxism*), а также 'общественный строй' (например, *capitalism*), 'свойство или образ действий', характеризующие поведение человека (например, *hegicism*), стал употребляться в английском языке как словообразующее средство уже в XVI в., фактически одновременно с появлением первых оформленных им заимствований с латыни и французского (как *Platonism*, *barbarism*, *atheism*). Первыми образованиями того времени явились *Calvinism*, *quillianism*. В дальнейшем продолжалось заимствование слов с этим суффиксом из французского и других языков (*archaism*, *gallicism*, *heroism* — в XVII в.; *despotism* — в XVIII в.; *altruism*, *positivism*, *Marxism*, *militarism* — в XIX в.; *Leninism* — в XX в. и т. п.). Однако данные Большого Оксфордского словаря показывают, что английских образований с этим суффиксом больше, чем заимствований

* См., например, A. G. Tansley. *Britain's Green Mantle*. L., стр. 90.

Некоторые из них содержат романские основы, например, *anglicanism, foreignism, modernism, mannerism, cosmopolit(an)ism, realism*; другие — английские основы: *truism, bigwigism, Byronism, Darwinism, landlordism, jingoism, toadyism* (все приведенные слова датируются XVIII—XIX вв.). В XX в. возникли существительные *Forsyteism, Quislingism* и ряд других. Многие из существительных на *-ism* соотносятся с существительными на *-ist* (*лат. -ista; греч. -istēs*), например, *Marxist, altruist* и т. п.

Суффикс *-ry (-ery)* заимствован из французского языка (фр. *-erie*; *лат. -āria*). Он имеет ряд значений: собирательное (например, *cavalry*), абстрактное — качества (*chivalry*), занятия (*cookerery*), места действия (*peatery*). Первые заимствования зарегистрированы в начале XIII в. (*robbery, treachery*), несколько позднее пришли такие как *bribery, bravery, chivalry, chansery, peatery, poultry*. Уже в середине XIII в. появляются первые английские образования с этим суффиксом, такие как *cookerery, husbandry, outlawry*; в XIV в. — *Englishry, housewifery, japery*; позднее, в ранненовоанглийский период, созданы существительные *chandlery, drudgery, machinery*. В новоанглийском отмечены очень немногочисленные новые производные, например, *artistry, crockery, tomfoolery*. Интересно, что суффикс этот, появившись в английском языке, сразу проявил способность присоединяться к основам любого происхождения, был очень продуктивен на протяжении ряда столетий. В настоящее же время он явно выходит из употребления, хотя ощущается как живая морфема с живым значением; это видно из довольно большого количества единичных образований, большей частью юмористического характера.

Названные выше иноязычные аффиксы, как можно видеть и по приведенным примерам, в той или иной мере использовались и используются английским языком в качестве словообразовательных формантов, что доказывается как количеством образованных с их помощью английских слов, так и их очевидной способностью сочетаться и с английскими и с иноязычными основами. Однако среди продуктивных иноязычных аффиксов мы встречаем немало таких, которые отличаются ограниченной сочетаемостью и потому представляют собой иную, отличную

от первой, группу заимствованных аффиксов в английском языке. Таковы, например, префиксы **co-**, **de-**, **trans-**, суффиксы **-al**, **-cy**, **-ic**, **-ical**. Все они, за самыми ничтожными исключениями, присоединяются только к романским основам, что заставляет считать их не вполне ассимилировавшимися в английском языке элементами. Так, префикс **co-** 'вместе' (*лат.* **co-** и его фонетические варианты **com-**, **cop-**, **col-**, **cor-**), вообще малопродуктивный, не дал до сих пор ни одного сочетания с английской основой, ср. *to co-polymerize*, *to co-adjust*, *to co-agulate*, *to co-ordinate*, *to co-exist*. То же наблюдаем в отношении отрицательного префикса **de-** (*лат.* **de-**), ср. *to decontrol*, *to destrain*, *to deoxidize*, *to depolarize*, *to delimit*, *to decontaminate* (некоторые сомнения вызывает глагол *to declutch*, вследствие неясности этимологии самой основы). То же — с префиксом **trans-** 'через' (*лат.* **trans-** 'через'), ср. глаголы *to transport*, *to transcribe*, существительные *transposition*, *transplantation*, прилагательные *transatlantic*, *transcontinental* и т. п.

Суффикс прилагательного **-al** (*лат.* **-ālis**) содержится в большом количестве заимствований из латинского и французского языков, вошедших в английский язык на протяжении XIII—XVIII вв. Во многих из них корень является невыделимой морфемой (см., например, *capital*, *general*, *moral*, *mental*, *local*, *legal* и т. п.). Все английские образования имеют романские основы (например, *brutal*, *occasional*, *tutorial* — XV—XVII вв., *agricultural*, *financial* — XVIII в., *medieval* — XIX в.). Суффикс абстрактного существительного **-cy** (*фр.* **-cie** < *лат.* **-tia**) со значением качества, состояния, режы действия, входил в состав многих французских и латинских заимствований (XIII—XVIII вв. — *prophecy*, *primacy*, *policy*, *advocacy*, *piracy*, *infancy*, *constancy*, *frequency*, *diplomacy*, *intimacy* и т. п.). С XV в. и далее появляются английские образования — *secrecy*, *supremacy*, *permanency*, *dependency*, *consistency*, *immediacy*, *pliancy*, *leniency*, *brilliancy*. То же следует констатировать и относительно суффикса прилагательного **-ic** (*лат.* **-icus**; *фр.* **-ique**). Заимствования с этим суффиксом появляются в английском языке с XIII в. и продолжают поступать до XIX в. (так, в среднеанглийском уже отмечаются *lunatic*, *fantastic*, *public*, в ранненово-

английском — apologetic, characteristic, pathetic, scientific, в новоанглийском — automatic, archaic, idiotic). Английских образований чрезвычайно мало, и все они (кроме редких образований от английских собственных имен, например, Byronic) имеют иноязычные основы (например, antagonistic, atomic — греческие основы; futuristic, optimistic — латинские). Кроме суффикса **-ic**, английский язык воспринял также суффикс прилагательного **-ical** (поздн.-лат. -ic-al-is; фр. -ical в латинских заимствованиях). В английском языке мы находим этот суффикс в ряде прилагательных, заимствованных либо непосредственно из книжной средневековой латыни, либо из французского языка (например, musical, medical, physical). Немногочисленные английские образования с этим суффиксом почти все относятся к XVI—XVII вв. (например, philosophical, botanical, political, periodical). Он также способен вступать в соединение только с иноязычными, преимущественно греческими основами, и отличается незначительной продуктивностью в современном английском языке. В случае наличия параллельных форм с **-ic** и **-ical**, последние отличаются более книжной стилиевой окраской (ср. philosophic — philosophical, caustic — caustical).

Наконец, есть и такие иноязычные суффиксы, продуктивность которых в английском языке необоснованно оценивается грамматистами как чрезвычайно высокая. Такая неправильная оценка сложилась, вероятно, потому, что в словарном составе английского языка имеется значительное количество заимствованных слов, оформленных этими аффиксами, что при недостаточно уточненной исторической проверке может создать иллюзию весьма активного участия подобных аффиксов в английском словопроизводстве. Таковы, например, суффиксы прилагательных **-ous**, **-ive**, **-ent(-ant)**. В абсолютно подавляющем большинстве случаев (а для суффикса **-ent(-ant)** — всегда) производные с этими суффиксами представляют собой просто-напросто заимствования из латинского или французского языков. Так, например, суффикс **-ous** (лат. -osus; ст.-фр. -eus; совр. фр. -eux) дал с XIII в. по сей день не более 10 английских образований, причем некоторые из них вызывают сомнения, так как имеют структурные параллели во французском (например, murderous =

см-фр. mordereus; feverous = *см-фр.* fievrieus), а некоторые давно устарели (например, *burdenous, wondrous*). Безусловно английскими образованиями с суффиксом **-ous**, вошедшими в язык, можно с уверенностью считать только прилагательные *cautious, precocious, poisonous, simultaneous, ochrous* (с романскими основами) и *righteous, thunderous* (с германскими). Еще менее продуктивен и суффикс **-ive** (*лат.* -ivus), встречающийся исключительно в заимствованных прилагательных и давший незначительное количество явно книжных образований, ныне устаревших (например, *amusive, conductive, forcive*), из которых все имели романские основы. Единственное производное с английской основой *talkative* неизменно приводится во всех работах по английскому словообразованию, как доказательство продуктивности суффикса **-ive** на английской почве. Наконец, суффикс прилагательного **-ent/-ant** (*лат.* -ens, -ans; *фр.* -ent, -ant, суффикс причастия I) совершенно не дал производных в английском языке и является не более как морфологической приметой заимствованных прилагательных.

Подведем вкратце итоги сказанному. Аффикация представляет собой такой способ словособразования, который всегда был и остается продуктивным в английском языке, хотя состав аффиксов и степень их участия в словопроизводстве подвергались неоднократным изменениям. Роль иноязычных аффиксов в английском словообразовании значительна, но не до такой степени, как это обычно изображается в работах по грамматике и лексикологии английского языка. Качество иноязычных аффиксов иногда подвергается значительным преобразованиям в английском языке. В словарном составе современного английского языка представлены слова, образованные посредством аффикации в различные эпохи развития языка. Подвергая их морфологическому анализу, необходимо различать продуктивные аффиксы от непродуктивных, но живых до сих пор, а эти последние от невыделяемых морфем и морфологических примет.

Следует добавить, что английский язык отличается большой свободой аффиксального словообразования, значительно большей, чем скажем, русский или французский. Это проявляется в легкости создания образований «на

данный случай», причем для этого используются не только высокопродуктивные, но даже и малопродуктивные аффиксы; единственное условие, которое при этом должно соблюдаться, это ясность значения используемого аффикса. Примеров таких единичных образований можно встретить целое множество в произведениях английской художественной литературы: a balconyful of gentlemen (*Chesterton*); kitchen-pokerness of carriage (*Dickens*); we all were moving ... luncheonward (*Wells*); he was... friendly and uncle-ish (*Wodehouse*); p'raps it's a ghost and a ghost-ess ("Micky Mouse") и многие другие.

Словосложение. Словосложение, т. е., по терминологии академика В. В. Виноградова, синтаксико-морфологический способ словообразования*, представляет собой широко распространенное явление не только в английском, но также и во всех других индоевропейских языках. Как известно, сущность его состоит в том, что новое слово образуется из двух, реже трех существующих полнозначных основ, причем, как правило, значение вновь образованного целого становится не тождественным сумме значений входящих в его состав частей. Для английского словосложения характерны отсутствие соединительного гласного между основами и тенденция к постановке ударения на первом компоненте сложного слова; иногда, главным образом в многосложных словах, допускается второстепенное ударение на втором компоненте. Решение проблемы сложного слова в современном английском языке затрудняется тем, что в английском языке широко практикуется употребление существительных в форме общего падежа в качестве препозитивного определения. Поэтому найти точные и объективные критерии размежевания между подлинными сложными словами и устойчивыми определительными комплексами бывает нелегко. Вопрос осложняется тем, что фонетические особенности тех и других чрезвычайно подвижны и подвержены вариациям в связной речи под влиянием различных речевых факторов — требований эмфазы, фразового ритма, ло-

* В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. «Известия АН СССР», вып. 3, 1951, стр. 4.

гического акцента и т. п.*. Путь к разрешению этого вопроса, как нам представляется, правильно намечен в интересных статьях советских языковедов О. С. Ахмановой и А. И. Смирницкого**. В наши задачи в настоящий момент не может входить теоретическое освещение и тем более дальнейшая разработка данной проблемы.

Поэтому мы строго ограничим себя рассмотрением лишь бесспорных случаев — или, как выражаются упомянутые авторы, «классических сложных слов». При этом мы используем критерии, выдвигаемые А. И. Смирницким и О. С. Ахмановой для определения сложного слова, — а именно, признаки цельнооформленности и, как правило, идиоматичности, а в некоторых случаях (это касается древних образований, а также отчасти новообразований с субстантивной основой в качестве первого компонента сложного слова) и грамматической неоформленности первых компонентов.

Некоторые зарубежные англисты склонны считать, что словосложение есть пережиточное явление, свидетельствующее об аморфности мышления и поэтому идущее ныне на убыль в английском языке. Это мнение покоится на методологически неверных основах лингвистической концепции этих исследователей и совершенно не подкрепляется данными английского языка. Так, Л. Смит утверждает, что современный английский язык утратил свою первоначальную способность к образованию сложных слов и объясняет этот факт тем, что словосложение было характерно для ранней стадии развития языка, «когда предмет речи должен был больше вызывать к воображению и чувству, нежели к разуму»***. Подтверждение этому своему взгляду он, как ни странно, усматривает в том, что наиболее «живые и идиоматические» из английских сложных слов —

* См. D. Jones. An Outline of English Phonetics. 5 ed. Cambridge, 1936, стр. 233 и сл.

** А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. Образование типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», II, М., 1952; А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). Сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1952.

*** См. L. P. Smith. The English Language. Williams and Norgate, стр. 84.

это бранные слова и презрительные клички вроде lickspittle, skinflint, swillpot, spitfire*.

Вряд ли есть необходимость доказывать всю несерьезность этого утверждения, вытекающего прежде всего из идеалистического представления о языке как продукте эмоционально-художественного творчества, — представления, совершенно искажающего истинное взаимоотношение между языком и мышлением. Американские лексикологи Дж. Гринаф и Дж. Киттредж также считают, что словосложение есть пережиток далеких эпох, когда «еще не существовало синтаксиса и связь представлений передавала тот смысл, который теперь отчетливо передается синтаксически**». Все последующие образования по принципу словосложения — это ни что иное, по мнению упомянутых авторов, как слепки с этих древнейших моделей, относящихся к фантастической «досинтаксической» стадии развития языка, которую они называют «периодом основ» (stem-period). Нетрудно видеть, какая недооценка роли грамматического строя, в частности, синтаксиса, как необходимого организующего начала в языке, как одного из элементов основы языка, проявляется в этом утверждении.

История английского языка показывает, что словосложение следует признать вторым по важности и продуктивности способом словообразования в английском языке (преимущественно в сфере существительного и прилагательного), действующим, как и аффиксальное словообразование, в течение многих и многих столетий. Его активность не удерживается на одинаковом уровне во все периоды развития английского языка. Так, в древнеанглийском языке оно обладало, повидимому, такой же, если не большей свободой, какой обладает в современном английском языке аффиксальное словообразование. Об этом свидетельствует наличие значительного количества сложных слов с синонимичным значением, употреблявшихся в древнеанглийской поэзии и имевших зачастую характер единичных образований, созданных «на данный случай» (ср., например, существительные с общим значением

* L. P. Smith. The English Language. Williams and Norgate, стр. 84.

** J. B. Greenough and G. L. Kittredge. Words and Their Ways in English Speech. MacMillan and Co., N. Y., 1922, стр. 177.

‘битва’: *cumbol-zehnæst*, *букв.* ‘знамя-борьба’; *esz-pleza*, *букв.* ‘нож-игра’; *esz-þраси*, *букв.* ‘нож-натиск’; *zāg-þраси*, *букв.* ‘копье-натиск’; *zāg-zewinn*, *букв.* ‘копье-страда’; *zæg-gæс*, *букв.* ‘копье-набер’; *zāg-mētinз*, *букв.* ‘копье-встреча’; *zielppleza*, *букв.* ‘слава-игра’; *zūþ-zemot*, *букв.* ‘бой-сбор’; *heafо-lас*, *букв.* ‘война-схватка’; *hild-þраси*, *букв.* ‘война-натиск’; *lind-zelас* ‘щит-схватка’; *lind-croda*, *букв.* ‘щит-натиск’; *lind-pleza*, *букв.* ‘щит-игра’; *sperenēþ*, *букв.* ‘копье-состязание’; *sweord-pleza*, *букв.* ‘меч-игра’; *wæpenþраси*, *букв.* ‘оружие-нападение’ и т. п.). Флективный характер древнеанглийского грамматического строя дает возможность легко обнаруживать сложное слово даже там, где написание не показывает нам его присутствия: неоформленность основы первого компонента, отсутствие синтаксического согласования его со вторым компонентом с очевидностью доказывают наличие слитного словесного целого (см. пример, приводимый О. Есперсеном: *ða. hēahfæder* ‘дед’, ‘предок’ есть действительно сложное слово, так как первый элемент сохраняет неизменной свою форму и в винительном падеже, тогда как определительное словосочетание в этом падеже имело бы форму *hēahne fæder**). Сравнительно нетрудно опознавание сложного слова и в среднеанглийском языке. Сомнительные случаи, относящиеся к новоанглийскому периоду, как уже сказано выше, мы опускаем для того, чтобы не отклоняться от основной линии нашего изложения.

Словосложение не теряло своего значения как одного из ведущих словообразовательных процессов на всех этапах развития английского языка. Правда, многие из сложных слов, возникших и бытовавших в древности, в средние века, в эпоху Возрождения, давно устарели и могут быть найдены сейчас лишь в древних рукописях или старинных книгах. Но многие из этих древних образований сохранились и в современном языковом употреблении, причем размеры этого наследия так велики, что мы вынуждены ограничиться здесь лишь некоторыми сжатыми иллюстрациями.

* О. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. VI, G. Allen-Unwin, стр. 135.

От древнеанглийского языка словарный состав современного английского языка унаследовал целый ряд сложных существительных, отражающих различные типы понятий; например, ботанические наименования: oak-tree (да. āc-trēow 'дуб'), apple-tree (да. æppel-trēow 'яблоня'), plum-tree (да. plūm-trēow 'слива'), blackberry (да. blæc-berize 'черная смородина'), strawberry (да. strēawberize 'земляника'), brookmint (да. brōcminthe 'водяная мята'), stonecrop (да. stāncropp 'очиток'), nightshade (да. nihtscada 'паслен'), earthnut (да. eorþhnutu 'земляной орех'), hazelnut (да. hæsel-hnutu 'орех'), linseed (да. līnsēd 'льняное семя'), peppercorn (да. piporcorn 'перец'); зоологические наименования: butterfly (да. buterflēoze 'бабочка'), earwig (да. ēarwicza 'уховертка'), goldfinch (да. goldfinc 'щегол'), greyhound (да. grīzhund 'борзая'), stud-horse (да. stōdhors 'породистая лошадь'), woodcock (да. wuducock 'вальдшнеп'); наименования семейных отношений: foster-child (да. fostorcild 'приемыш'), godfather (да. godfæder 'крестный отец'), godmother (да. godmōdor 'крестная мать'), stepfather (да. stēopfæder 'приемный отец'), stepmother (да. stēormōdor 'приемная мать'); наименования людей по роду занятий и профессий: cowherd (да. cū-hierde 'пастух'), goldsmith (да. goldsmiþ 'золотых дел мастер'), swineherd (да. swīnehierde 'свинопас'); наименования реалий труда и быта: bedclothes (да. bedclāþas 'постельное белье'), coalpit (да. colpytt 'угольная шахта'), fire-shovel (да. fýrscofl 'совок'), honeycomb (да. huniz-camb 'медовые соты'), homestead (да. hāmstede 'усадебьа'), sunshade (да. sunscēado 'навес'); наименования явлений и предметов окружающей природы: eventide (да. æfentīd 'вечер'), quicksand (да. swecesand 'песок-плывун'), moorland (да. mōrland 'вересковое поле'), rainbow (да. ǣzn-boza 'радуга'), waterfall (да. wæterzefēall 'водопад') и т. д.

Интересно, что ряд древнеанглийских сложных слов впоследствии претерпел частичную или полную подмену составляющих их компонентов. Эти случаи свидетельствуют о том, что древнеанглийское словосложение имеет значение для формирования английского словарного состава, главным образом, благодаря тому, что оно выработало словообразовательные модели. Многие из этих моделей оказались весьма жизнеспособными, продолжая сти-

мулировать активность данных продуктивных словообразовательных типов на всех этапах исторического развития английского языка. Так, например, в среднеанглийский период произошла подмена одного из компонентов в существительных *beod-clāþ* > *table-cloth*, *dēor-net* > *hunting-net*, *cīrcetūn* > *churchyard*, обоих компонентов в словах *campstede* > *battle-field*, *healswīfa* > *necklace*. Позднее мы опять встречаемся с подобными явлениями подмены компонента сложного слова, также вызванными архаизацией или семантическим изменением данного компонента, с одной стороны, и стремлением сохранить структурную единицу, с другой стороны; так, среднеанглийское существительное *bedchamber* было заменено в XVII в. существительным *bedroom* с тем же значением, что, повидимому, было вызвано изменением значения в слове *chamber*; среднеанглийское *hogskin* было вытеснено в XIX в. формой *pigskin*, возможно, из-за неоднозначности первого компонента.

До современности от древнеанглийского дошло и некоторое количество сложных прилагательных, свидетельствующих о значительной древности некоторых словообразовательных типов в пределах этой части речи. Таковы, например, структурные типы: именная основа + прилагательное, в частности, именная основа + отыменное прилагательное с суффиксом *-ede*, ср. *ice-cold* (*ða. is-calde* 'холодный как лед'), *iron-grey* (*ða. īsern-ȝræz* 'серо-железного цвета'), *half-bald* (*ða. healf-ballede* 'плешивый'), *half-empty* (*ða. healf-emptig* 'полупустой'), *milk-white* (*ða. meolc-hwyte* 'молочно-белый'), *half-sour* (*ða. healf-sūr* 'полускисший'), *silver-hilted* (*ða. seolforhiltede* 'с серебряной рукоятью').

Что касается сложных глаголов, то здесь мы находим иную картину. Несмотря на то, что словосложение в сфере глагола было более или менее распространено в древнеанглийском языке (с наречием в качестве первого компонента), в дальнейшем этот словообразовательный тип фактически почти не нашел применения при создании новых глаголов (и начиная со среднеанглийского периода встречаются только единичные случаи глагольного словосложения). В словарном составе современного английского языка имеется довольно большое количество сложных глаголов, но, за исключением нескольких из них (например.

to fulfil < *ða. ful-fyllan* 'исполнять', to backbite < *са. bac-beten*, to backslide; XVI в.: to backwash, to hoodwink, to batfowl, to browbeat, to dambfound, to waylay и некоторых других), они представляют собой результат не глагольного словосложения как такового, а каких-либо других словообразовательных процессов. Так, глаголы to beewax, to buttonhole, to blackball, to broadcast to hamstring, to handcuff, to mudlark, to pitchfork, to postmark, to quicksilver, to rack-rent, to rainbow, to rough-cast, to seesaw являются продуктом конверсии, имевшей место в период от XVII по XIX в., от соответствующих сложных существительных. Глаголы to pettifog и to ringlead представляют собой «обратное образование» (back-formation) соответственно от сложных существительных pettifogger (возможно, что данное слово, в свою очередь, есть результат пародной этимологии, трансформировавшей существительное pettifactor 'крюкотвор') и ringleader. Нужно, впрочем, иметь в виду, что непродуктивность синтаксикоморфологического словообразовательного типа в области глагола не является характерной чертой только английского языка, но отмечается и в других индоевропейских языках, как, например, в русском, немецком, французском.

От среднеанглийского периода словарный состав английского языка сохранил значительно большее количество сложных слов, чем от древнеанглийского. Это объясняется отчасти тем, что, хотя древнеанглийский язык был не менее богат сложными словами, многие из них давно стали архаизмами в связи с архаизацией выражаемых ими понятий, отчасти же тем, что многие древнеанглийские образования были с течением времени вытеснены из языка равнозначными заимствованными словами; ср., например, *bryne-ād* 'горячка' — *fever* (*ða. fefer*; *лат. febris*), *сгæt-wæп* 'колесница' — *chariot* (*фр. chariot*), *сū-sealf* 'нутряное сало' — *suet* (*фр. suif*), *сyнесetl* 'престол', 'столица' — *throne* (*фр. throne*), *capital* (*фр. capitale*), *dream-сгæft* 'музыка' — *music* (*фр. musique*), *еorþæppel* 'огурец' — *cucumber* (*лат. cucumis*), *zetælcraeft* 'искусство счета' — *arithmetics* (*греч. arithmetikē*), *weall-wyrhta* 'каменщик' — *mason* (*фр. maçon*) и т. п.

Среди сложных существительных, дошедших от среднеанглийского периода, преобладающим типом является следующий: именная основа + существительное, например,

backbone, bagpipe, bearskin, beehive, blacksmith, bloodhound, grandfather, grandmother, harebell, nightgown, nightmare, pancake, penknife, pikestaff, ploughshare, roadstead и т. п. Из сложных прилагательных, сохранившихся в словарном составе до наших дней от этого же периода, мы находим такие, которые представляют собой комбинацию основы прилагательного и основы существительного с суффиксом *-ede*, типа *hardfaced*, *grey-haired*, *light-hearted*, затем такие, которые образованы из соединения двух основ прилагательных, означающих цвет или тон, например, *light-blue*, *light-brown*, *dark-brown*, *dark-blue*. Кроме того, в среднеанглийском получил развитие тип сложных прилагательных, представляющих собой соединение именной или наречной основы с причастием II в качестве второго компонента: *ill-disposed*, *moth-eaten*, *well-informed*, *well-known* и другие.

В ранненовоанглийский период словообразовательная энергия английского языка, если можно так выразиться, нисколько не ослабела, и огромное количество образований этого периода до сих пор остается живыми элементами современной английской лексики. Такие распространенные существительные, как *background*, *banknote*, *bedpost*, *billhook*, *birthright*, *book-keeper*, *bookseller*, *headline*, *keystone*, *lighthouse*, *lovelock*, *mouthpiece*, *quagmire*, *racehorse*, *part-owner*, *patchwork*, *pathway*, *pawnbroker*, *pincushion*, *playbill*, *rosebud*, *sawdust* и т. д. и т. п. являются результатом словотворчества XVI—XVII вв. Совершенно невозможно привести не только полностью, но хотя бы в достаточно показательном количестве те сложные прилагательные, которые впервые появились в этот период. Приведем хотя бы по несколько образцов, относящихся к каждому из распространенных в то время типов комбинаций компонентов: *brand-new*, *home-sick*, *silver-gray*; *green-blue*, *red-brown*; *able-bodied*, *broad-faced*, *round-faced*, *grey-eyed*, *blue-eyed*, *bare-headed*, *bare-footed*, *flat-footed*, *middle-aged*, *single-hearted*, *red-cheeked*, *short-sighted*, *good-natured*, *good-humoured*; *time-honoured*, *heart-broken*, *well-bred*.

Начиная с ранненовоанглийского периода по настоящее время явление подлинного словосложения, т. е. образования единого цельнооформленного слова из двух пол-

нозначных основ или слов, переплетается с употреблением более или менее устойчивых словосочетаний номинативного характера с существительным в функции препозитивного определения (типа *vanity fair, tear gas, top comb* и т. п.). Однако наряду с такими конструкциями (распространенными в области существительных) и в новоанглийскую эпоху продолжается образование «классических сложных слов». В период XVIII—XIX вв. возникли и прочно вошли в употребление такие, например, существительные, как *air-balloon, air-bladder, air-gun, baseball, barmaid, blast-furnace, breadwinner, breakwater, guesswork, hairdress, keyboard, pass-key, pass-word, pathfinder, penwiper, playground, regwheel, railway* и т. д.; такие прилагательные, как *mouse-grey, navy-blue, foot-sore, armour-plated, absent-minded, bare-backed, full-fleshed, lace-curtained, large-framed, deep-set, petrol-driven*. Словарный состав английского языка и в XX в. продолжает пополняться за счет словосложения, например, существительных — *air-base, air-defence, air-raid, airway, airwoman, barrel-roll, balloon-tyre, deaf-aid, ear-phone, feed-back, flame-thrower, loudspeaker, switchboard, warplane*; прилагательных — *iron-cased, job-poured, ore-bearing, square-setted, thin-bedded, umbrella-shaped, waterlogged, water-repellant* и т. п.

Индивидуальные новообразования сложных прилагательных чрезвычайно многочисленны; по сути дела, в новоанглийский период от любого существительного могут быть образованы сложные прилагательные с суффиксом **-ed** и каким-либо другим прилагательным или существительным в качестве первого компонента, ср. *orange-shaded (lamp), golden-edged (clouds)* и т. д. и т. п.

Если мы посмотрим на характер основ, вступающих в соединение для образования сложного слова, то легко убедимся в том, что, во-первых, в качестве первого компонента чаще всего используются именные основы, т. е. такие, которые в виде самостоятельной лексемы представляют собой существительные или прилагательные, и во-вторых, что грамматическая природа второго компонента определяет собой грамматическую природу всего сложного слова в целом, т. е. его отнесенность к той или иной части речи. Однако из этих общих правил бывают исключения. Так, первым компонентом иногда бывает

глагольная основа (например, *bakehouse*, *blowfly*, *pastime*, *rattlesnake*, *make-shift*). В подобных случаях, впрочем, нельзя с полной уверенностью утверждать, что первый компонент является глагольной основой, так как он может быть и существительным, конвертированным из глагола. Изредка мы находим и случаи грамматического несовпадения сложного слова в целом с его вторым компонентом. Так, например, второй компонент существительного *quick-set* (XV в.) — причастие II, прилагательного *bareback* (XVI в.) — существительное, прилагательного *love-lorn* (XVI в.) — причастие II, существительного *make-believe* — глагол и т. п. Чаще всего такие расхождения в грамматической природе всего сложного слова и его конечного компонента встречаются среди наречий. Например, наряду с наречиями неопределенно-обобщающего значения, в которых конечный элемент является наречным (*somewhere*, *anyhow*, *whenever* и т. п.)*, имеются и наречия с конечным компонентом в виде существительного (*barefoot*, *midway*, *half-way*, *first-rate*) или прилагательного (*waisthigh*, *knee-deep*). Бывают и такие случаи, когда сложное слово в целом и его конечный компонент относятся к различным разрядам одной и той же части речи. Например, существительное *makepeace* (XVI в.) имеет вторым компонентом абстрактное существительное, тогда как в целом оно означает лицо ('миротворец'). Второй компонент существительного *pickpocket* (XVI в.) — конкретное существительное со значением предмета, сложное слово — наименование лица (ср. также *chatter-box*, *red-coat*, *saucebox* и т. п.). Сказанное подводит нас к вопросу об отношении сложных слов к называемому ими предмету действительности — с одной стороны, и об отношении компонентов друг к другу внутри сложного слова — с другой стороны. Оба эти момента тесно связаны друг с другом и определив один из них, мы тем самым охарактеризуем и другой. Нужно только сразу же оговориться, что, пытаясь вскрыть отношения между компонентами сложного слова, мы говорим не о синтаксических отношениях, которых между ними быть не может, ибо сложное слово по природе своей

* См. Б. А. Ильинш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 300.

существенным образом отличается от грамматического соединения слов, т. е. от словосочетания, а об отношениях логических. Обычно первый компонент уточняет, специализирует второй компонент, что отражается на общем значении всего сложного слова (ср. blackboard, peartree, peahen, ringworm, sealskin); при этом второй компонент выражает родовое понятие, по отношению к которому все сложное слово в целом оказывается носителем видового понятия. Однако в ряде случаев второй компонент сам по себе является не носителем родового понятия, а выразителем какого-либо частного признака называемого предмета. Так, в слове red-coat 'английский солдат' второй компонент выражает признак называемого лица. Признак этот делается представителем понятия о данном лице в целом только при наличии уточнителя в виде первого компонента сложного слова. Поэтому-то здесь сложное слово отличается от своего второго элемента по характеру значения (ср. bluestocking, greenhorn). В сложных словах этого типа* налицо иное отношение сложного целого к называемому предмету действительности, чем в случаях первого типа: здесь — наименование целого по части, там — превращение родового наименования в видовое. Мы можем встретить и другие варианты отношений между обеими морфемами сложного слова и связи сложного слова с называемым предметом. В сложных прилагательных, глаголах, наречиях эти отношения приблизительно повторяют ту картину, которую дают существительные, конечно, с известными отклонениями. Все эти варианты структурно-логических связей внутри сложного слова определяются как характером мотивировки, так, повидимому, и самой историей сложения данного слова. Дело в том, что известная часть сложных слов, бытующих в современном английском языке, возникла не в результате прямого и непосредственного словосложения как особого словообразовательного процесса, а в результате слияния в единое цельно-оформленное целое элементов устойчивого назывного словосочетания. В. Н. Ярцева отмечает, что возможный путь лексикализации словосочетания — это превращение его

* В языкознании сложные слова этого типа называются «бахуврихи». Тип этот восходит к глубокой древности.

в конечном счете в сложное слово*. Что это так, видно на примере сложных слов, в которых не вполне отсутствуют хотя бы слабые следы былых синтаксических отношений между компонентами, иногда даже выраженных не только позиционно, но и морфологически. Ср., например, существительные *hartshorn* (да. *heortes horn* 'олений рог'), *beeswax* (ранн-на. *bee's wax* 'пчелиный воск'), *hogshead* (са. *hogges hede* 'бочка', букв. 'кабанья голова'), *godsend* (са. *godes sonde*, *goddiss sande* 'неожиданно свалившееся счастье', букв. 'дар божий') и т. п. В других случаях таких явных морфологических признаков некогда существовавшего словосочетания мы можем сейчас в сложном слове не обнаружить, но история его помогает определить, что данное сложное слово некогда было устойчивым словосочетанием, ср. *rawhide* (в XVI в. это было, действительно, сочетанием определения и определяемого и в этом своем качестве могло раздвигаться для того, чтобы включить в себя еще одно определение: *row oxe hide* 'невыделанная бычачья шкура'); *bluestocking* (в XVII в. это был фразеологический комплекс *blue stocking* 'синий чулок'); *kitchen-garden*, *mainspring* до XVII в. выступали также в качестве устойчивых назывных сочетаний. Конечно, сложные слова такого происхождения нельзя считать продуктами действия только словосложения — в них отражается комбинированное действие словосложения и синтаксического способа словообразования. Синтаксический способ словообразования отчетливо проявляется в таких словах, как *make-believe*, *forget-me-not*, *reach-me-down* и т. п., представляющих собой, по сути дела, субстантивизированные словосочетания с отчетливо просвечивающими прежними внутренними синтаксическими связями.

Суммируем вкратце все сказанное выше. Словосложение есть такой словообразовательный процесс, который действует во все эпохи существования английского языка, хотя, повидимому, в новсапгильский период он снижает свою продуктивность в результате распространения устойчивых назывных сочетаний, из которых, впрочем, иногда

* См. В. Н. Ярцева. Пути развития словосочетания (на материале английского языка). «Ученые записки ЛГУ», 1952, № 156, серия филологических наук, вып. 15, стр. 42.

может образоваться сложное слово. В словарном составе современного английского языка существует большое количество сложных слов, генетически восходящих к различным периодам истории английского языка.

Необходимо иметь в виду, что степень участия аффиксального словообразования и словосложения в развитии словарного состава современного английского языка не вполне исчерпывающе может быть определена путем простого подсчета наличествующих в этом последнем сложных и производных слов. И это не только потому, что, как мы уже говорили, известная часть сложных слов образовалась не путем сложения, а возникла в результате конверсии, обратного образования, слияния компонентов словосочетания и т. п., но также отчасти и потому, что многие производные и сложные слова подверглись опрощению и в настоящее время имеют вид непроизводных основ. Как известно, опрощением называется такое изменение морфологического состава слова, в результате которого слово, имевшее исторически сложный состав, теряет свою разложимость на морфемы и выступает как слово с простой или непроизводной основой. Слова *answer*, *buxom*, *fiend*, *fret*, *friend*, *kernel*, *thimble*, *wanton* возникли некогда в результате аффиксального словообразования и, следовательно, были производными, в которых существовала корневая морфема, отличная от формантов. Так, слово *answer* в древнеанглийский период содержало префикс **and-** и корень **swar**; прилагательное *buxom* < **buh** — *sum*, где первая морфема представляет собой тот же корень, который имелся в древнеанглийском глаголе *buȝan* 'гнуть', 'склонять', а вторая — суффикс **-sum** (совр. *a.* — *some*); *fiend* — по происхождению субстантивированное причастие от древнеанглийского глагола *fēon* 'ненавидеть' — *fēond*, где элемент **-nd** представлял собой причастный суффикс (ср. *friend* < *da.* *frēond* от глагола *frēon* 'любить'); глагол *to fret* < *da.* *frētan* 'грызть', который, в свою очередь, уже в древнеанглийскую эпоху представлял собой опрощенную форму от префиксального глагола **for-etan*, ср. г. *fra-itan*; существительное *kernel* < *da.* *cyrnel*, где уменьшительный суффикс **-el/-il** (ср. г. *-ilo*) вызвал умлаут в корневой морфеме *cogn* (*-cign*) 'зерно' (см. тот же процесс в существительном *thimble* < *da.* *þym-el* 'наперсток')

< þum-a 'большой палец'); прилагательное wanton < *са*. wantowen, где wan- — отрицательный префикс, a towen < *да*. tozen, причастие II от глагола tēon 'вести', 'образовывать'. Здесь приведено в качестве иллюстрации всего несколько таких бывших производных, подвергшихся опрощению; в действительности их гораздо больше.

В качестве примера опрощенных сложных слов можно привести хотя бы такие как barn (*да*. bere-ern 'амбар', *букв.* 'место для ячменя'), gossip (*да*. god-sibb 'кум', *букв.* 'родственник во господе'), sheriff (*да*. scir-zerefa 'управитель области'), stirrup (*да*. stīrār, stīz-gār 'стремя', *букв.* 'веревка для подъема'). Опрощенных сложных слов в современном английском языке так же много, как и опрощенных производных.

Совершенно ясно, что опрощение может происходить в словах только потому, что для языкового общения существенным является не их морфологический состав, не тот способ, посредством которого они были созданы, не их этимологическая структура, а их действующее реальное значение. При всем том нельзя не обратить внимания на тот факт, что далеко не все древние производные и сложные слова дошли до наших дней в опрощенном виде. Напротив, мы уже имели случай привести на предшествующих страницах значительное количество слов, сохранивших свой сложный морфологический состав в течение многих столетий. Из этого можно сделать тот вывод, что одна только несущественность этимологической структуры слова для сохранения коммуникативной силы слова, являясь основной причиной опрощения, недостаточна для того, чтобы опрощение действительно могло осуществиться. Для этого нужны определенные дополнительные условия. Самыми распространенными условиями опрощения нужно признать следующие: фонетическое изменение всех или одной из морфем данного слова, не совпадающее с фонетическим изменением этих же морфем в составе других слов или в самостоятельном виде; архаизацию всех или одной из морфем данного слова; переосмысление значения сложного слова, способствующее семантическому отмежеванию его морфем от их самостоятельных форм. Для пояснения своей мысли приведем несколько иллюстраций. Так, существительное hussy выступает сейчас как слово с непрс-

изводной основой, но этимологически это древнеанглийское сложное слово *hūs-wīf*, каждый компонент которого существует в современном английском языке и даже входит в общеупотребительную лексику. В самостоятельном виде эти компоненты имеют сейчас формы *house* и *wife*. В сложном слове эти основы претерпели ряд позиционных фонетических изменений, а именно — сокращение первого гласного перед двумя согласными, трансформацию второго компонента в безударном положении с отпадением конечного согласного. Благодаря этим изменениям, фонетическое развитие данных основ пошло по различным путям в составе сложного слова и в составе других слов или в форме самостоятельного слова. Возьмем другой пример — скажем, существительное *nostril*. Древнеанглийское сложное слово *nosdrūl* ('ноздря', букв. 'носовое отверстие') образовалось из основы *nos*-и 'нос' и *drūl*, *drugel* 'дыра' (видимо, производное с суффиксом *-l* от корня, который наличествует в предлоге *frūh* 'сквозь'). Второй компонент исчез из английского языка как самостоятельное существительное. Из-за его архаизации сложное слово, некогда состоявшее из трех морфем — двух корневых и одного суффикса, — ныне превратилось в слово с непроемной основой. Наконец, переосмысление таких производных как *to become*, *to behold*, также делает генетически производное слово фактически неразложимым на морфемы.

Нужно, между прочим, отметить, что иногда фонетические трансформации приводят к тому, что слово приобретает совершенно ложную, исторически неоправданную членимость. Так случилось, например, со словом *brimstone*, которое кажется легко делимым на морфемы *brim* 'край' и *stone* 'камень', тогда как в действительности первая из них не имеет ничего общего с корнем *brim*, а возводится этимологически к глагольному корню *brūn* или *brēn* (ср. древнеанглийские глаголы *brūpan* 'гореть' и *bægnan* 'жесть'), претерпевшему метатезу *-r-* и диссимилиацию *n-* и *s-* с заменой зубного носового *-n-* губно-губным носовым *-m-*. Наконец, нельзя забывать и того, что бывают случаи, когда опрошенное слово сохраняет в орфографии полную картину своего морфологического состава, хотя в основной, устной форме морфемы его уже давно слились в единую непроемную основу. Таковы, например,

существительные cupboard ['kʌbəð], forecastle ['fouksl], rowlock ['rɒlək]. Разумеется, отражение в орфографии первоначального морфологического состава этих слов не делает их морфологически членимыми в настоящее время, ибо их звуковой состав уже не дает возможности усмотреть в них наличие каких бы то ни было выделяемых морфем.

Конверсия. Обогащение словарного состава английского языка в течение ряда веков совершается также путем так называемой конверсии. Сущность конверсии заключается в образовании из слова, относящегося к одной части речи, нового слова, принадлежащего к другой части речи, без внешней словообразовательной его перестройки.

Практически о действии конверсии мы можем говорить только применительно к образованию существительного из глагола и обратно, так как субстантивация прилагательного не есть результат собственно словообразовательного процесса, а есть лишь конечное звено в цепи принципиально иных процессов, как например, эллипса устойчивого назывного сочетания (ср. incendiary bomb > incendiary 'зажигательная бомба'), употребления прилагательного в несбыточной синтаксической функции (the poor 'бедные') и др. Конверсия существительного и глагола является одной из характерных черт английского словообразования, начиная приблизительно с конца XIII в. Попытка Д. Ли усмотреть наличие конверсии существительного и глагола в более раннюю эпоху истории английского языка явно несостоятельна, ибо она основана на неправомерном смешении собственно конверсии и аффиксального образования глагола, связанного по корню с параллельно существующим именем*. Фактически эта ошибка связана с непониманием двойственной природы инфинитивной формы глагола. Ведь инфинитив сочетает в себе глагольные особенности, в силу которых он включается в морфологическую систему глагола, и некоторые именные свойства, ибо служит наименованием действия как такового и синтаксически может использоваться в качестве именного члена предложения, — и в силу этих своих именных свойств он включается в сло-

* См. D. W. Lee. Functional Change in Early English. A Dissertation, 1948.

варный состав языка как определенная лексическая единица (чем резко отличается от личных форм глагола). Поэтому морфологические форманты инфинитива нельзя приравнивать безоговорочно к словоизменительным формантам остальных форм глагола, ибо они выполняют и определенную словообразовательную функцию. Следовательно, о конверсии в подлинном смысле слова мы можем говорить только тогда, когда наблюдаем полное морфологическое тождество инфинитива глагола и общего падежа единственного числа существительного. Все остальные грамматические формы глагола и существительного служат лишь проявлением и свидетельством совершившейся словообразовательной перестройки данного звукового комплекса. В этом смысле справедливо замечание А. И. Смирницкого о том, что «конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова»*. Но такое морфологическое тождество исходных (или точнее, словарных) форм существительного и глагола стало возможным только с того времени, когда английский инфинитив утратил суффиксальное оформление. Возможно, что именно фонетическое совпадение целого ряда существительных и глаголов одного и того же корня, совершившееся в результате этой утраты инфинитивного суффикса, и послужило в качестве, так сказать, словообразовательной модели для развития конверсии, впоследствии (в XVI—XVII вв.) временно захватившей и другие части речи**.

О распространенности конверсии в английском языке упоминают многие исследователи английского языка, как например, Керм, Суит, Бладин, Пальмгрен и другие***.

* А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1953, № 5, стр. 24.

** По поводу расширения сферы действия конверсии в указанный период см. E. A. Abbott. A Shakesperian Grammar. L., 1870; W. Franz. Shakespeare-Grammatik. Halle, 1900.

*** См. G. O. Curme. A Grammar of the English Language. V. II, стр. 193; H. Sweet. A New English Grammar, Logical and Historical. V. I, § 105; V. Bladin. Studies on Denominative Verbs in English. Inaugural Dissertation, Uppsala, 1911, Introduction, § 1a; C. Palmgren. English Gradation-Nouns in their Relation to Strong Verbs. Uppsala, 1904, p. 1.

Однако зачастую они допускают ту ошибку, что ставят знак равенства между фактом конверсии и омонимией глагола и существительного, приводя в качестве примеров конверсии случаи формального тождества, создавшегося в результате фонетического совпадения слов. Так, например, тождество существительного и глагола *bag* представляет собой не продукт конверсивного словообразования, а результат исторически сложившегося совпадения ранее морфологически различавшихся слов (*ca.* глагола *barren* < *ст-фр.* *barre* и существительного *ca.* *barre* < *ст-фр.* *barre*, ср. также *to change ca.* < *changer* от *ст-фр.* *changer* и *a change* от *ст-фр.* *change*, *to answer* < *da.* *andswarian* и *an answer* < *da.* *andswaru*, уже к XIV в. пришедших к единой форме и т. п.). Конверсия есть способ словообразования, но не есть состояние тождества форм. Поэтому, характеризуя случаи совпадения словарных форм существительного и глагола в современном английском языке, не следует без исторической проверки, как это делают упомянутые выше зарубежные лингвисты (и как это допускает А. И. Смирницкий в цитированной статье)*, обобщенно называть их случаями конверсии; обращая внимание на существующее положение вещей и отвлекаясь от исторического их объяснения, уместнее квалифицировать их как случаи омонимии, а не конверсии, именно потому, что омонимия есть состояние, результат, а конверсия есть словообразовательный процесс. Дело тут не «в подмене определения существующего соотношения определением того, из чего оно получилось» (А.И. Смирницкий), а в более точном определении именно самого существующего соотношения.

Таким образом, далеко не все ныне наличествующие в словарном составе английского языка омонимичные друг другу глаголы и существительные представляют собой продукт конверсии. Тем не менее, остается бесспорным фактом, что, начиная примерно с конца XIII в. конверсия становится весьма продуктивным способом словообразования в английском языке, причем продуктивность ее с те-

* А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1953, № 5, стр. 25.

чением времени усиливается. Нужно при этом отметить, что случаи конверсивного образования отыменных глаголов значительно преобладают над случаями такого же образования отглагольных существительных.

От среднеанглийского периода сохранились и поныне такие глаголы, образованные путем конверсии, как например, *to age, to canker, to cap, to cook, to decease, to mouse, to occasion, to shoulder, to voice* и такие существительные, как *cut, disguise, increase, look, stand* и т. п. От ранненовоанглийского — такие глаголы, как *to alarm, to battle, to ball, to bankrupt, to canopy, to chalk, to effect, to rival, to vermilion, to view, to wing, to worm* и такие существительные, как *affront, aim, baffle, carry, grasp, rub, sigh* и др. В XVIII в. появляется большое количество глаголов, образованных путем конверсии, например, *to badger, to beach, to capture, to feature*. В XIX в. — глаголы *to blarney, to cab, to cartoon, to cash, to charcoal, to coke, to dial, to rubber, to zink, to yellow*, существительные *find, wag, weld, wince* и многие другие. В XX в. наблюдается все продолжающийся приток конверсивных новообразований, например, *to black-out, to bulletin, to camouflage, to phone, to sandbag, to taxi, to x-ray* и т. п.

От XVI—XVII вв., т. е. от периода максимальной интенсивности и расширения сферы конверсии, до настоящего времени дошло некоторое количество глаголов, образованных путем конверсии от прилагательных, например, *to brisk, to dirty, to empty, to equal*.

Семантические отношения между конвертированными существительными и глаголами разнообразны и сложны и мы можем определить их здесь лишь в самых общих чертах. Значение отыменных глаголов может содержать следующие отношения к понятию, отражаемому в значении исходного существительного: орудийное (глагол выражает действие, производимое с помощью предмета, обозначаемого исходным существительным — *to finger, to foot, to mask, to prop, to shelter, to shoulder, to wheel*), причинно-следственное (глагол выражает действие, вызываемое то или приводящее к образованию того, что обозначается исходным существительным — *to effect, to league, to match, to patch, to rumour, to petition, to stitch*), агентивное (глагол выражает действие, подобное тому, которое совершает

определенное лицо или существо, выраженное исходным существительным — to cook, to dog, to witness). Семантические связи между отглагольным существительным и исходным глаголом также чрезвычайно многообразны. Те, которые указываются ниже, являются лишь наиболее типичными и распространенными. Так, значение отглагольного существительного может содержать в себе результативное отношение к понятию, отражаемому в значении исходного глагола (существительное обозначает результат действия — call, cut, find, stop, sigh), орудийное отношение (существительное обозначает предмет, являющийся орудием осуществления действия, выражаемого исходным глаголом — grasp 'рукоять'), локативное отношение (существительное обозначает место совершения действия, выражаемого исходным глаголом — stand), процессуальное отношение (существительное является наименованием процесса, понятие о котором выражено исходным глаголом — decay). Эти основные отношения внутри конверсивной пары имеют множество вариантов и ответвлений и зачастую осложняются неоднократным переосмыслением либо обоих, либо одного из ее членов. Семантическая емкость и гибкость конвертируемых слов способствует продуктивности конверсии как способа словообразования в английском языке. Этим объясняется и та свобода конверсивных образований «на данный случай», которыми пестрят страницы английской художественной, публицистической и научной литературы.

Абревиация. Сокращение слов или абревиация — это словообразовательное явление, достаточно характерное для современного английского языка (как, впрочем, и для некоторых других языков, например, русского, французского и т. д.), но до сих пор как следует не изученное — ни с точки зрения его исторических пределов, ни с точки зрения его сущности. Прежде всего, нет до сих пор определенно сформулированного мнения — да, собственно говоря, этот вопрос и не ставился никем в общетеоретической плоскости — относительно того, можно ли считать абревиацию*, действительно, одним из способов словообразо-

* Вряд ли нужно подчеркивать, что здесь речь идет не о графических аббревиатурах, а о сокращении слов в речи, притом о сокращении не фонетического порядка, типа стяжения, синкопы и т. п.

вания; иначе говоря, являются ли аббревиатуры, сокращенные слова новыми словами по сопоставлении их с исходными словами, от которых они образовались. Нам представляется, что, хотя обычно (но не всегда) аббревиатура существует в языке параллельно с исходным словом и хотя предметная отнесенность и аббревиатуры и исходного слова совпадает (ср. zoological garden — Zoo, Zerpelin — Zep, Japanese — Jap), тем не менее лексическое значение аббревиатуры в целом существенным образом отличается от значения исходного слова по свей экспрессивной окраске и стилевой характеристике; при этом словообразовательные возможности аббревиатуры также отличаются от словообразовательных возможностей исходного слова (например, от исходного существительного bicycle образуется существительное bicyclist, тогда как соответственная аббревиатура bike не дает производного *bikist и т. д.). Мы не говорим уже о возможности (впрочем, видимо, редко встречающейся) расхождения в предметной отнесенности между аббревиатурой и исходными словами (ср. cab 'наемный экипаж' и cabriolet 'кабриолет'). Поэтому аббревиацию следует признать действительно словообразовательным процессом, хотя и отличающимся некоторыми особенностями, несколько отделяющими ее от других способов словообразования. Так, характерной чертой аббревиации является то, что она действует преимущественно в пределах разговорной речи и даже слэнга. Однако многие аббревиатуры с течением времени включаются в словарный состав литературного общенародного английского языка (Standard English), этимологические основы которого мы здесь и пытаемся установить, хотя иногда и не проникают в пределы книжного стиля во всех его разновидностях, а следовательно, в силу своей определенно выраженной стилевой окраски, имеют ограниченную сферу употребления. Характерно также для аббревиации и то, что она действует почти исключительно в сфере существительных; незначительное количество сокращенных глаголов представляет собой явный результат конверсии (to phone, to taxi) и в большинстве случаев не принимается в общенародное употребление, сохраняя жаргонный характер (to perm 'сделать перманентную завивку' — конверсия существительного perm < permanent wave 'пер-

манентная завивка', to tes 'выслеживать кого-либо' — конверсия существительного tes < detective 'сыщик'). Сокращенных прилагательных еще меньше, и все они безусловно принадлежат к жаргонной речи (например, ard < ardent, dilly < delightful).

Основным и самым распространенным типом аббревиатур являются слоговые сокращения, т. е. такие, в которых сохраняется один или два слога исходного слова. Чаще всего аббревиатура представляет собой ударный слог первоначального слова, например, pram (< perambulator), Jar (< Japanese), 'Change (< Stock Exchange). Иногда, впрочем, сохраняется и безударный слог, например, phone (< telephone), plane (< airplane), cycle (< bicycle). Далеко не всегда в аббревиатуре сохраняется основной значимый элемент слова; наоборот, повидимому, ударение в этом отношении имеет все-таки большее влияние. Например, в сокращенных словах типа bus (< autobus), ship (< companionship 'бригада наборщиков') сохраняются просто форманты (в первом случае даже просто латинская флексия, невыделяемая в английском языке). Слоговые сокращения осложняются иногда суффиксацией, например, granny (< grandmother), sweetie (< sweetmeat), undies (< underclothes).

Особым видом аббревиатур являются сложносокращенные слова, представляющие собой слияние двух аббревиатур или одной аббревиатуры с полносоставным словом; например, paratroops (< parachute troops), sanilav 'дезинфицирующее средство' (sanitary+lavatory), хотя таких аббревиатур в английском языке очень мало.

Так называемые слова-спайки (blends) следует признать также одним из видов аббревиатур, правда, очень мало распространенным и в достаточной степени искусственным; таковы, например, глаголы to dunch 'рано обедать' (dine+lunch), to blurt 'сболтнуть', 'выпасть' (blow+spurt), to galumph 'радостно прыгать' (gallop+triumph), to scurry 'сновать', 'суетиться' (scower+hurry).

Наконец, особым типом аббревиации, может быть, следует признать и сокращение устойчивых назывных словосочетаний в результате опущения одного из составляющих их компонентов. При этом может сохраняться либо определение (например, incendiary < incendiary bomb, fighter <

fighter plane 'самолет-истребитель'), либо определяемое (tennis < lawn tennis, gum < chewing gum, pencil < lead pencil). Если опускаемое определяемое имело форму множественного числа, то аббревиатура может получать множественное число (movies < moving pictures, kids < kid gloves), иногда осложняясь вторичной аббревиацией сохраняемого компонента (consols < consolidated annuities, ср. Zoo < zoological garden).

В области собственных имен сокращенные формы имеют ласкательное или уменьшительное значение (Phil < Phillip, Joe < Joseph, Archy < Archibald и т. п.).

Время, когда аббревиация укоренилась в английском словообразовании, невыяснено. Первые признаки ее замечены лишь в XVIII в., но большинство ныне бытующих аббревиатур датируется XIX—XX вв.*

До сих пор мы рассматривали словообразовательные процессы, являющиеся продуктивными и в настоящее время. Однако в словарном составе современного английского языка имеется некоторое количество слов, образованных с помощью давно омертвевшего словообразовательного способа. Таким способом является чередование гласных.

Чередование гласных. Как известно, всем индоевропейским языкам свойственно чередование гласных (аблаут), используемое как для образования грамматических форм одного и того же слова (например, для образования некоторых форм глаголов в греческом и германских языках), так и для словообразования. Основной индоевропейский тип чередования **е—о—0** (нуль звука) в германских языках отражается как чередование **е/і—а—0** (нуль звука), причем эти основные звуки могут осложняться комбинацией с полугласными (неслоговыми *i*, *u*, сонантами *l*, *r*, *n*, *m*). В зависимости от характера осложнителя в чередовании гласных, а также от системы древнеанглийского вокализма в целом мы различаем шесть вариаций чередования гласных, так называемых рядов чередования. Сло-

* Так называемые буквенные или алфавитные сокращения здесь не рассматриваются, поскольку мы не освещаем проблемы аббревиации в целом, а анализируем аббревиацию только с точки зрения ее словообразовательной роли; повидимому, алфавитные сокращения типа BBC, M.P. не могут считаться словообразовательным явлением.

вообразование посредством чередования гласных, например, образование имени от глагольного корня и т. п., встречалось в древнеанглийском языке довольно часто. Некоторые из таких образований сохранились и в современном языке, хотя само по себе словообразование при помощи аблаута уже в начале среднеанглийского периода полностью прекратилось. Таковы, например, *to abide* — *abode* (*ca.* *abiden*, *abode*), *to bite* — *bit* (*ða.* *bitan* ‘кусать’, *bita* ‘кусок’), *to drive* — *drove* (*ða.* *drifan* ‘гнать’, *draf* ‘стадо’, ‘толпа’), *to live* — *life* (*ða.* *libban* ‘жить’, *lif* ‘жизнь’), *to ride* — *road* (*ða.* *ridan* ‘ехать верхом’, *rād* ‘поездка’, ‘военный поход’), *to shoot* — *shot* (*ða.* *sceotan* ‘стрелять’, *sceota* ‘выстрел’), *to sing* — *song* (*ða.* *sinzan* ‘петь’, *sanȝ*, *sonȝ* ‘песнь’), *to strike* — *stroke* (*ca.* *striken* ‘ударять’, *stroc* ‘удар’), *to write* — *writ* ‘писание’ (*ða.* *writan* ‘писать’, *writ* ‘писание’, ‘письмо’, ‘документ’).

В некоторых словах мы находим расхождение в огласовке единого корня, также основанное на древнем словообразовательном чередовании гласных, но осложненное еще комбинаторными фонетическими изменениями. Так, например, сильный глагол *to sit* имеет огласовку по I ступени чередования V ряда (*ða.* *sittan* ‘сидеть’); слабый же глагол того же корня имеет огласовку по II ступени чередования V ряда (*sæt*), но этот гласный в нем подвергся перегласовке под влиянием суффикса, восстанавливаемого сравнительно-историческим методом (**sætjan* > *settan* ‘сажать’). То же самое явление мы наблюдаем в паре глаголов *to lie* (*ða.* *liezan* ‘лежать’, I ступень чередования V ряда) и *to lay* (*ða.* *leczan* < **læzjan* ‘класть’, II ступень чередования V ряда).

Нужно иметь в виду, что не все случаи расхождения в огласовке слов одного и того же корня, имеющиеся в современном английском языке, обусловлены древним словообразовательным чередованием гласных. Иногда различие в огласовке вызваны комбинаторными вариациями гласных еще в древнеанглийскую эпоху. Таково, например, различие гласных корня в существительном *tale* (*ða.* *talū* ‘рассказ’) и глаголе *to tell* (*ða.* *tellan* < **taljan* ‘говорить’), *sale* и *to sell* (*ða.* *salū* ‘продажа’ и *sellan* < **saljan*), *blood* — *to bleed* (*ða.* *blōd* ‘кровь’ и *blēdan* < **blōdjan*), в прилагательном *long* и существительном *length* (*ða.* *lonȝ*/*lanȝ* ‘длинный’ и *lenȝ* ‘длина’, последнее с перегласовкой гласного

под влиянием некогда существовавшего в составе суффикса гласного -i-), strong и strength (да. strɒŋz 'сильный' и streŋθz 'сила'), в прилагательном full и глаголе to fill (да. ful 'полный' и fyllan < *fuljan 'наполнять') и в других.

Чередование ударения. Особое место в системе английского словообразования занимает чередование ударения, т. е. различие в месте ударения в словах, имеющих сходный звуковой состав, но принадлежащих к различным частям речи. Чаще всего чередование ударения наблюдается в омографических парах глагола и существительного (например, to trans'port, 'transport), значительно реже — глагола и прилагательного (например, to pro'strate — 'prostrate). Особое место чередование ударения занимает в словообразовании потому, что ряд обстоятельств не позволяет безоговорочно определять его ни как способ словособразования, ни как словособразовательное средство. Обстоятельства эти в основном заключаются в том, что, как показывает исторический анализ, различие в ударении в глаголе и существительном в большинстве случаев вызвано либо чисто фонетическими причинами, либо появляется не в момент образования слова, а позже, под влиянием аналогии с однотипными образованиями. Чисто фонетические причины чередования ударения уходят своими корнями, по мнению исследователей, в глубокую древность, и связаны с особенностями общегерманского словесного ударения. Если общеиндоевропейское ударение было подвижным, т. е. могло падать как на корневой слог, так и на флексию и на любую другую морфему, и по своему характеру было, повидимому, тоническим, то в германском языке-основе оно с течением времени претерпело ряд изменений, главные из которых следующие: общегерманский сдвиг ударения на первый слог в слове и переход от тонического ударения к экспираторному. Тяготение ударения к первому слогу остается характерной чертой германских языков и по настоящее время. Сдвиг ударения был, по всей вероятности, длительным и постепенным процессом усиления экспираторного второстепенного ударения на первом слоге и ослабления основного ударения, которое с течением времени в результате этого само превратилось во второстепенное ударение. В древнеанглийском языке основное ударение также падало на начальный слог в простых сло-

вах. В словах со сложным морфологическим составом (сложных и производных) оно также покоилось на начальном слоге при условии, что вторым элементом слова является существительное или прилагательное. Если же вторым элементом слова был глагол, то основное ударение падало на начальный слог этого второго элемента. Очевидно, это связано с тем, что словосложение и префиксация глаголов представляют собой явления сравнительно поздние и их в германском языке-основе не было (ср. *да.* 'andsaca 'противник', но *оп'sacan* 'бороться', 'andziet 'разум', 'понимание', но — *оп'zietan* 'понимать', 'орпанс 'изобретение', но — *а'рпенсacп* 'изобретать'). В среднеанглийском положении ударения в словах германского происхождения остается приблизительно таким же, хотя с некоторыми колебаниями в сложных и производных словах (ср. *al'mighty*, *mis'deed*, *un'happу* и т. п.). Позиция ударения на начальном слоге второй морфемы в глаголах со сложным морфологическим составом остается той же, что и раньше, отчасти в силу того, что ранее образованные глаголы сохранили ее без изменения, отчасти потому, что глагольные новообразования усвоили такое ударение по аналогии с уже существующими. Правда, это фонетическое правило начало уже несколько ослабевать, о чем свидетельствует унификация ударения в некоторых старых существительных и глаголах (например, *да.* 'andswaru 'ответ' и *and'swarian* 'отвечать' > *са.* 'answer и *to 'answer*). Что касается глаголов, заимствованных из латинского и французского языков, то в среднеанглийский период они также имели ударение на слоге, следующем за начальным, тогда как в существительных ударение закономерно передвигалось на первый слог. Возможно, что такая акцентуация заимствованных глаголов была обусловлена тем, что они часто имели неударный суффикс *-en* в абсолютном конце, а отчасти объясняется воздействием существующего в английском языке образца*.

* См. А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 60 и сл.; М. Калюза. Historische Grammatik der englischen Sprache. T. I. Brl., 1900, стр. 80—83; T. II, Brl., 1901, стр. 9—11; R. Jordan. Handbuch der mittellenglischen Grammatik. Heidelberg, 1925, стр. 38—39; O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. I, Heidelberg, 1909, стр. 173—175.

Но какова бы ни была причина такой дифференциации ударения, нельзя не обратить внимания на тот несомненный факт, что само по себе ударение никогда не выступало в качестве самостоятельного и основного словообразовательного средства, всегда являясь лишь сопутствующим обстоятельством при создании или заимствовании слова. Возьмем несколько примеров. Во многих случаях мы имеем дело просто с заимствованием существительных и глаголов, или прилагательных и глаголов, или существительных и прилагательных с одинаковой основой, причем иногда далеко не одновременным. Например, существительное 'August (*лат.* *augustus* 'август') заимствовано в XI в., а прилагательное *au'gust* — в XVII в. (вероятно, через французский язык, с сохранением типичного французского ударения на последнем слоге, что, как известно, характерно для поздних заимствований из французского — примерно с XVII в.). Подобную же дифференциацию ударения, последовавшую вскоре после момента второго заимствования или непосредственно в момент заимствования, мы наблюдаем в глаголах *to aug'ment*, *to compli'ment*, *to fre'quent*, *to pro'test*, *to pre'sent*, в существительных 'compound, 'contrast, 'essay, 'torment. В других случаях перед нами факт конверсии заимствованного имени в глагол, сопровождаемый сдвигом ударения на конечный слог, по видимому, по аналогии с распространенными в языке случаями дифференцированного ударения в словах с тождественной основой. Например, прилагательное *ab'ject* (*лат.* *abjectus* 'низкий', 'жалкий') появилось в английском языке в XV в. и имело первоначально ударение на втором слоге; приблизительно спустя полстолетия от него был образован путем конверсии глагол с ударением на том же слоге, а позже в прилагательном ударение переместилось на первый слог. Таким же продуктом конверсии являются, например, глаголы *to abstract* (XVI в., от прилагательного XIV в.), *to concert* (XVII в., от существительного XVI в.), *to conflict* (XV в.), *to digest* (XVI в.), *to experiment* (XV в., от существительного XIV в.), *to extract* (XVI в.), *to progress* (XVI в., от существительного XV в.), *to object* (XV в., от существительного XIV в.), *to ornament* (XVIII в., от существительного XIII в.) и существительные *export* (XVII в., от глагола

XV в.), impress (XVI в., от глагола XIV в.), insult (XVII в., от глагола XVI в.).

Таким образом, сдвиг ударения не является главным элементом в механизме словособразования, а лишь сопутствующим ему явлением, вызванным, как уже упоминалось выше, либо фонетическими причинами, либо воздействием аналогии. Косвенным подтверждением этому служит различие в позиции ударения в словах с одной и той же производящей основой, но представляющих различные части речи, ср. 'colony — co'lonial, 'origin — o'riginal, 'industry — in'dustrial и т. п. Поэтому нельзя не признать, что Есперсен прав, проявляя осторожность и называя чередование ударения не способом словообразования, а «очень важным средством дифференциации существительных и глаголов»*. Во всяком случае, нет оснований причислять его к способам словообразования наравне с аффиксальным словообразованием, конверсией и прочими. Повидимому, это явление, лишь сопутствующее словообразованию, и только как таковое может быть отнесено к области словообразования (так же, как, например, различие в звонкости конечных гласных в существительных и глаголах с одинаковой основой, например, use [ju:s] и to use [ju:z] и т. п.).

Итак, на протяжении целого ряда столетий, в пределах которых мы можем проследить развитие английского языка, мы видим, какими средствами словарный состав этого языка осуществляет свою задачу — задачу реализовать и регистрировать в словах успехи познавательной работы людей, изменения в их общественно-трудовой практике. Словообразование совершалось и совершается в английском языке весьма различными путями. Общим для этих путей является, во-первых, то, что во всех случаях словарный состав языка развивается и разворачивается, так сказать, из самого себя, из своего собственного лексического и морфологического материала; и, во-вторых, то, что при этом происходит новая комбинация, структурная перестройка языкового материала, совершающаяся в соответствии с морфологическими нормами данного языка. Ни один из рассмотренных способов словопроизводства не привнесен в анг-

* O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. P. VI, G. Allen-Unwin, I, стр. 196.

лийский язык извне, из какого-либо другого языка; заимствованные аффиксы действуют в английском языке в строгом соответствии с его морфологическими нормами и потребностями.

Однако наличествующий словарный материал используется для выражения вновь возникающих или почему-либо нуждающихся в новом языковом оформлении понятий не только по линии создания новых слов, но очень часто лишь в порядке создания новых значений в уже существующем слове. Этот процесс, называемый обычно *п е р е о с м ы с л е н и е м с л о в*, нельзя считать одним из способов словообразования именно потому, что новых слов он фактически не создает (может быть, как мы уже упоминали, за исключением случаев образования омонимов в результате распада полисемии слова, да и то возникновение омонимов есть естественный исторический результат, а не цель переосмысления). При переосмыслении слова для называния иного предмета или явления используется существующее слово как таковое, без какого-либо изменения его формы. Например, существительное *соге* 'сердцевина', 'ядро' (*ст-фр.* *соге*; *лат.* *сог* 'сердце') было применено в электротехнике для обозначения 'стержня катушки' 'сердечника'; существительное *fish* 'рыба' с развитием радиотехники приобрело также значение 'груз на конце выпускной антенны'. Перенос названия с предмета на предмет обуславливается наличием каких-либо общих для обоих предметов признаков или каких-либо причинно-следственных материальных связей между ними. В приведенных примерах налицо общность признака положения по отношению к целому — между сердцевинной и электротехническим сердечником, между рыбой, находящейся на конце удочки, и грузом, привешиваемым на конец антенного провода. В таких словах как *iron* — 'железо' и *an iron* 'утюг', *otter* — 'выдра' и 'мех выдры' и т. п. — мы наталкиваемся уже не на наличие общего признака в обоих обозначаемых предметах, а на существование реальных связей между ними, какие имеются между материалом и изделием или между целым и его частью. В силу этих основных закономерностей переноса названия многие имена собственные превращаются в нарицательные. Ср. *Cheviot hills* (горы в Шотландии) > *cheviot* 'шевиот', род шерстяной ткани (первоначаль-

начально из шерсти шевииотских овец); Chippendale — мебельный мастер XVIII в. и 'чиппендейл', стиль английской мебели XVIII в.; China — Китай и china 'фарфор'. В этих и подобных им случаях имя собственное — географическое название или имя изобретателя, автора, мастера — употребляется для наименования изделия, производимого в данной местности или данным лицом. Собственное имя может превратиться в нарицательное при перенесении его с основного его носителя на другое лицо, отличающееся какой-либо общей с ним характерной чертой, ср. Quisling — презрительная кличка предателя родины, коллаборациониста, от фамилии Квислинга, главы норвежского правительства, сотрудничавшего с фашистскими захватчиками в период оккупации ими Норвегии. При пересмыслении мы можем встретиться с двумя видами случаев: с изменением значения, сопровождаемым впоследствии полной утратой прежнего значения слова, и с постепенным накоплением новых значений в слове, не сопровождаемым утратой старых значений. Первый тип случаев может быть проиллюстрирован историей прилагательного *sad*. В древнеанглийском языке это прилагательное означало 'сытый', затем оно стало означать 'удовлетворенный', 'успокоенный', 'спокойный', позже 'серьезный', впоследствии 'тяжелый на подъем' (в Йоркшире до сих пор *sad bread* значит 'тяжелый, непропеченный хлеб', 'хлеб с закалом'), и, наконец, 'грустный'. Таким образом, в этом слове обнаруживается целая цепочка сменявших друг друга значений. Второй тип случаев мы обнаруживаем в любом слове, имеющем в настоящее время несколько значений, т. е. в любом полисемантическом слове, каких в английском языке огромное количество. Достаточно бегло перелистать любой словарь современного английского языка, чтобы убедиться в том, как много в нем многозначных слов, слов, обладающих двумя, тремя, а иногда и целым десятком значений. Отсюда ясно, какую роль в обогащении словарного состава английского языка на всех этапах его развития играет переосмысление слов. Не являясь словообразовательным процессом в строгом смысле этого слова, переосмысление имеет общую черту со всеми выше перечисленными способами словопроизводства. Оно также использует наличествующий языковой материал для реализации вновь возникающих понятий.

Даже беглый и поверхностный взгляд на процессы слово-производства и переосмысления слов в английском языке дает основание не соглашаться с теми лексикологами, которые, обсуждая вопросы словарного состава английского языка, все свое внимание направляют на процесс заимствования слов из других языков и оценивают его как ведущее средство обогащения словарного состава этого языка. История английского народа, действительно, сложилась таким образом, что его язык в ходе своего развития впитал в себя большое количество иноязычных лексических заимствований. Однако этот источник пополнения английской лексики не только не является единственным, но его нельзя признать и ведущим. Это становится ясно, если подходить к иноязычным заимствованиям аналитически, т. е. учитывать их удельный вес в языке, их характер, сферу употребления. Прежде чем заняться этим вопросом, необходимо представить себе те источники, из которых в английский язык притекали и притекают иноязычные заимствования.

Глава II

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Современный английский национальный литературный язык представляет собой результат развития языков или диалектов германских (ингевонских) племен, некогда бытовавших на территории Британии. Эти племена переселились с материка на Британские острова в V—VI вв. В процессе разложения общинно-родового строя племенные языки превратились в территориальные диалекты единого языка английской народности и впоследствии легли в основу общенационального английского языка. Процесс перемалывания территориальных диалектов английского языка в единый национальный язык в эпоху становления капитализма и образования английской нации (примерно начиная с XIV в.) значительно более подробно исследован с грамматической и фонетической стороны, нежели с собственно лексической. В среднеанглийский период существовало пять основных территориальных диалектов, зафиксированных в целом ряде письменных памятников: северный, восточно-центральный, западно-центральный, юго-западный и кентский (юго-восточный). Каждый из них характеризовался своими особыми грамматическими и фонетическими чертами. Диалекты, в свою очередь, дробились на более мелкие говоры, и между ними всеми обнаруживается ряд общих или промежуточных явлений, сводимых в определенные, причудливо переплетающиеся изоглоссы. В основу национального английского языка лег лондонский диалект, в котором совмещаются особенности восточно-центрального и юго-западного диалектов. Тот факт, что именно лондонский диалект стал основой национального английского языка, находит свое историческое объяснение

в государственном и общественном значении Лондона как административного, политического, торгового и культурного центра Англии в эпоху становления английской нации и консолидации английской государственности. Через каналы официальной документации, правительственных указов, печатных изданий художественной литературы лондонское наречие распространялось по стране, завоевывая положение языкового образца (Standard English), постепенно приобретая значение общенационального средства общения. Этот процесс совершался медленно, постепенно, естественным путем, под давлением исторически сложившихся обстоятельств; победа лондонского диалекта над другими в ходе развития единого общенационального языка не является результатом насильственного навязывания данного диалекта народу в качестве общеобязательного языкового стандарта. Мирный характер формирования общенародной языковой нормы справедливо отмечает китайский лингвист Шао Жун-фэнь, рассматривая проблему превращения общеразговорной нормы китайского языка, так называемого «путунхуа», в единый национальный китайский язык после национального освобождения Китая*.

Однако общенациональный английский язык не тождествен лондонскому наречию; последнее послужило лишь основой для его сложения, т. е. тем лексическим, фонетическим и грамматическим материалом, который занимает преобладающее место в грамматической, лексической и звуковой сторонах национального английского языка. Но кроме значительного количества элементов лондонского диалекта общенациональный язык воспринял некоторые грамматические формы, фонетические особенности и слова и из других диалектов, главным образом, из кентского и северного. Фонетическая норма кентского и северного диалектов сказалась на звуковой форме ряда слов, вошедших в общенациональный язык. Остановимся на некоторых примерах.

Известно, что древнеанглийский гласный *y* имел неодинаковое фонетическое развитие в различных диалектах среднеанглийского периода. Так, в северном и восточно-

* Шао Жун-фэнь. Процесс формирования единого национального языка (и о фонетическом письме для диалектов). «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 87.

центральных диалектах он переходил в *i*, в юго-западном и западно-центральном он довольно долго сохранял свое качество переднеязычного узкого лабиализованного гласного, а затем перешел в *u*; в кентском диалекте он отразился в виде звука *e*. Подавляющее большинство слов, содержащих в древнеанглийский период звук *u* под ударением, в современном литературном английском языке имеет соответственно звук *i* (перед *г* звук *i* > [э]; долгое *i* > дифтонг [aɪ]), что отвечает восточно-центральной звуковой норме, ср. *bridge* (*да.* *brycge* 'мост'), *bird* (*да.* *brydd* 'птенец'), *fire* (*да.* *fȳr* 'огонь'), *to kiss* (*да.* *cyssan* 'целовать'), *kirtle* (*да.* *cyrtel* 'платье', 'камзол'), *to dip* (*да.* *dyppan* 'погружаться'), *hide* (*да.* *hȳd* 'шкура', 'кожа'), *to listen* (*да.* *hlýstan* 'слушать'), *mind* (*да.* *ze-mynd* 'мысль', 'память'), *sin* (*да.* *syn* 'вина'), *to think* (*да.* *þyncan* 'казаться', ср. *þencan* 'думать') и т. п. Однако наряду с этой преобладающей нормой в общенациональном языке встречаются также и очевидные кентизмы, в которых древнеанглийское *u* отражается как *e*, ср., например, *hemlock* (*да.* *hymlice* 'болиголов'), *left* (*да.* *lyft* 'слабый'), *kernel* (*да.* *cyrnel* 'ядрышко'), *to knell* (*да.* *snyllan* 'звонить'), *meggy* (*да.* *myrge*, *myrge* 'приятный', 'веселый'), *stern* (*да.* *styrne* 'суровый') и т. д. Иногда в общенациональном языке можно встретить диалектальные дублеты, т. е. диалектальные фонетические варианты одного и того же слова (обычно подвергшиеся семантическому расхождению), ср. *кентск.* *dent* 'выбоина', 'вмятина', *вост-центр.* *dint* 'удар' (оба из *да.* *dynt* 'удар'); *сев.* *raid* 'набег', *вост-центр.* *road* 'дорога' (оба из *да.* *gād* 'путешествие'). Имеют место также случаи несколько иного вида, хотя и в них находит свое отражение процесс перемалывания местных диалектов в единый национальный язык: некоторые слова по своему реальному звуковому составу соответствуют фонетической норме одного диалекта, но в своей орфографии отражают фонетическую норму другого диалекта. Например, в глаголе *to bury* (*да.* *buri-gean* 'погребать', 'покрывать') корневой гласный [e] обязан кентскому фонетическому развитию звука [y], а написание его через графему *u* показывает, что некогда этот глагол произносился в соответствии с западно-центральной произносительной нормой. Ср. также *busy* (реальный звук — восточно-центральный, буква фикси-

рует западно-центральное произношение), to buy, to build и т. д.

Придерживаясь все того же признака диалектальных различий в развитии гласного у, мы можем отметить, что из юго-западного и западно-центрального диалекта вошли в национальный английский язык такие, например, слова, как to bruise (*да.* brysan 'ломать'), burden (*да.* byrden 'бремя'), much (*да.* mycel 'большой'), such (*да.* swylc 'такой'), sundry (*да.* syndriȝ 'отдельный', 'различный') и т. д.

Разумеется, различия в историческом развитии гласного у не являются единственным критерием определения лексических привнесений из диалектов в национальный английский язык. Целый ряд других фонетических расхождений между диалектами позволяет без труда опознавать лексические элементы, вошедшие в общенациональный язык не через лондонский, а через тот или иной периферийный диалект. Например, существительные vixen и vat явно обнаруживают юго-западное происхождение, так как именно для юго-западного диалекта (в частности, говора графства Соммерсетшир) характерно озвончение некоторых глухих щелевых — [f] и [s] в начале слова (*да.* fuxen 'лисица', fæt 'чан'). Северный диалект не знал перехода гласного а в о перед носовыми; поэтому тот факт, что из диалектальных форм land, lond — strand, strond одержала верх форма land, strand следует отнести за счет влияния северного диалекта; наоборот, победа форм long, strong, song и т. п. над соответствующими формами lang, strang, sang является свидетельством участия диалектов юга и центра в сложении словарного состава национального языка. Влияние звуковой нормы северного диалекта обусловило сохранение взрывных [g] и [k] перед узкими гласными в целом ряде слов (ср. to get, to give, to gild), тогда как в остальных диалектах эти согласные в таком положении подвергались палатализации, в результате которой [g] > [j], а [c] > [tʃ], ср. to yield (*да.* gyldan 'отплачивать', 'вознаграждать'), yet (*да.* zyt, zet 'еще', 'все же', 'далее'), chicken (*да.* cīcen 'птенец'), cheese (*да.* cūse 'сыр') и т. п. Здесь мы также встречаемся иногда с дублетными формами одного и того же корня в пределах словарного состава общенационального языка, примером чего могут служить глаголы to beseech

(восточно-центральная форма с префиксом *be-*) и *to seek* (северная форма), которые оба восходят к древнеанглийскому глаголу *sēcan* 'искать', 'посещать' (*ср. сев. seken, вост.-центр. sechen*)*.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, вклад территориальных диалектов в словарный состав общенационального английского языка выясняется только на основании фонетических отклонений диалектальных форм от лондонского языкового стандарта. В случаях же звукового тождества тех или иных разнодиалектных лексических единиц оказывается затруднительным определить, в каком именно диалекте впервые возникло то новобразование, которое вошло в общенациональный словарный состав в эпоху формирования единого национального языка. Таким образом, роль местных диалектов, имеющих распространение за пределами области Лондона, в английском словообразовании остается невыясненной. Более ясно участие этих диалектов в ассимиляции целого ряда иноязычных лексических заимствований. Так, например, некоторые кельтизмы вошли в общенародное употребление через западно-центральный и северный диалекты, многие из скандинавизмов — через северный диалект, подавляющее большинство французских заимствований — через лондонский диалект**.

Обогащение национального литературного языка за счет диалектального лексического материала не прекращается и в новое время. Такие слова, как *freak*, *fun*, *shunt*, *trolley*, *fluke* пришли в язык из территориальных диалектов*** и стали общеупотребимыми в период от XVII по XIX в.

* См. W. W. Skeat. *English Dialects from the Eighth Century to the Present Day*. Cambridge, 1912; R. Huchon. *Histoire de la langue anglaise*. V. II, Librairie Armand Colin, Paris; T. R. Lounsbury. *History of the English Language*. L., 1906, стр. 115 и сл.; A. C. Baulg. *A History of the English Language*. D. Appleton-Century Company Incorporated, N.Y.—L., стр. 233—240; H. C. Wyld. *A History of Modern Colloquial English*. Ch. III, B. Blackwell, Oxf.

** См. по этому поводу W. W. Skeat. *English Dialects from the Eighth Century to the Present Day*. Cambridge, 1912, стр. 83.

*** B. Groom. *A Short History of English Words*. MacMillan and Co., L., 1934, стр. 78.

Рассмотрение английского словаря показывает, что преобладающее значение в сложении словарного состава современного английского языка имели лексические элементы, восходящие к древнейшей общегерманской и общеевропейской языковой общности, а также лексические элементы, представляющие собой результат английского словопроизводства. Однако эти источники не являются единственными источниками обогащения и развития английского словарного состава. Действительно, мы знаем, что в словарный состав современного английского языка входят лексические заимствования из других языков. Каковы же эти иноязычные источники, из которых протекал лексический материал в словарный состав английского языка?

Обычно стмечается, что важнейшими из этих источников явились латинский, французский и скандинавский языки. Некоторая часть слов из этих языков была настолько ассимилирована английским языком, что даже проникла в основное лексическое ядро, но значительно большее их количество находится за пределами последнего. Остановимся на роли этих языков в сложении английского словарного состава несколько подробнее.

Первым по времени языком, пришедшим в соприкосновение с английским, был латинский язык. Некоторые латинские слова вошли в словарный состав языков германских племен — англов, саксов, ютов и фризов — повидимому, еще до переселения последних в Британию. Их усвоение было обусловлено торговым и военным контактом этих племен с римлянами. Слова эти являются обозначениями некоторых предметов потребления и материальной культуры. Таковы: pear (*да.* pere; *лат.* pīrum 'груша'), pea (*да.* pise; *лат.* pisum 'горох'), pepper (*да.* pīpor; *лат.* piper 'перец'), cheese (*да.* cīese; *лат.* cāseus 'сыр'), plum (*да.* plūme; *лат.* prunus 'слива'), butter (*да.* butere; *лат.* butyrum 'масло'), wine (*да.* wīn; *лат.* vinum 'вино'), kettle (*да.* cytel; *лат.* catillus 'котелок'), cup (*да.* cuppe; *лат.* cuppa 'чашка'), dish (*да.* disc; *лат.* discus 'диск', 'блюдо'), line (*да.* līne 'веревка'; *лат.* līnea 'шнур', 'линия'), mortar (*да.* mortere; *лат.* mortārium 'ступа'), chalk (*да.* cealc; *лат.* calx 'известняк', 'мел'), copper (*да.* sorog; *лат.* cuprum 'медь'), pitch (*да.* pic; *лат.* pix 'смола'); mule (*да.* mūl; *лат.* му-

lus 'мул') и другие*. Ряд слов связан с торговлей, например, *shear* (да. *sēar*, 'цена', 'сделка'; лат. *sauropa* 'виноторговля', 'таверна'), *round* (да. *rund*; лат. *pondō* 'вес'), *inch* (да. *unse*; лат. *uncia* '1/12 часть') и другие. Соображение относительно заимствования этих слов до переселения германских племен на остров основывается на двух косвенных и, как нам представляется, довольно убедительных доказательствах. Во-первых, на сопоставлении согласных в исходном и заимствованном словах; это сопоставление показывает, что соответствующие слова в германских языках не подвергались так называемому I перебою согласных и, следовательно, на самом деле являются заимствованиями, а не элементами, восходящими к индоевропейской общности языков. Во-вторых, на наличии этих же латинских заимствований в других языках континентальных германских племен. Нельзя допустить, что эти слова, будучи заимствованы германскими племенными языками на материке, позднее были заимствованы из этих языков теми германцами, которые уже переселились на остров. Допустить это невозможно потому, что между континентальными и островными германцами фактически не было никаких связей в течение нескольких столетий.

Как известно, германские племена англов, саксов, ютов и фризов в V в. осуществили захват большей части территории Британии, населенной кельтскими племенами. До вторжения германцев Британия около четырех столетий находилась под владычеством Римской империи. Однако не менее чем за 30—35 лет до появления германских завоевателей римские легионы были отозваны из Британии для защиты Рима от натиска готских полчищ. Поэтому основной массы римских колонизаторов в Британии уже не было, когда ее захватили германцы, хотя нужно думать, что кое-какое римское население там все-таки оставалось — это могли быть отслужившие свой срок легионеры, получившие причитающийся им земельный надел и занимающиеся там хозяйством, семьи воинов, ушедших на материк для борьбы с готами и т. п. Но следы лексического

* Здесь и далее в качестве примеров даются только те заимствованные слова, которые сохранились в словарном составе английского языка до нашего времени.

влияния латинского языка остались в языке основного кельтского населения Британии. Повидимому, именно через его посредство в язык англосаксонских пришельцев проникли латинские слова. Таковы, например, *kitchen* (да. *cysene*; лат. *coquina* 'кухня'), *mill* (да. *myln*; лат. *molina* 'мельница'), *port* (да. *port*; лат. *portus* 'гавань'), *street* (да. *stræt*; лат. *via strata* 'мощеная дорога'), *wall* (да. *weall*; лат. *vallum* 'вал', 'стена'). Многие из латинских заимствований этой эпохи не дошли до наших дней, некоторые сохранились лишь в составе географических названий, как например, *Chester*, *Colchester*, *Manchester*, *Lancaster*, *Gloucester*, *Worcester* (да. *ceaster*; лат. *castra* 'лагерь'); *Fossway*, *Fossbrook* (лат. *fossa* 'пов'); *Lincoln*, *Colchester* (лат. *colonia* 'колония'); *Greenwich*, *Harwich* (да. *wic* 'селение'; лат. *vicus* 'селение').

В конце VI в. началась так называемая христианизация Британии, т. е. распространение христианской религии среди ее населения в результате стремления папской власти подчинить себе эту богатую новую область. В эту эпоху, как и в течение многих столетий после этого вплоть до нашего времени, латинский язык был общепринятым языком католической церкви. Поэтому распространение христианства в Британии создало новые условия для соприкосновения между древнеанглийским и латинским языком. Это была не та народная латынь, из которой ранее английский язык воспринял известное количество слов; это был церковный язык, насыщенный в значительной степени греческими словами, выражающими понятия религиозно-культового характера. Из дошедших до современности слов этой группы можно назвать, например, такие как *abbot* (да. *abbod*; поздн-лат. *abbās* < греч. *abbās* 'отец', 'аббат'), *alms* (да. *ælmesse*; лат. *eleēmosyna* < греч. *eleēmosynē* 'сострадание'), *altar* (да. *altar*; лат. *altāria* 'алтарь'), *angel* (да. *angel*, *engel*; поздн-лат. *angelus* 'ангел' < греч. *aggelōs* 'вестник'), *anthem* (да. *antefen*; поздн-лат. *antiphona* < греч. *antiphona* 'гимн'), *ark* (да. *earc*; лат. *arca* 'ящик', 'ковчег'), *apostle* (да. *apostol*; лат. *apostolus* 'апостол' < греч. *apōstolos* 'посланный'), *bishop* (да. *biscop*; лат. *episcopus* 'епископ' < греч. *episcopos* 'надзиратель'; впрочем, по мнению некоторых, это слово было заимствовано германскими племенами еще на материке), *candle* (да. *can-*

del; *лат.* *candela* 'свеча'), *cowl* 'ряса', 'капюшон' (*да.* *cuhle, cuzle*; *поздн-лат.* *cuculla* 'капюшон'), *disciple* (*да.* *discipul*; *лат.* *discipulus* 'ученик'), *devil* (*да.* *deofol*; *лат.* *diabolus* 'дьявол' < *греч.* *diābolos* 'клеветник', впоследствии 'дьявол'), *martyr* (*да.* *martyr*; *лат.* *martyr* 'мученик' < *греч.* *mārtur* 'свидетель'), *mass* (*да.* *mæsse* 'обедня'; *лат.* *missa*, *перф. прич.* от *гл.* *mitto* 'посылать'), *monk* (*да.* *munic*; *лат.* *monachus*; *греч.* *monachōs* 'монах'), *master* (*да.* *māzister*; *лат.* *magister* 'учитель'), *nun* (*да.* *nunne*; *поздн-лат.* *nonna* 'монахиня'), *pall* (*да.* *ræll, pell*; *лат.* *pallium* 'плащ', 'покрыв'), *palm* (*да.* *palm*; *лат.* *palma* 'пальма'), *pore* (*да.* *rāra*; *поздн-лат.* *rāra*; *греч.* *pāras* 'отец', 'папа римский'), *priest* (*да.* *prēost*; *лат.* *presbyter*; *греч.* *presbūterōs* 'старейшина'), *shrine* (*да.* *scrīn*; *лат.* *scripium* 'ящик'), *temple* (*да.* *tempel*; *лат.* *templum* 'храм'). Интересно отметить, что целый ряд таких «церковных» латинских заимствований с течением времени подвергся переосмыслению, совершенно оторвавшему их от первоначальной понятийной сферы. Например, слово *clerk* (*лат.* *clericus*; *греч.* *klērikōs* 'принадлежащий к духовному ордену'), как известно, ныне означающее 'конторский служащий', в древнеанглийском значило 'духовное лицо' (*да.* *clerec*); изменение значения произошло потому, что в древности обязанности писца исполнялись обычно низшими церковными служителями. *Noon* 'полдень' в древнеанглийском означало 'девятый час', что по тогдашнему времяисчислению соответствовало трем часам дня; это был час, в который начиналось богослужение в монастырях; впоследствии, по причине изменения времени богослужения изменилось и значение данного слова, в наши дни потерявшего вообще всякую связь с церковным обиходом (*да.* *pōn-tīd* 'время девятого часа'; *лат.* *pōna hōga* 'девятый час', *pōnes* 'церковная служба, совершаемая в девятый час'). Глагол *to offer* 'предлагать' в древнеанглийском первоначально значил 'совершать жертвоприношение' (*да.* *offrian*; *лат.* *offĕro* 'представлять', 'предлагать'), *rule* 'правило', 'правление' значило 'монастырский свод правил' (*да.* *gezol*; *лат.* *regŭla* 'правило') и т. п.

Кроме слов церковно-религиозного характера в древнеанглийский период вошло довольно много латинских слов, относящихся к другим сферам понятий, например, названия

некоторых предметов повседневного обихода: cap (*да.* capre; *лат.* capra 'головной убор'), chest (*да.* cest, cyst; *лат.* cista 'ящик'), mat (*да.* meatte; *лат.* matta 'цыновка'), purple (*да.* purpure; *лат.* purpura; *греч.* porphūra 'пурпур'), silk (*да.* seolc, seoluc; *лат.* sericum 'шелк'); названия многих овощей и растений, очевидно введенных в кулинарную или лечебную практику римскими монахами и миссионерами, например, beet (*да.* bete; *лат.* beta 'свекла'), celandine (*да.* celeponie; *лат.* chelidonium 'чистотел' < *греч.* chelidōnion), chevril (*да.* cerfille; *лат.* careifolium 'кервель'), cole (*да.* caul; *лат.* caulis 'кочерыжка'), coriander (*да.* celendre; *лат.* coriandrum 'кишнец'; современная форма была латинизирована позднее), fennel (*да.* finuzle; *лат.* foeniculum 'укроп'), lily (*да.* lilie; *лат.* lilium 'лилия'), mint (*да.* minte; *лат.* mentha 'мята'), mallow (*да.* mealwe; *лат.* malva 'мальва'), periwinkle (*да.* perwince; *лат.* pervinca 'барвинок'), parsley (*да.* petersilize; *лат.* petroselinum 'петрушка'), rose (*да.* rose; *лат.* rosa 'роза') и некоторые другие, как например, общее название plant (*да.* plante; *лат.* planta 'растение', вначале, видимо, 'посаженное человеком'). В первые же века после введения в Британии христианства монастыри стали не только проводниками новой религии и политического влияния папской власти, но также центрами литературной и научной жизни древнеанглийского общества. В них велась большая работа по написанию летописей, по созданию истории Британии, по составлению сборников древнеанглийской поэзии, учебников, грамматик и глоссариев латинского языка, по переводу научных и богословских произведений с латинского языка на английский. Вся эта работа не могла не отразиться на словарном составе древнеанглийского языка, куда проникают такие слова, как school (*да.* scōl; *лат.* schola < *греч.* skholē 'досуг', впоследствии 'школа', 'занятия'), verse (*да.* fers 'приговор', 'стих'; *лат.* versus 'оборот', 'строка', 'стих'), fan (*да.* fann; *лат.* vannus 'веялка'), fever (*да.* fefer; *лат.* febris 'лихорадка'), circle (*да.* circol; *лат.* circulus 'кружок') и т. п. По тем или иным причинам большая часть латинских глаголов и прилагательных, бытовавших в древнеанглийском языке, не сохранилась до нашего времени, как и многие существительные; те же, которые сохранились, приобрели самое широкое

употребление (см. гл. III). По подсчетам английского лингвиста А. Бо в упомянутую эпоху в древнеанглийский язык вошло приблизительно 450 латинских слов, не считая собственных имен и английских производных от латинских корней. Правда, многие из них были научными терминами и остались чужеродными элементами в английской письменности того времени*.

С этой эпохи устанавливается латинская языковая традиция не только в церкви, но и в области науки, школы, отчасти административного управления. На протяжении многих столетий латинский язык используется в качестве функционального языка этих участков общественной деятельности, причем не только в форме письменной, но и в форме устной. В средние века и вплоть до эпохи Возрождения латинский язык, применявшийся учеными, богословами, врачами и т. п., представлял собой своеобразный продукт несколько искусственного развития поздней латыни и существенным образом отличался от классической латыни античных авторов. Однако возникший в эпоху Возрождения интерес к античной древности, к литературе и искусству древнего Рима, послужил стимулом к введению в языковой обиход настоящей классической латыни. Широкое применение латинского языка было характерно не только для Англии, но и для всей католической Западной Европы в течение приблизительно полутора тысяч лет. Поэтому обилие латинских заимствований не составляет исключительной черты английского словарного состава. Такое же явление мы наблюдаем и в других языках Европы, где оно объясняется теми же причинами, что и в английском языке.

Именно поэтому, начиная с XII в., становится подчас затруднительно определить, является ли данное латинское слово в английском языке непосредственно заимствованным из самого латинского языка или оно попало в английский язык через посредство какого-либо другого языка — преимущественно французского. Многие из латинских заимствований принадлежат к так называемой интернациональной лексике, т. е. повторяются в языках многих

* A. C. B a u g h. A History of the English Language. D. Appleton-Century Company Incorporated. N.Y.—L., стр. 110.

народов, объединенных между собой общими чертами культурного и общественного развития.

Еще в XVII в. научные трактаты в большинстве случаев писались на латинском языке. Появлявшиеся позднее английские переводы этих трактатов изобиловали латинизмами либо по причине трудности адекватной передачи авторской мысли на английском языке, либо, чаще, благодаря стремлению переводчика сохранить научный стиль изложения, который в его сознании связывался с латинской традицией. Поэтому входившие в словарный состав английского языка латинизмы очень часто вступали в синонимические отношения с соответствующими английскими словами. Латинские заимствования среднеанглийского и ранненовоанглийского периода представляют собой главным образом абстрактные существительные и слова научного обихода. Многие из них в настоящее время совершенно вышли из употребления, но число сохранившихся в словарном составе английского языка латинизмов XIII—XVIII вв. до сих пор так велико, что приводить их здесь невозможно. Например, назовем такие существительные: *admonition, ablution, acid, act, beatitude, benediction, caption, cassation, censure, conception, collision, consent, defect, dial, effect, emolument, election, fate, formula, fraction, idea, imitation, illusion, lapse, locution, magnanimity, margin, medium, meditation, memory, militia, necessity, salvation, torture, use, vehicle, velocity, vicar, vortex*; глаголы: *to abhor, to abnegate, to absolve, to acquiesce, to add, to addict, to adopt, to castigate, to celebrate, to describe, to collect, to collide, to comprehend, to convince, to decorate, to deliberate, to despond, to discriminate, to emerge, to elect, to elevate, to expel, to frustrate, to illuminate, to litigate, to neglect, to salute, to tolerate*; прилагательные: *abject, absent, absolute, accurate, beneficial, deficient, desolate, direct, efficient, equal, fatal, finite, future, humane, igneous, illiterate, immediate, immaculate, jovial, juridical, latent, literary, lunar, major, malignant, manual, neutral, solar, torpid, turbid, vernacular, voluptuous*. Относительно этих слов можно почти с полной уверенностью утверждать, что они пришли в английский язык прямо и непосредственно из латинского, минуя, так сказать, французский язык. Основание для такого суждения мы находим

в том, что некоторых из этих слов во французском языке нет и не было, другие же были заимствованы французским языком позже по времени, чем английским.

Лексическое влияние письменного латинского языка в эпоху Возрождения было так сильно, что в ряде случаев слова, заимствованные из французского языка, были позднее латинизированы. Иногда воздействие латинского образца отражалось только на орфографии, например, *debt* сохранило звуковой состав французского оригинала *dette*, но приобрело вставное *b* в результате этимологических сопоставлений с генетически исходным латинским *debitum* 'должное', ср. *doubt* (*фр.* *doute*; *лат.* *dubito* 'сомневаться'); иногда этимологические «поправки» изменяют самый звуковой состав латинизированного слова, например, *adventure* (*ср.-фр.* *aventure*; *ср.* *aventure*), *bankrupt* (*фр.* *banqueroute*; *итал.* *banca rotta*, букв. 'сломанная скамья'; в последнем компоненте была восстановлена его латинская форма *rupt*-).

Латинская традиция в известной степени продолжает давать себя чувствовать в английском языке и в XIX в. и в XX в., правда, почти исключительно в терминологической сфере, например, *detection*, *to emit*, *oscillation*, *optimum*, *quantum*, *ratio* и т. д. и т. п.

Форма, в которой заимствуются латинские слова, может быть очень разнообразной. Известная часть латинских заимствований среднеанглийского и ранненовоанглийского периода состоит из так называемых «полных» заимствований, точно сохраняющих свою, присущую им в родном языке форму (конечно, с фонологической перестройкой звукового состава). Таковы, например, *alibi*, *bonus*, *dictum*, *folio*, *formula*, *minimum*, *memorandum*, *stimulus*, *superior* и т. п. Однако чаще всего латинские слова при вхождении их в английский язык подвергаются известному преобразованию. Так, глаголы усваиваются обычно в форме основы причастия прошедшего времени (ср. *to aggravate* < *лат.* *aggravat-us* 'ухудшенный', *to constitute* < *лат.* *constitut-us* 'составленный', *to collect* < *лат.* *collect-us* 'собранный'), некоторые же из них представлены в форме основы настоящего времени (ср. *to admit* < *лат.* *admitto* 'допускать', *to deduce* < *лат.* *deduco* 'делать вывод', *to impel* < *лат.* *impello* 'побуждать'). Прилагательные за-

частую заимствуются от латинских причастий настоящего времени в форме косвенного падежа (основа на *-ant-* или *-ent-*), так как это наиболее полная форма основы (ср. *arrogant* < *лат.* *arrogant-em* от *arrogans* 'вызывающий', *obedient* < *лат.* *obedient-em* от *obediens* 'послушный')*; некоторые из этих причастий подверглись субстантивации еще в латинском языке (ср. *accident* < *лат.* *accident-em* от *accidens* 'случай', *occident* < *лат.* *occident-em* от *occidens* 'запад') или в английском языке (ср. *patient* 'пациент' < *лат.* *patient-em* от *patiens* 'терпеливый', *прич. наст. вр.* от *гл.* *patior* 'терпеть', 'переносить'; *crescent* полумесяц < *лат.* *crescent-em* от *crescens* 'растущий', *прич. наст. вр.* от *гл.* *cresco* 'расти'). Большинство существительных заимствуется в форме основы существительного в косвенном падеже (например, *expectation* < *лат.* *expectation-em* от *expectatio* 'ожидание', *education* < *лат.* *education-em* от *educatio* 'воспитание'), хотя в ряде случаев, когда основа существительного в косвенном падеже в латинском склонении не отличается от основы именительного падежа, эта закономерность не имеет значения (ср. *allegory*, *лат.* *allegoria* 'иносказание' < *греч.* *allēgoria*; *genius*, *лат.* *genius* 'гений'; *testimony*, *лат.* *testimōnium* 'свидетельство' и т. д.).

Особой формой лексического влияния одного языка на другой является так называемое «калькирование» слов. В отличие от полных заимствований, т. е. от усвоения иноязычного слова в звуковой форме, присущей ему в родном для него языке, воспроизводимой с большей или меньшей степенью точности, калькирование представляет собой заимствование этимологической структуры (а не звуковой формы) иноязычного слова, реализуемой средствами заимствующего языка. Среди ранних латинских заимствований в английском языке, наряду с полными заимствованиями, встречается и некоторое количество слов-калек, большая часть которых, впрочем, не дошла до настоящего времени и была заменена латинскими или французскими эквивалентами. В словарном составе современного английского языка отмечаются такие слова-кальки из латинского,

* См. Б. А. Ильиш. История английского языка. Учпедгиз, 1938, стр. 152 и сл.

как *gospel* (*да. god-spell* 'евангелие', *букв.* 'благая весть', что точно воспроизводит этимологическую структуру *греч. euaggēlion* 'благая весть', вошедшего в древнеанглийский через посредство латинского языка), *heathen* (*да. hæðen* 'языческий', производное от *hæð* 'вересковая пустошь', 'поле', отражающее этимологическую структуру равнозначного латинского *paganus*, производного от *pagus* 'сельская местность'; эта этимологическая структура обычно объясняется тем, что христианская религия получила распространение сначала только среди городского населения, вследствие чего понятие 'сельский житель' в определенный исторический период совпадало с понятием 'не христианин').

Многие латинские заимствования в английском языке имеют греческое происхождение. Это слова, в свое время заимствованные латинским языком из греческого, а затем уже в латинизированной форме проникшие в словарный состав английского языка. Такие греко-латинские элементы встречаются в любом хронологическом слое латинских заимствований в английском языке. Из числа приведенных выше примеров назовем хотя бы *angel* (*лат. angelus* < *греч. aggelōs* 'посланец'), *anthem* (*лат. antiphona, греч. antiphona* 'гимн'), *apostle* (*лат. apostolus* < *греч. apōstolos* 'посланный'), *bishop* (*лат. episcopus* < *греч. episcopus* 'надзиратель'), *devil* (*лат. diabolus* < *греч. diābolos* 'дьявол'), *martyr* (*лат. martyr* < *греч. märtur* 'свидетель'), *idea* (*лат. idēa* < *греч. idēa* 'образ', 'представление'); к ним можно было бы добавить целый ряд других примеров, таких как *epic* (*лат. epīcus* 'эпический' < *греч. epikōs* от *epos* 'речь', 'повествование', 'песнь'), *comedy* (*лат. comoedia* < *греч. cōmōdia* 'комедия'), *lyre* (*лат. lūga* < *греч. lŭga* 'лютня', 'лира'), *scene* (*лат. scena* < *греч. skēnē* 'подмостки', 'навес'), *tragedy* (*лат. tragedia* < *греч. tragōdia* 'трагедия'), *zephyr* (*лат. zephŭrus* 'западный ветер' < *греч. zephyrus* 'западный ветер' от *zophos* 'запад') и т. д.

Для судьбы заимствованных слов в новом для них языке имеет определенное значение тот путь, которым они в этот язык проникли. Вообще говоря, могут быть два таких пути, во-первых, устный путь, т. е. проникновение иноязычных слов в данный язык благодаря более или менее систематическому живому общению двух разноязычных наро-

дов или усвоению иноязычных названий предметов материальной культуры, товаров и т. п., заимствуемых от другого народа; во-вторых, книжный путь, т. е. заимствование чужих слов из иноязычных текстов, что чаще всего бывает при попытках перевода этих текстов на родной язык. Было бы рискованно стремиться сформулировать в категорической форме какое-либо суждение относительно того, насколько судьба заимствованных слов в новом языке зависит от способа их проникновения в этот язык; здесь можно встретить много исключений из общего правила; но все-таки чаще всего именно передача слова из одного языка в другой в процессе непосредственного устного речевого общения способствует более органичной и прочной ассимиляции этого слова заимствующим языком. Если поставить вопрос, каким же путем притекали в английский язык латинские заимствования, то на него придется ответить так: обоими путями, т. е. и книжным и устным. Нельзя забывать, что латинский язык служил в качестве разговорного языка в известных кругах английского общества — среди ученых, духовенства, юристов, врачей и т. д. — еще спустя многие и многие столетия после того, как в своей старой форме он перестал быть языком какой-либо конкретной народности. Поэтому какая-то часть английских латинизмов переходила в широкое употребление со страниц ученых трактатов, официальных документов, художественной литературы, другая же часть просачивалась в английскую речь тех людей, которые по роду своих занятий часто пользовались латинским языком. Латинизмы со временем приобретали более широкое распространение. Это происходило потому, что они могли придавать высказыванию какие-то новые семантические или стилистические оттенки, тем самым обогащая английский язык и повышая его смысловую и выразительную гибкость. Иногда же латинизмы употреблялись в речи потому, что такова была в данный момент языковая мода (в определенных кругах общества). В этих случаях заимствования обычно оказывались балластом языка, оставались на положении лексических раритетов или просто недолго удерживались в словарном составе английского языка.

Вторым, довольно обильным, источником пополнения английского словарного состава явился древнесканди-

навский язык, известный более всего в форме древнеисландского языка, который зафиксирован в исландских литературных произведениях XII—XIV вв.

Скандинавские племена — норвежцы, датчане, шведы, населявшие Скандинавский полуостров и Данию, некогда были близкими соседями англов, саксов и ютов, живших до переселения в Британию на Ютландском полуострове и на побережье Северного моря к западу от Ютландии. Однако никаких следов языкового влияния скандинавов на их соседей не обнаруживается. Это влияние начинается значительно позже, когда в силу определенных исторических причин скандинавская и англосаксонская народности пришли в соприкосновение уже на территории Англии.

С VIII в. норвежцы, датчане и шведы начали набеги на побережья Северного и Балтийского морей. Нападениям скандинавских племен подвергалась и Англия. Приблизительно до середины IX в. норвежские викинги совершали только кратковременные набеги на южное и восточное побережье Англии с целью ограбления селений, монастырей и усадеб. В дальнейшем они перешли к захвату англосаксонских земель, на которых задерживались на долгое время, а иногда оседали на постоянное жительство. В IX в. скандинавам (на этот раз датчанам) удалось на некоторое время захватить даже такие крупные и укрепленные города как Лондон, Кентерберги и Йорк. Восточное побережье Англии и часть северного оказались под властью датчан, которые стремились проникнуть и в королевство Уэссекс, находившееся на западе центральной части Англии. В течение нескольких лет Уэссекс под руководством короля Альфреда оказывал упорное сопротивление захватчикам. В результате этой борьбы был заключен Уэдморский мир (879 г.), носивший компромиссный характер. Обе стороны пошли на вынужденные частичные уступки. Но ни один из народов не мог считать себя победителем: датчане обязались прекратить нападения на Уэссекс, а англосаксы признали власть датчан в фактически оккупированных ими областях Англии, получивших название областей «датского права». Как показывает англосаксонская летопись и некоторые произведения англосаксонского эпоса, Уэдморский мирный договор соблюдался обеими сторо-

нами весьма относительно; кровавые столкновения между датчанами и англосаксами не прекращались и после заключения мира. К 1017 г. датчане вновь завоевывают всю Англию. На целых 25 лет в Англии устанавливается власть датских королей.

Непосредственным следствием всех этих событий, совершавшихся на протяжении трех столетий, явилось смешение датской и английской народностей на территории Англии. Датских поселенцев в Англии было, повидимому, очень много: об этом свидетельствуют почти полторы тысячи населенных пунктов Англии (главным образом на севере и востоке), которые и поныне носят скандинавские названия. В областях, находившихся под властью датчан, многие особенности скандинавского хозяйственного устройства, материальной культуры, обычаев, государственного строя были усвоены исконным местным населением; встречались, вероятно, и смешанные браки между завоевателями и местными жителями. Все это не могло не сказаться на словарном составе английского языка.

Генетическая близость скандинавского и английского языков, общность многих корней и служебных слов значительно облегчали не только взаимопонимание между обоими народами, но и заимствование слов из одного языка в другой. Поэтому в ряде случаев трудно определить, является ли то или иное слово исконно английским или оно пришло в английский язык в качестве скандинавизма. Если слово не встречалось в английских текстах до XI в. или фиксировалось только начиная с поздне-древнеанглийского периода есть основание считать его скандинавским заимствованием. Таковы, например, существительные: *anger* (дск. *angr* 'горе'), *fellow* (дск. *félagi* 'сотоварищ'), *gate* (дск. *gata* 'ворота'), *haven* (дск. *hafn* 'гавань'), *husband* (дск. *húsbondi* 'хозяин дома'), *sky* (дск. *ský* 'облако'), *want* (дск. *vant* 'недостающее'), *window* (дск. *vindauga* 'окно'), *wing* (дск. *vængr* 'крыло'); глаголы: *to die* (дск. *deyja* 'умирать'), *to cast* (дск. *kasta* 'бросать'), *to hit* (дск. *hitta* 'находить', 'попадать'), *to raise* (дск. *reisa* 'поднимать'), *to thrive* (дск. *þrifa* 'хватать'); прилагательные: *ill* (дск. *illr* 'плохой'), *low* (дск. *lág* 'низкий'), *meek* (дск. *mjúkr* 'нежный', 'кроткий'), *odd* (дск. *oddr* 'точка', ср. *oddi* 'треугольник', 'не-

четное число'), rotten (дск. rotinn 'гнилой'), ugly (дск. uggligr 'страшный') и многие другие. Следует отметить интересный факт заимствования из скандинавского некоторых местоимений (they, both).

Критерием определения факта заимствования слова из скандинавского языка в некоторых случаях может служить фонетический признак. При всей однородности многих корней, между английским языком и языками северогерманской группы существовали закономерные различия в развитии некоторых звуков. Так, например, известно, что древнеанглийский звуковой комплекс *sc* с течением времени в результате палатализации изменяется в щелевой звук [ʃ], который в древнеанглийском орфографически изображался через диграф *sc*, а в среднеанглийском через диграф *sh* (ср. *да.* *scip* 'корабль', *са.* *ship*; *да.* *sceort* 'короткий', *са.* *short*); в скандинавских же языках такого фонетического развития группа *sk* не претерпела, сохранившись как сочетание щелевого переднеязычного с взрывным заднеязычным. Поэтому слова, появившиеся в среднеанглийском и содержащие группу *sk(sc)*, естественно обнаруживают свое скандинавское происхождение, ср. *scanty* (дск. *skammt* 'короткое'), *skill* (дск. *skil* 'отличие'), *scull* 'весло' (дск. *scál* 'дупло', 'выбоина'), *scrap* (дск. *skran* 'мусор'), *whisk* (дск. *visk* 'пучок сена'), *to scare* (дск. *skirra* 'отгонять'), *skjagg* 'робкий'), *to scowl* (ск. *skele*, *skule* 'косить глазами'), ср. *да.* *scūl-eazed* 'косоглазый'), *to scream* (дск. *skroekja* 'издавать резкий звук'), *to scrape* (дск. *skrapa* 'скоблить', 'тереть', 'колыхать'), *to bask* (дск. *badask* 'купаться'). Разумеется, этот критерий следует применять с осторожностью, так как многие английские слова, в звуковом составе которых имеется группа *sk(sc)*, ведут свое начало не от скандинавского языка, а от французского или греческого, ср. *scarce* (ст-фр. *escars* 'редкий'), *scribe* (ст-фр. *scribe*; лат. *scriba* 'писец'), *skeleton* (греч. *skeleton soma* 'сушеное тело'), *asterisk* (греч. *asteriskos* 'звездочка').

Вторым фонетическим признаком скандинавизмов обычное признается сохранение взрывного произношения заднеязычных *g*, *k* в сочетании с переднеязычными гласными *i*, *e*, т. е. в той позиции, в которой, согласно английскому фонетическому закону, эти согласные нормально палатализировались и в среднеанглийском приобрели произношение

соответственно [j] и [tʃ]). Однако этот признак также нельзя считать абсолютно неспорным. Не говоря уже о том, что взрывные *g* и *k* встречаются и в некоторых словах хотя и иноязычного, но не скандинавского происхождения, например, *kitchen*, *ghee*, нужно иметь в виду, что в северном диалекте английского языка палатализации этих согласных в указанном положении не происходило; было ли это результатом большего смещения английского населения северных областей Англии, сказать трудно, но это не исключено. Но в таком случае следует признать особый характер скандинавского языкового влияния на английский язык: иногда скандинавский язык давал не новые слова, а новое произношение исконным английским словам. Приведем несколько примеров. Глагол *to give* в древнеанглийском имел форму *zifan*, *zūfan* и закономерно, благодаря обычной палатализации начального согласного, в среднеанглийском стал звучать как *yiven*, *yeven*; затем эта форма была вытеснена формой *give*, возможно, пришедшей из северного диалекта и несущей на себе следы фонетического влияния скандинавского языка (дск. *gefa* 'давать'). Глагол *to get* существовал и в древнеанглийском, правда, в префиксальных формах, например, *bezutan* (ca. *biyeten* 'получать', 'добывать', на. *to beget*), *forzutan* (ca. *foryeten*, на. *to forget* 'забывать'), *underzutan* ('понимать', 'воспринимать'); взрывное произношение звука *g* глагол усвоил под влиянием скандинавского (дск. *geta* 'получать', 'добывать', 'становиться'). Существительное *sister* (да. *sweostor*; дск. *systir* 'сестра') также обязано своим современным произношением скандинавскому образцу. Глагол *to keep* (да. *serap* 'искать', 'сохранять') должен был бы в настоящее время звучать как **sheep*, но под очевидным воздействием скандинавского *kírra* 'хватать', 'тащить' сохранил взрывной начальный согласный. Существительное *keel* (да. *seōl* 'судно') несет на себе следы не только фонетического, но и семантического влияния скандинавского *kjölgr* 'киль корабля'.

В последнем случае мы сталкиваемся еще с одной линией воздействия скандинавского языка на английский: скандинавские лексические эквиваленты английских слов, расходящиеся с ними по значению, могли способствовать семантическим изменениям английских слов. Например,

скандинавское существительное *brauð* 'хлеб' является этимологической параллелью к древнеанглийскому *bread* 'крошка', 'кусок'; по звуковой своей форме новоанглийское *bread* 'хлеб' восходит к древнеанглийскому слову, но его значение под влиянием скандинавского изменилось*. Тот же процесс. привнесения скандинавского значения в английское слово наблюдаем в таких словах, как *dream* (*ða. drēam* 'радость', 'счастье'; *дск. draumr* 'сон', 'мечта'), *bloom* (*ða. blōma* 'масса металла'; *дск. blómi* 'цветок', 'цветение'), *earl* (*ða. eorl* 'человек благородного происхождения', 'смелый воин'; *дск. jarl* 'наместник короля', 'правитель области'), *to dwell* (*ða. dwellan* 'уводить прочь', 'мешать', 'обманывать', 'заблуждаться'; *дск. dveljask* 'жить'), *plough* (*ða. 'вспаханное поле'; дск. plógr* 'плуг')**. Если учитывать эти различные формы влияния скандинавского языка на английский словарный состав, то легко увидеть, что обычно называемое число заимствованных скандинавских слов в английском языке—около 900*** — явно преувеличено. Английские лексикологи в этот подсчет неправомерно включают вместе с лексическими единицами, действительно пришедшими в английский национальный литературный язык в эпоху датского завоевания, и случаи фонетического или семантического влияния скандинавского языка. Правда, нужно иметь в виду, что далеко не все подлинные скандинавские заимствования среднеанглийской поры сохранились в английском языке до настоящего времени, ср., например, *поздн-да. hāmsōcn* 'грабеж' (*дск. heimsokn*), *barda* 'род судна' и т. п. Некоторая часть скандинавизмов сохранилась в северном диалекте, в Йоркшире, Кумберленде, Уэстморленде и т. п. Например, *warentake* 'район' в графстве Йоркшир (*дск. var-patak* означает то же), *dag* 'роса' (*дск. dagg* 'роса'), *powt* 'скот' (*дск. naut* 'скот'), *тип* 'рот', 'устье' (*дск. tinnr*

* В. Н. Ярцева. К вопросу об историческом развитии системы языка. Сб. «Вопросы теории и истории языка». АН СССР, 1952, стр. 78.

** O. Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Oxf., 1945, стр. 64—65.

*** См., например, A. C. B a u g h. *A History of the English Language*. D. Appleton-Century Company Incorporated, N.Y.—L., 1935, стр. 128.

‘рот’) и т. п., но их нельзя безоговорочно причислять к тем скандинавским заимствованиям, которые действительно стали неотъемлемым элементом общенационального английского языка.

Интересно, что, несмотря на распространенность в целом ряде областей Англии скандинавских географических названий, составляющие их элементы не вошли в общенародное употребление в качестве самостоятельных имен нарицательных. Например, -by (дск. byr ‘селение’, ‘жилье’), ср. Derby, Rugby, Whitby; -beck (дск. bekkr ‘ручей’), ср. Troutbeck; -dale (дск. dalr ‘долина’), ср. Clydesdale; -thorp (дск. þorp ‘деревня’), ср. Althorp, Heythorp; -toft (дск. toft ‘усадебный’)*, ср. Brimtoft, Langtoft; -thwaite (дск. þveit ‘поляна’), ср. Applethwaite, Cowperthwaite и другие. Только некоторые из них, такие как: beck ‘ручей’, thwaite ‘целина’ встречаются в качестве самостоятельных слов в северном диалекте; в литературном же английском языке — лишь в составе сложного нарицательного существительного, например, bylaw (дск. byr-lög ‘постановление местной власти’).

В словарном составе английского языка отмечают этимологические англо-скандинавские дублетные формы, различающиеся по звуковой форме и значению, но содержащие тождественный по своему происхождению корень, например, shirt ‘рубашка’ (да. scyrte ‘рубаша’) и skirt ‘юбка’ (дск. skyrta ‘длинная рубаша’); to rear ‘воздвигать’, ‘выращивать’ (да. rægan ‘поднимать’, *каузатив* от rísa ‘вставать’) и to raise ‘поднимать’ (дск. reisa ‘поднимать’, *каузатив* от rísa ‘вставать’); whole ‘целый’, ‘весь’ (да. hāl ‘целый’, ‘весь’, ‘невредимый’) и hale ‘здоровый’, ‘крепкий’ (дск. heill ‘целый’, ‘крепкий’) и т. п. Эти дублеты являются результатом различных форм влияния скандинавского языка на английский (подтверждением этому служат встречающиеся среди них и подлинные заимствования и фонетические варианты единой по происхождению лексики).

При заимствовании скандинавского слова в английском языке обычно сохраняется основа этого слова и опускается его словоизменительный формант, например, флексия именительного падежа существительных мужского рода -r (дск.

* В юридической терминологии существительное toft употребляется в значении ‘поместье’.

vængr, *ca.* wíng). В большинстве случаев заимствуемые скандинавские глаголы, даже если они принадлежали к сильному спряжению в исходном языке (например, *to die*), подчиняются в английском языке слабому типу спряжения (это явление вообще характерно для глагольных заимствований). Изредка встречаются исключения из этого общего правила; так, в словах *scant*, *want*, *athwart* удерживается скандинавский формант среднего рода прилагательных *-t*, а такие глаголы, как *to take*, *to thrive* сохраняют сильный тип спряжения*.

Основная масса скандинавских заимствований вошла в английский язык в эпоху датского владычества и проникла в английскую письменность в ближайшие к этой эпохе столетия (XII—XIII). В новое время (XVI—XIX вв.) скандинавские языки дали всего несколько слов в словарный состав английского языка, например, *geyser*, *clumsy*, *to doze*, *porn*, *saga*, *ski*, *storting*, *skald*, *tungsten*, *viking*, *valkyrie* и некоторые другие.

Путь проникновения ранних скандинавизмов, несомненно, устный; заимствование их происходило в процессе непосредственного повседневного общения обоих народов. Поздние скандинавизмы попали в английский язык через переводную художественную литературу и периодическую печать.

Третьим обильнейшим источником, давшим очень большое количество иноязычных слов в английскую лексику был французский язык. Французские заимствования входили в английский язык из нормандского диалекта (в первые столетия после Нормандского завоевания) и из французского национального литературного языка (приблизительно с XV в.).

Историческим событием, обусловившим сильное влияние французского языка на английский, было завоевание Англии норманнами в 1066 г. По происхождению норманны были скандинавской народностью. Еще в IX в., захватив часть территории на северном побережье Франции, и подчинившись впоследствии формальной власти французского короля, норманны образовали герцогство Нормандию

* См. O. J e s p e r s e n. *Growth and Structure of the English Language*. Oxf., 1945, стр. 75.

и полностью восприняли французскую культуру и язык. Однако французский язык норманнов отличался во многих своих существенных чертах от диалекта центра Франции, которому позже предстояло лечь в основу французского литературного языка. Этим, кстати сказать, объясняется бросающееся в глаза несходство многих ранних французских заимствований в английском языке с лексическими единицами французского литературного языка. Северный диалект, имевший распространение в Нормандии и некоторых других северных областях Франции, отличается от центрального диалекта рядом фонетических особенностей. Важнейшие из них, необходимые для объяснения звукового состава заимствованных английским языком слов, — это различия в развитии ряда гласных и в комбинаторных изменениях некоторых гласных и согласных. Так, дифтонгу *oi* центрального диалекта соответствует в северном диалекте дифтонг *ei* (ср. *центр.* *voile*, *сев.* *veile* 'покрывало'; *центр.* *loisir*, *сев.* *leisir* 'досуг'); народно-латинское закрытое *ō* в открытом слоге дало в центральном диалекте дифтонг *ou*, затем перешедший в лабиализованное *e(eu)*, а в нормандском оно дало *u* (ср. *центр.* *fleur*, *сев.* *flur* 'цветок'; *центр.* *heure*, *сев.* *hure* 'час'); народно-латинское *o* в положении перед группой *p + согласный* в северном диалекте претерпело сужение в звук *u* (ср. *центр.* *mont*, *сев.* *munt* 'гора'; *центр.* *front*, *сев.* *frunt* 'лоб'). В сочетаниях *c + a*, *g + a* в центральном диалекте согласные подверглись изменению, а именно — звук *c* превратился в аффрикату [tʃ], а звук *g* в щелевое [ʒ]; в северном диалекте такого изменения этих согласных не последовало (ср. *центр.* *jardin*, *сев.* *gardin* 'сад'; *центр.* *chatel*, *сев.* *catel* 'скот'); слова германского происхождения в северном диалекте сохраняют начальное *w* без изменения, тогда как в центральном диалекте это начальное *w* развилось в *gw*, а затем в *g*, орфографически обозначаемое диграфом *gu* (ср. *центр.* *guere*, *сев.* *wegre* 'война'; *центр.* *guarder*, *сев.* *warder* 'охранять')*. Наряду с нормандскими формами в английский язык проникают и формы центрального диалекта французского языка, вначале в значительно меньшем количестве; примерно

* См. Б. А. Ильиш. История английского языка. Учпедгиз, 1938, стр. 85—86.

с XIV в. приток нормандских диалектальных форм фактически прекращается (отдельные случаи появления их в письменности в эту эпоху объясняются, повидимому, обычным хронологическим отставанием письменной фиксации заимствований от момента их вхождения в устное обращение, конечно, если только они не попадают в данный язык именно книжным путем).

Установление власти норманнов в Англии в XI в., официально оформленное в виде законного перехода английского престола к нормандскому герцогу Вильгельму, как прямому наследнику умершего английского короля Эдуарда Исповедника, было в действительности результатом всеенного вторжения норманнов в Англию. После смерти датского короля Канута в 1042 г. английский престол занял Эдуард, сын некогда изгнанного датчанами короля Этельреда, выросший в Нормандии и связанный родственными узами по материнской линии с нормандской герцогской фамилией. После его смерти королем Англии был избран Гарольд, сын эрла Уэссекского Годвина, ближайшего сподвижника и советника умершего короля. Однако нормандский герцог Вильгельм заявил притязания на престол Англии. Началась борьба между английскими феодалами и нормандскими захватчиками, продолжавшаяся несколько месяцев и окончившаяся полным поражением английского войска и гибелью Гарольда. В конце 1066 г. Вильгельм стал королем Англии. Тот факт, что приход норманнов к власти в Англии был осуществлен только в результате ожесточенной борьбы с английским народом, оказавшим яростное сопротивление норманнам, обусловил особый характер отношений между завоевателями и побежденными. Многие английские феодалы погибли в борьбе с норманнами, другие подверглись преследованию со стороны новых властителей страны, как потенциальные враги; феодальная верхушка в значительной степени изменила свой национальный состав. Поместья английских феодалов переходили в руки нормандских победителей. Кроме того, еще ряд лет после победы норманнов Англия пыталась сопротивляться иноземным поработителям. На юго-востоке, на севере, на западе вспыхивали вооруженные восстания, подавляемые с большой жестокостью. Это состояние постоянной вражды между пришельцами и ко-

ренным населением страны привело к тому, что все крупнейшие владения, высшие государственные и духовные посты были заняты нормандской знатью, а Англия была наводнена нормандскими войсками. Норманны постепенно все больше смешивались с местным населением и оседали в новой для них стране, становясь ее постоянными обитателями.

В течение двух столетий после Нормандского завоевания языковая обстановка в Англии была исключительно сложной. Феодалная верхушка говорила на нормандском диалекте; народные массы пользовались своим родным английским языком; научная и богословская литература создавалась на латинском языке; художественная придворная литература — на французском; административная документация и школьное обучение осуществлялось на латинском и французском языках. Поэтому это была эпоха не двуязычия, как ее обычно называют, а, собственно говоря, троязычия. В общенародном употреблении был, разумеется, английский язык. Было бы нелепо представлять себе положение вещей в ту эпоху таким образом, будто различные классы английского общества пользовались разными языками, и общение между классами осуществлялось только через переводчиков, а нормандский диалект, на котором говорила нормандская знать, был своего рода классовым языком правящей верхушки общества. Нормандский диалект был родным языком захватчиков. Первое время завоеватели действительно не были знакомы с языком народа покоренной страны, но уже в XII в. в Англии большая часть населения владела, хотя в неодинаковой степени, и английским и французским языком. Лексическое взаимовлияние обоих языков было весьма значительным. С одной стороны, английский язык усвоил в это время (XII—XIII вв.) большое количество французских слов, вытеснивших из употребления равнозначные английские слова (например, *da. here* ‘войско’ было вытеснено словом французского происхождения *army*; *da. unhope* ‘безнадежность’ — *despair*; *da. folemodnes* ‘терпение’ — *patience*; *da. сугган, са. churren* ‘изменять’ — *to change* и т. п.), либо принесших с собой новые для английского народа понятия (например, *chair, lieutenant, Parliament, influence* и т. п.), либо ставших в синонимические отношения к равнозначным английским словам (например, *happiness,*

ca. happiness — *felicity*, *ca. felicitée*, *ст-фр. félicité* 'счастье', 'удачливость'; to help, *да. helpan* — to aid, *ст-фр. aider* 'помогать'; weak, *да. wice* 'слабый' — feeble, *ст-фр. foible* 'плачевный', 'жалкий'; wise 'способ', *да. wise* 'способ' — *маннер*, *ca. manere*, *ст-фр. maniere* 'способ' и т. п.), либо семантически размежевавшихся с ранее совпадавшими с ними по значению английскими словами, также сохранившимися в языке (например, существительное *goom*, *да. gūm* 'пространство', 'место', стало означать 'комната', тогда как прежнее его значение стало выражаться заимствованными словами *place*, *ст-фр. place* 'место', позднее и *space*, *ст-фр. espace* 'пространство'; deer, *да. dēor*, *ca. der* 'животное' приобрело суженное значение 'олень' под влиянием французского заимствования *beast*, *ст-фр. beste* 'животное' и т. п.). С другой стороны, сам нормандский диалект в Англии подвергся известным изменениям и во многих отношениях — преимущественно фонетическом и лексическом — обнаружил черты расхождения с диалектом Нормандии. Поэтому в отличие от диалекта Нормандии в языковедческой и исторической литературе его часто называют «англо-нормандским» или «англо-французским» диалектом (или языком). Через этот англо-нормандский диалект, насыщенный английскими лексическими заимствованиями, легко проникали французские слова в английский язык.

В результате такого тесного и постоянного контакта между двумя языками словарный состав английского языка впитал в себя огромное количество слов, большая часть которых существует в нем и поныне; часть из них, как мы увидим, далее (см. гл. III), вошла в максимально широкое употребление, иные остались в пределах книжного стиля, другие в настоящее время стали архаизмами. Кроме слов, пришедших из англо-нормандского диалекта, в английский язык на протяжении целого ряда столетий притекали французские слова и из центрально-французского диалекта, на котором создавалась французская художественная литература, имевшая распространение во всех странах Европы, в том числе и в Англии. До Нормандского завоевания французский язык дал в словарный состав английского языка всего несколько слов, хотя влияние норманнов при дворе короля Эдуарда Исповедника было довольно сильно. Это

слова: *galingale* (поздн-да. *galyngale*; *ст-фр.* *galingal* 'род имбиря'), *proud* (поздн-да. *prūd*; *ст-фр.* *prud* 'доблестный'), *chancellor* (поздн-да. *canceler*; *са.* *chanceler*; *ст-фр.* *cancelier*, *chancelier* 'канцлер').

Круг понятий, выражаемых заимствованиями из французского языка, относящимися к XII—XVI вв., чрезвычайно широк. Эти заимствования представляют собой слова, выражающие социальные отношения, различные религиозные понятия, юридические, военные и медицинские термины, названия одежды, кушаний, архитектурных деталей.

От XII в. дошли, например, такие слова, как : *baron*, *banner*, *beast*, *charity*, *chaplain*, *court*, *crown*, *country*, *count*, *council*, *castle*, *cabbage*, *duke*, *grace*, *justice*, *miracle*, *mercy*, *office*, *passion*, *paradise*, *procession*, *prison*, *peace*, *robber*, *rent*, *tower*, *treason*, *war*, *saint** и некоторые другие. В XIII в. приток французских слов в словарный состав английского языка становится значительно интенсивнее. В качестве примеров можно привести такие, как, *accize*, *to accuse*, *to acquit*, *to amend*, *armour*, *assault*, *anguish*, *battle*, *comfort*, *conscience*, *to conquer*, *contrary*, *dainty*, *diet*, *devotion*, *estate* (также *state*), *felon*, *fine* (сущ.), *feoff*, *gout*, *heir*, *homage*, *larceny*, *lunatic*, *medicine*, *manor*, *malady*, *miscreant*, *ointment*, *patience*, *pity*, *poison*, *powder*, *physic*, *physician*, *pure*, *purity*, *Parliament*, *to pursue*, *to plead* и т. п. До XVII в. словарный состав английского языка поглотил огромное количество французских слов, например, существительные: *age*, *air*, *army*, *art*, *arch*, *attorney*, *bacon*, *beauty*, *beef*, *brawn*, *challenge*, *carpenter*, *colour*, *company*, *courage*, *cure*, *dance*, *design*, *danger*, *delight*, *dinner*, *dress*, *enemy*, *figure*, *force*, *guard*, *government*, *glory*, *honour*, *image*, *injury*, *jelly*, *leisure*, *mansion*, *marriage*, *mason*, *nature*, *ornament*, *palace*, *people*, *pleasure*, *pillar*, *property*, *reason*, *religion*, *secretary*, *service*, *soldier*, *spy*, *supper*, *tailor*, *tenacity*, *texture*, *tension*, *vault*, *veal*, *venison*, *vessel*, *village*; глаголы: *to abuse*, *to accept*, *to appoint*, *to blame*, *to boil*, *to cease*, *to cherish*, *to command*, *to covet*, *to dance*, *to defend*, *to espy*, *to flatter*, *to fry*, *to govern*, *to hurt*, *to lament*, *to march*, *to marry*, *to*

*Ввиду близости английских и старофранцузских форм последние здесь не приводятся.

obey, to oppress, to paint, to prove, to pay, to pass, to perform, to place, to please, to pray, to preach, to profit, to protest, to receive, to remember, to reward, to summon, to try, to trouble, to use, to usurp, to vary, to wince; прилагательные: agreeable, amiable, blank, certain, clear, common, double, easy, famous, fine, gentle, hideous, necessary, pale, poor, rich, strange, vicious, noble, large, false, general, cruel, jealous, profound, pleasant, political, simple и многие другие.

В XVII в. приток французских заимствований продолжался. В это время появляются заимствованные коммерческие и производственные термины вроде capital (сущ.), commerce, investment, insurance, bank, machine, manufacture. В эпоху Реставрации, с усилением французского влияния в правящих кругах Англии, а также в связи с модой на французские нравы и обычаи заимствуется целый ряд слов типа burlesque, badinage, travesty, to banter, to droll, to ridicule, to remark, jocose и т. п. В XVIII в. приходят такие слова, как currency, finance, capitalism, capitalist. Ряд политических терминов дала эпоха французской буржуазной революции конца XVIII в., например, aristocrat, democrat, despot, royalist, conscription, section, to revolutionize, to terrorize и т. п.

Нетрудно видеть, что если в первые столетия после Нормандского завоевания усвоение большого количества французских заимствований английским языком было результатом длительного сосуществования обоих языков и лексического скрещивания между ними, то более поздние заимствования проходили уже совсем в других условиях и являлись следствием того культурного и политического влияния, которое имела Франция в Западной Европе в XVII—XVIII вв.

Целый ряд слов, пришедших из французского языка, не является французским по происхождению. Например, сапору, chair, chronicle, episode, physic, police, ode, rhythm и многие другие идут, в конечном счете, из греческого языка (соответственно греч. kōnōreion ‘занавеска от москитов’, kathedra ‘кресло’, ‘кафедра’, chronika ‘летопись’, epeisodion ‘происшествие’, physikē ‘естественное’, ‘вещественное’, politeia ‘государственность’, ōdē, aoidē ‘песнь’, rhythmos ‘течение’); некоторое количество французских

заимствований представляет собой слова, усвоенные в свое время французским языком из германских языков, например, *choice* (*ст-фр.* *chois* от глагола *choisir* 'выбирать', из *г.* *kausjan* 'выбирать'; ср. *да.* *seōsan* 'выбирать'; *на.* *to choose*), *blank* (*ст-фр.* *blanc* 'белый' из *двн.* *blanch* 'белый'), *to gain* (*ст-фр.* *gagner* из *двн.* *waidanjan* 'пастись', 'кормиться'; *ст-фр.* *guadagner*, *gagner* 'зарабатывать', 'добывать'), *halberd* (*ст-фр.* *hallebarde* 'алебарда' из *свн.* *helmbarte* 'секира'), *harangue* (*фр.* *harangue* 'речь' из *двн.* *hring* 'круг', 'собрание'), *jolly* (*ст-фр.* *joli* 'красивый'; *дск.* *hjol* 'празднество'), *mannequin* (*ст-фр.* *mannequin* из *фламандск.* *manneken* 'человечек'), *bivouac* (*фр.* *bivouac* 'бивуак' из *н.* *Beiwache* 'бивуак'), *boulevard* (*фр.* *boulevard* 'бульвар' из *н.* *Bollwerk* 'бастион') и т. п.* Вообще, французский язык, с которым английский народ непосредственно имел дело в течение целого ряда столетий, послужил проводником целого ряда слов в английский язык из многих языков мира. Например, многие арабские слова пришли в английский язык через французский, ср. *jasper* (*фр.* *jaspe* 'яшма'; *араб.* *yasheb*, *yashef* 'яшма'), *calibre* (*фр.* *calibre*; *араб.* *qālib* 'форма', 'модель'), *magazine* (*фр.* *magasin* 'склад', 'лавка'; *араб.* *makhzan* 'склад'), *zéro* ((*фр.* *zéro* 'нуль'; *араб.* *ṣafrun* 'пустой'), *alcove* (*фр.* *alcôve* 'альков'; *араб.* *al-gubbâh* 'навес', 'шатер'), *amber* (*фр.* *ambre* 'амбра'; *араб.* *anḥar* 'благовоние'), *cotton* (*фр.* *coton* 'хлопок'; *араб.* *qothon* 'хлопок'), *giraffe* (*фр.* *girafe* 'жираф'; *араб.* *zirāfah* 'жираф'), *mask* (*фр.* *masque* 'маска'; *араб.* *maskharat* 'шут', 'забава'), *syrup* (*фр.* *siror* 'сироп'; *араб.* *sharab* 'питье'), *admiral* (*фр.* *amiral*; *араб.* *amir-al-bahr* 'морской начальник'), *zenith* (*фр.* *zénith*; *араб.* *semturras* 'зенит', *бука.* 'верхний путь') и т. п. Через французский язык пришло довольно много итальянских слов, например, *brave* (*фр.* *brave* 'смелый'; *итал.* *bravo* 'смелый'), *cartridge* (*фр.* *cartouche* 'патрон'; *итал.* *cartoccio* 'патрон'), *colonel* (*фр.* *colonel* 'полковник'; *итал.* *colonnello* 'полковник', 'начальник колонны'), *saprice* (*фр.* *saprice*; *итал.* *sapriccio* 'каприз'), *charlatan* (*фр.* *charlatan* 'шарлатан'; *итал.* *ciarlatano* 'краснобай'), *porcelain* (*фр.* *porcelaine* 'фарфор';

* F. B r u n o t. Grammaire Historique de la Langue Francaise. Paris. 1899, стр. 184—188.

итал. porcellana 'фарфор'), risk (*фр.* risque 'риск'; *итал.* risico 'риск') и другие. Через французский язык в английский вошли также татарские слова horde (*фр.* horde 'орда'; *татар.* ordou, 'лагерь'), koumiss (*фр.* koumisse 'кумыс'; *татар.* koumiss 'кумыс'); египетские oasis (*фр.* oasis 'оазис'; *копт.* ouahe, ouahsoi 'оазис'), Pharaoh (*фр.* pharaon 'фараон'; *копт.* pougo 'царь'); персидские lilac (*фр.* lilas; *перс.* lilaj 'сирень'), tulip (*фр.* tulipe 'тюльпан'; *перс.* turban 'тюрбан') и много других.

Форма, в которой усваиваются французские слова, как правило, такова: существительные и прилагательные, имевшие во многих случаях в старофранцузском языке различные окончания именительного и винительного падежей, почти всегда входили в английский язык в форме винительного падежа, т. е. без типичного окончания номинатива -s (исключение составляют всего несколько слов, например, прилагательное fierce, *ст-фр. им. п.* fiers, *вин. п.* fier 'гордый'; существительное fitz, употреблявшееся в среднеанглийском для образования фамилий, например, Fitzherbert, *ст-фр.* fils 'сын' — *им. п.*, fil — *вин. п.*). Так, существительные baron, mayot, companion представляют собой формы винительного падежа старофранцузских существительных ber 'барон', maire 'мэр', compain 'сотоварищ' (*вин. п.* baron, majeur, compaign); столь резкие различия падежных форм этих существительных вызваны различиями в ударении генетически исходных форм латинских существительных: báro-barónem, máior-maiórem, compánio-compániónem. Глаголы заимствовались в форме основы настоящего времени, обычно во множественном числе, где эта основа проявляется в наиболее полном виде, ср. je survis, nous survivons — *a.* to survive; je resous, nous resolvons — *a.* to resolve и т. п. Часто встречающийся конечный слог -ish в заимствованных глаголах является отражением формообразующего суффикса настоящего времени множественного числа французских глаголов II спряжения -iss- (ср. finir 'кончать', nous finissons, *a.* to finish; punir 'качать', nous punissons, *a.* to punish; cherir 'любить', 'лелеять', nous cherissons, *a.* to cherish). В случаях заимствования французской инфинитивной формы последняя в большинстве случаев субстантивизировалась в английском языке (ср. *фр.* atteindre 'достигать', 'настигать', *a.* attainer; *ст-фр.* remaindre

‘оставаться’, *a.* remainder; *фр.* rejoindre ‘присоединяться’, *a.* rejoinder), хотя изредка можно встретить и сохранение заимствованным инфинитивом своей глагольности (ср. *фр.* rendre ‘отдавать’, ‘сдавать’, ‘представлять’, *a.* to render; *ст-фр.* surrendre ‘сдаваться’, *a.* to surrender).

Входя в английский язык, французские слова подчинялись его звуковым нормам и изменениям его звуковой системы. Так, в словах, содержащих долгое *i*, этот гласный естественно дифтонгизировался в [ai] в процессе так называемого великого сдвига гласных (известного фонетического процесса, начавшегося в XV в., сущность которого сводится к сужению долгих гласных среднего подъема языка и дифтонгизации долгих узких гласных), ср. *fine*, *price*, *lion*; долгое *u* превратилось в дифтонг [au], ср. *фр.* tour, *a.* tower; долгое *a* — в [ei], ср. *change*, *grace*; долгое *e* — в [i:], ср. *beast*, *complete* и т. п. Это естественное подчинение французских заимствований фонетическим законам английского языка включало в себя в большинстве случаев и передвижение ударения на начальный или на следующий за префиксом слог, что характерно для английской акцентуации в отличие от французской, для которой обычным является ударение на последнем слоге (ср. *фр.* са'пон — *a.* 'sa'пон, *фр.* littérature — *a.* 'literature и т. п.). Это передвижение ударения в сочетании со звукозаменой (в тех случаях, когда французское слово имело в своем составе фонему, отсутствовавшую в английской фонологической системе) приводило зачастую к существенной перестройке звуковой формы заимствованного слова (ср. *nature* — *фр.* [na'tyr], *a.* ['neitʃə], *nation* — *фр.* [na'sjɔ̃], *a.* ['neɪʃn] и т. п.*). Согласные также подвергались звукозамене в английском языке; так, французское [ʒ], орфографически обозначавшееся буквами *j* или *g* (перед узкими гласными), в английском языке превращалось в аффрикату [dʒ], ср. *just* (*фр.* juste ‘справедливый’, ‘точный’), *joy* (*фр.* joie ‘радость’), *gentle* (*фр.* gentil ‘любезный’, ‘благородный’), *village* (*фр.* village ‘деревня’).

Подобные фонетические преобразования обнаруживаются в ранних французских заимствованиях, т. е. в таких, ко-

* O. Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Oxf., 1945, стр. 94—97.

торые относятся к среднеанглийскому и началу ранненовоанглийского периода. Со второй половины XVII века в английском языке появляются французские слова, сохраняющие свою форму неизменной, т. е. не претерпевающие ни сдвига ударения, ни обычной для ранних заимствований звукозамены, например: *ballet*, *beau*, *billet-doux*, *croquet*, *débris*, *cigarette*, *ennui*, *nuance*, *naive*, *grotesque*, *serviette*, *coquette*, *grimace*, *fatigue* и т. п. Графема *ch* в ранних заимствованиях обозначала собой аффрикату [tʃ], входившую в состав фонем как старофранцузского, так и среднеанглийского языка (ср. *chair*, *change*, *chain*), в позднейших же заимствованиях она обозначает щелевое [ʃ], ибо современный французский язык утратил фонему [tʃ] (ср. *chagrin*, *chemise*, *machine*). Звук [ʒ] сохраняется в новейших заимствованиях и не заменяется в них аффрикатою [dʒ] (ср. *barrage*, *mirage*, *prestige*, *rouge*). Это сохранение исходной формы заимствования доказывает не столько стремление англичан сохранить звуковой облик французских слов (хотя в определенных слоях общества это стремление, действительно, можно отметить), сколько тем, что многие из этих слов не имеют общенародного распространения и не ассимилированы настолько, чтобы подчиниться фонетическим нормам английского языка. Это видно из некоторых примеров, где произношение колеблется. Так, *trait* произносится с приближением к французской норме как [trei], и в соответствии с английской орфоэпией как [treit], ср. также *envelope* [aɪve'lor, 'envi'louɹ], *environs* [aɪvi'roɹ, 'envi'roɹ] и другие.

Интересно, что бывают случаи, когда одно и то же французское слово входит в английский язык дважды, в различные моменты его истории, и в связи с этим функционирует в нем в двух различных фонетических формах и с двумя различными значениями, например, *'gentle* — *gen'teel* (фр. *gentil* 'любезный', 'благородный'), *'dragon* — *dra'goon* (фр. *dragon* 'дракон', позднее также 'драгун'), *'gallant* — *ga'llant* (фр. *gallant* 'живой', 'предприимчивый', 'смелый', позднее — 'галантный'). Кроме таких французских дублетов, в словарном составе английского языка отмечаются также латино-французские дублеты, т. е. слова латинского, в конечном счете, происхождения, проникшие в английский язык и непосредственно из латинского и через французский

язык, уже в трансформированном виде. Обычно эти дублиеты имеют и смысловые и стилистические различия. Таковы: *to compute* (*лат.*) — *to count* (*лат. computo* 'считать', 'высчитывать'; *ст-фр. cunter* 'считать'), *to blaspheme* (*книжн.*) — *to blame* (*поздн-лат. blasphemare* 'богохульствовать', 'поносить' от *греч. blasphemia* 'словесное оскорбление', 'поношение'; *фр. blâmer* 'порицать', 'поносить'), *dominion* — *dungeon* (*лат. domīnium* 'владение'; *ст-фр. donjon* 'замковая башня'), *to separate* — *to sever* (*лат. separo* 'отделять', *separatus* 'отделенный'; *ст-фр. severer* 'отнимать от груди'), *secure* — *sure* (*лат. secūrus* 'спокойный'; *ст-фр. sûr* 'безопасный', 'уверенный') и другие.

Излишества в употреблении французских слов, зачастую вызывавшиеся не действительной необходимостью их введения, а просто модой на французский язык в определенных слоях общества, и в первую очередь в придворных кругах, естественно, возбудили протест ряда филологов и писателей, видевших в этом явлении признаки пренебрежения к родному языку и стремившихся к очищению этого последнего от иноязычных наносов. Однако это вполне разумное и обоснованное стремление зачастую приводило к крайностям суждения, компрометировавшим все движение пуризма в целом и придававшее ему ярко выраженное ложное националистическое направление. Крайности эти проявлялись в частности в том, что не проводилось различия между полезными и действительно излишними заимствованиями. Так, например, предлагалось заменить слово *lieutenant* на *steadholder* (точную кальку французского оригинала: *фр. lieu* 'место', *tenant* 'державший'), *parapet* на *folkward*, *omnibus* на *folkwain*, *pathology* на *painlore* и т. п. без учета того, что эти слова уже успели прочно укорениться в общенародном употреблении, в бытовой или терминологической речи, принесли в свое время особые, новые для английского народа понятия. Попытка их замены специально с этой целью созданными английскими образованиями была слишком искусственна, чтобы иметь успех.

Условия проникновения французских заимствований в словарный состав английского языка были столь многообразны, что в отношении многих из них трудно определить, каким путем — книжным или устным — они пришли в английский язык; в большинстве случаев, повидимому, — и тем,

и другим путем одновременно; многие из ранних заимствований, вероятно, стали употребляться в английском языке первоначально в сфере непосредственного разговорного общения и лишь позднее были зафиксированы в письменности (например, некоторые названия предметов домашнего обихода, простейших действий и т. п.); другие носили вначале ярко выраженный официально-книжный характер (например, некоторые отвлеченные существительные философского или теологического содержания, термины, связанные с администрацией, судопроизводством и т. п.).

Латинский, скандинавский и французский языки были самыми главными, но далеко не единственными источниками иноязычных заимствований в английском языке*.

До сих пор мы видели, что при столкновении двух языков один из них одерживает верх над другим, однако, при этом происходит поглощение некоторого, иногда довольно значительного количества слов языком-победителем из побежденного языка. Несколько иную, весьма своеобразную и даже, можно сказать, загадочную картину представляет собой отношение кельтских языков к английскому.

Германские племена, начав завоевание Британии в середине V века н. э., встретились на острове с местным населением, состоявшим из нескольких кельтских племен — бриттов, гаэлов, кимров. Завоеватели принесли с собой свой язык, так называемый древнеанглийский или англосаксонский, который был представлен несколькими племенными диалектами, получившими соответствующие, по месту оседания племен, названия нортумбрийского (диалект англов, осевших севернее реки Хамбера), мерсийского (диалект англов, осевших южнее Хамбера), уэссекского (диалект саксов, к югу и западу от Темзы), кентского (диалект ютов в Кенте). Естественно было бы ожидать, что в процессе неизбежного соприкосновения покоренного народа с народом победившим кельтские языки окажут определенное влияние на лексику древнеанглийского языка. В действительности же оказалось, что кельтизмов в древнеанглийском языке можно насчитать не более 10—12; до настоящего времени дошло и того меньше слов, так как

* Образцы латинских, французских и скандинавских заимствований см. также в гл. III, стр. 176—182.

некоторые из заимствованных слов очень давно устарели. Безусловно кельтскими заимствованиями древнейшего периода, сохранившимися в словарном составе современного английского языка, можно считать слова *ban*покс (*да.* *ban*пис 'пресная лепешка'; *гаэльск.* *ban*паш 'пресная лепешка'), *bin* (*да.* *bī*пп 'ларь', 'ясли'; *гаэльск.* *benn* 'повозка'), *brock* (*да.* *b*рос 'барсук'; *валлийск.* *b*рос 'барсук'), *crag* (*да.* *c*раг 'утес'; *валлийск.* *c*раіг 'скала'), *dip* 'серовато-коричневый' (*да.* *dū*пп; *гаэльск.* *dō*пп, 'серовато-коричневый'), *down* 'холм' (*да.* *dū*п 'холм'; *гаэльск.* *dū*п 'холм'), и два-три других, относительно этимологии которых мнения расходятся.

До сих пор не найдено объяснения того, почему так мало кельтских слов вошло в древнеанглийский язык. Нельзя объяснить это странное явление тем, что местное кельтское население Британии было частью истреблено германскими пришельцами, частью отступило в гористые местности страны — в Шотландию, Корнуолл, Уэльс, где и до сих пор сохранились в употреблении кельтские языки, — и поэтому постоянного массового контакта между завоевателями и аборигенами не было. Целый ряд языковых фактов противоречит такому объяснению. Территория Британии, занятая германскими племенами, не была полностью очищена от кельтского населения. Это подтверждается тем, что древнеанглийский язык усвоил от кельтов многочисленную топонимику — названия гор, рек, селений и т. п. Например, *Kent* (*кельтск.* *Cantion*), *Avon* (*гаэльск.* *amhuī*п 'река'), *Eke*, *Uke* (*гаэльск.* *uisge* 'вода'), *Trent* (*гаэльск.* *trent* 'извилистый поток'), *Dover* (*гаэльск.* *dour* 'вода'), *Wye* (*гаэльск.* *gwū* 'вода'), *Bar*г (*валлийск.* *bar* 'вершина'), *Bredon* (*гаэльск.* *b*ре 'холм', *dū*п 'холм'), *Torr* (*гаэльск.* *torr* 'утес'); кельтские элементы обнаруживаются в таких названиях как *Duncombe*, *Helcombe*, *Wonchcomb* (*гаэльск.* *swm*, *sum* 'долина', 'ущелье'), *Llandaff*, *Llandoveru* (*гаэльск.* *llan* 'церковь'), *Inverness*, *Inverurie* (*гаэльск.* *inbher* 'устье') и т. п. Кроме того, целый ряд древнейших латинских заимствований, воспринятых древнеанглийским языком в первые столетия завоевания Британии, пришел, повидимому, через кельтский язык. Таковы, например, *kitchen*, *mill*, *port*, *street*, *wall*, географические названия *Chester*, *Lincoln* (см. стр. 105—106); к ним можно доба-

вить существительные *ass* (лат. *asinus*; гаэльск. *asen, asan, asyn*; да. *assa* 'осел'), *curse* (да. *curs* 'проклятие'; предполагают, что это кельтизм, возможно, связанный с латинским существительным *crux* 'крест', в пересмыслении — 'отогнание злых духов при помощи креста или крестного знамения'). Следовательно, полностью отрицать какой-либо контакт между англосаксами и кельтами, очевидно, невозможно.

Нельзя объяснить слабость влияния кельтского языка на древнеанглийский и тем, что англосаксы стояли на более высокой ступени общественно-экономического развития и не имели потребности в заимствовании слов из языков, принадлежавших отсталым по сравнению с ними племенам.

Более высокий уровень развития победившего народа вовсе не является препятствием к заимствованию слов из языка побежденного населения, — слов, обозначающих, например, различные характерные реалии его быта. Так, английский язык воспринял немалое количество слов из различных языков британских колоний, однако, это не значит, что народ Англии и народы зависимых и колониальных стран стоят на одинаковом уровне общественно-экономического развития. В латинский язык римлян — завоевателей Галлии — вошло некоторое количество заимствований из языка галлов, хотя культура Галлии не могла идти ни в какое сравнение с культурой Рима. О. Есперсен делает попытку объяснить незначительность кельтского влияния на древнеанглийский язык психологическими причинами. Он сравнивает употребление английского языка местным населением завоеванной Британии с особенностями употребления французского языка в Германии XVIII в. По мнению Есперсена, как немцы, говоря по-французски, избегали вставлять в свою французскую речь немецкие слова, так и кельты, говоря по-английски, воздерживались от употребления кельтских слов, чтобы не остаться непонятыми*. Есперсен не учитывает различий в языковой обстановке обеих сравниваемых эпох. Знание французского языка считалось в Германии XVIII—XIX вв., так сказать, признаком «изысканного» образования, и ломаная

* O. Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Oxf., 1945, стр. 35—37.

французская речь вызывала насмешки и презрение в «высших» кругах общества. Совсем другое дело — употребление древнеанглийского языка кельтами Британии, которые должны были так или иначе находить пути языкового общения с пришельцами. Трудно представить себе, чтобы кельты, говоря на языке англосаксов, не бывали вынуждены прибегать к употреблению тех или иных слов родного языка, являвшихся наименованиями предметов их хозяйственного обихода, англосаксонские эквиваленты которых были им неизвестны. Поэтому приходится признать, что подлинным объяснением слабости влияния кельтского языка на древнеанглийский мы пока не располагаем.

В новое время словарный состав английского национального литературного языка принял в себя некоторое количество кельтизмов — больше всего из ирландского и шотландского (гаэльского) языков, а также, хотя в меньшей степени, из валлийского. Причины этого разнообразны: проникновение слов из диалектов, граничащих с областями распространения кельтских языков в Англии, литературные явления (например, творчество Дж. Макферсона и Т. Чаттертона в XVIII в., В. Скотта в XIX в., привлекавшие внимание английского общества к кельтской старине, истории и быту), политические взаимоотношения с кельтскими областями Англии — главным образом, с Ирландией, которая в течение многих столетий вела борьбу с Англией за национальное освобождение, борьбу, особенно обострившуюся в XIX в. Такими позднейшими кельтизмами являются, например: *cateran* (*шотл.* *ceathairne* 'деревенщина'), *clap* (*шотл.* *clapp*; *ирл.* *clapp* 'племя', 'род'), *coracle* (*валлийск.* *corwgl* 'круглый сосуд' или 'судно'), *coronach* (*шотл.* *corranach* 'погребальный гимн'; *ирл.* *coronach* 'плач по умершему'), *colleen* (*ирл.* *sailin* 'девушка'), *claughton* (*шотл.* *claidheamh-mor* 'палаш', *букв.* 'широкий меч'), *cromlech* (*валлийск.* *cromlech* 'кромлех', *букв.* 'свод из плоских камней'), *Fenian* 'фений', член тайного общества, ставившего своей целью освобождение Ирландии из-под ига Англии и основанного в 1858 г. (от *ирл.* *fiann*, *féinne* — первоначально название легендарного отряда ирландских воинов, вождем которых был Финд Мак-Кумайл или Фингал), *flannel* (*валлийск.* *gwlanen* 'изделие из шерсти' от *gwlan* 'шерсть'), *galore* (*гаэльск.* *gu leor* 'довольно'; *ирл.*

goleor 'изобилие'), loch, lough (*шотл.* loch 'озеро'; *валлийск.* llwch 'озеро'), pibroch (*шотл.* pìobaireachd 'волынка', 'звук, издаваемый волынккой'), plaid (*шотл.* plaide 'покрывало', 'плед' от reallaid 'овчина'), shamrock (*ирл.* seamróg 'трилистник' — национальная эмблема Ирландии), slogan (*шотл.* slogan, sluaghgairm 'боевой клич'), Tory (*ирл.* toraidhe 'преследователь', 'разбойник'), whisky (*ирл.* uisce leatha 'водка', *букв.* 'вода жизни').

Целый ряд слов кельтского происхождения проник в английский язык через другие языки. Наиболее активной проводящей средой служил французский язык, из которого английский язык получил, например, такие кельтизмы, как beak (*са.* beske; *ст-фр.* bec 'клюв'; *бретонск.* bek 'острие', 'клюв'), budge (*са.* budge 'кожаный мешок'; *ст-фр.* boge 'кожаный мешок'; *гаэльск.* bolc, bolg, balg 'ягнчья шкура', отсюда budget; *фр.* bougette 'кожаный мешочек', сокращенная форма от boge, bouge, впоследствии 'бюджет') и некоторые другие.

Как уже упоминалось выше, греческие слова попадали в английский язык преимущественно через латинский и французский языки. За немногими исключениями таков путь греческих слов в словарный состав английского языка до XVI в. Многие из них, приобретая широкое употребление в английском языке, подверглись фонетическим преобразованиям под действием народной этимологии (например, *греч.* kaniophullon 'левкой' превратилось в gillyflower) или сокращению (например, *греч.* hydropsis 'водянка' стало английским общеупотребительным dropsy; *греч.* paralysis 'паралич' — *а.* palsy; *греч.* athanasia, *букв.* 'бессмертие' — *а.* tansy 'дикая рябина'). Интерес к античной литературе и философии, возникший в эпоху Возрождения как реакция против средневековой схоластики и теологии, приводит к расцвету классической филологии в Европе. Греческий язык становится предметом изучения и в Англии. Знакомство с ним дает возможность английским ученым заимствовать в необходимых случаях греческие слова прямо из греческого языка, минуя посредничество латинского или французского. Все это были научные, книжные слова, зачастую даже не транслитерированные, сохраняющие свое греческое написание, которыми английские авторы уснащали свои трактаты. Начиная с XVI в. в ан-

глийский язык вошло довольно значительное количество греческих слов подобного рода, например, асте (*греч.* актѣ 'точка', 'острие'), apotheosis (*греч.* a-potheosis 'апофеоз'), enthusiasm (*греч.* enthusiasmos 'божественное вдохновение'), apathy (*греч.* a-pathos 'бесчувственность'), athlete (*греч.* athlētēs 'борец'), atlas (*греч.* Atlas, имя мифического титана, на плечах которого якобы покоится земля), emphasis (*греч.* emphasis 'показ'), catastrophe (*греч.* katastrophē 'переворот'), lexicon (*греч.* lexis 'слово', legein 'говорить'), myth (*греч.* mythos 'миф', 'сказание') и ряд других.

Греческая научно-терминологическая традиция, сложившаяся в упомянутую эпоху, оказывает до сих пор, также как и латинская традиция, сильное влияние на английскую терминологию целого ряда областей знания, в первую очередь медицины, философии, физики. К этому вопросу мы вернемся еще в IV главе.

Кроме упомянутых выше, еще целый ряд языков Европы в большей или меньшей степени участвовал в обогащении словарного состава английского языка, например, голландский, итальянский, испанский.

Еще в эпоху средневековья между Англией и Нидерландами существовали довольно тесные торговые и промышленные связи. Англия привлекала на работу в цеховых предприятиях довольно значительное количество голландских и фламандских мастеров различных специальностей, главным образом кораблестроителей и ткачей. Поэтому английская терминология соответствующих областей промышленности, так же как и некоторых других, в течение нескольких веков сотрудничества нидерландских и английских ремесленников пополнилась заимствованиями из голландского и фламандского языков. Особенно много их в терминологии кораблестроения и мореплавания. Таковы, например, bowsprit (*голл.* boegspriet 'бушприт'), buoy (*голл.* boei 'буй'), commodore (*голл.* kommandeur 'командир'), cruise (*голл.* kruisen 'крейсировать'), dock (*голл.* dokke 'док'), marline (*голл.* marlijn 'марлинь'), orlop (*голл.* overloop 'верхняя палуба'), reef (*голл.* reef 'риф', т. е. отверстие на парусе для каната), skipper (*голл.* schipper 'шкипер'), sloop (*голл.* sloep 'шлюп'), yacht (*ср-голл.* jacht 'яхта') и т. д. Ткакие термины голланд-

ского происхождения, вошедшие в английский язык в среднеанглийский и ранненовоанглийский период, — это *to gloss* 'придавать блеск ткани' (*голл.* *gloos, gloor* 'блеск'), *rock* (*ср-голл.* *roccke* 'прялка'), *spool* (*фламандск.* *spoel* 'шпулька'), *stripe* (*ср-голл.* *strijpe* 'лоскут ткани'), *whorle* 'пряслице' (*ср-голл.* *worvel* 'блочок веретена'). Интересно, что голландское выражение *verloren hoор* 'потерянный отряд' в английском языке было переосмыслено в силу сближения по фонетическому признаку существительного *hoор* с английским существительным *hope* 'надежда', и поэтому наряду со значением 'отряд, предназначенный для отвлечения внимания противника от основных сил армии или для заслона', приобрело значение 'очень слабая надежда', 'безнадежное предприятие'.

Особую группу голландских заимствований в английском языке составляют искусствоведческие термины, пришедшие в словарный состав английского языка в связи с влиянием голландского искусства, в первую очередь живописи, достигшей высокого развития и общеевропейского признания в XVI и XVII вв. Таковы, например, *easel* (*голл.* *ezel* 'мольберт'), *to etch* (*голл.* *etsen* 'гравировать', *букв.* 'выедать', *ср. н.* *ätzen* 'травить', 'разъедать'), *landscape* (*голл.* *landschap* 'ландшафт'), *maulstick* (*голл.* *maalstok* 'муштабель') и другие. От голландских колонизаторов в Южной Африке был позднее заимствован ряд слов, например, *Bushman* (*голл.* *bosjesman* 'бушмен'), *Hottentot* (*голл.* *Hotentot* 'готентот'), *korje* (*голл.* *korje* 'головка', отсюда 'холмик'), *kraal* (*голл.* *kraal* 'загон для скота'), *Boer* (*голл.* *boer* 'крестьянин'), *laager* (*голл.* *laager* 'лагерь'), *roodebok* (*голл.* *roodbok* 'вид африканской антилопы'), *steenbok* (*голл.* *steenbok* 'каменный козел'), *veldt* (*голл.* *veld* 'поле'), *to trek* 'переселяться' (*голл.* *trekken* 'тащить'), *spoor* (*голл.* *spoor* 'след', 'тропа') и т. д.

Значительный вклад в словарный состав английского языка сделал и итальянский язык начиная приблизительно с XVI в. Многие итальянские слова, в частности, ряд военных терминов, вошли через французский язык, о чем уже упоминалось выше. В эпоху Возрождения итальянская культура, особенно в области музыки, живописи, архитектуры, литературы оказала большое влияние на культуру Англии; это отразилось, в частности, и в заимство-

вании множества слов, относящихся к перечисленным областям, уже непосредственно из итальянского языка и в большинстве случаев с сохранением их исконной формы. Таковы музыкальные термины *adagio*, *allegro*, *andante*, *aria*, *baritone*, *basso*, *contralto*, *falsetto*, *finale*, *intermezzo*, *legato*, *libretto*, *primadonna*, *piano*, *opera*, *solo*, *sonata*, *soprano*, *tarantella*, *tempo*, *trio*; термины из области изобразительных искусств, например, *cameo*, *chiaroscuro*, *fresco*, *intaglio*, *stucco*, *studio*, *terra cotta* и т. п.; литературные термины, например, *canto*, *stanza*. В широкое употребление вошли в Англии также такие слова, как *dilletante*, *grotto*, *granite*, *fiasco**, *incognito*, *lava*, *lagoon*, *soda*, *umbrella*, *volcano*; в том числе и слова, передающие в восприятии англичан-туристов характерные детали итальянской жизни, например, *gondola*, *casino*, *cicerone*, *chianti*, *macaroni*, *spaghetti*, *piazza*, *vetturino* и т. п. В связи с развитием торговых отношений Англии с Италией в английский язык пришли такие итальянские слова как *agio*, *bank* (*итал.* *banca* 'банк'), *Lombard* (*итал.* *Lombardo* 'ломбардский' от названия итальянской области Ломбардии, откуда в средние века выходило много ростовщиков и менял), *traffic* (*итал.* *traffico* 'торговля') и другие. В некоторых случаях, как это можно видеть из последних примеров, итальянские слова изменяют свою форму в английском языке, отчасти, возможно, под влиянием произношения соответствующих итальянских заимствований во французском языке, но вероятнее всего в связи с естественным отпадением конечного гласного в английском языке, особенно при передвижении ударения. Например, *artichoke* (*итал.* *articiocco* 'артишок'), *duet* (*итал.* *duetto* 'дуэт'), *bust* (*итал.* *busto* 'бюст'), *violin* (*итал.* *violino* 'скрипка'), *madrigal* (*итал.* *madrigale* 'мадригал'). Иногда изменение итальянского слова в английском языке связано со сближением конечного гласного, редуцированного благодаря безударному положению, с одинаково звучащим суффиксом, например, *balcony* (*итал.* *balcone* 'балкон') или в связи с латинизацией формы, например, *bankrupt* (*итал.*

* *Fiasco* — *бука*. 'бутылка', 'фляжка'; от итальянского идиома *far fiasco* 'потерпеть провал' возникло существительное со значением 'провал'.

bancarotta 'банкротство'). В XX в. в английский словарь вошел итальянский политический термин *fascism* (итал. *fascismo* 'фашизм').

Испанский язык внес в словарный состав английского языка целый ряд своих слов, а также послужил передатчиком многих слов из различных языков коренного населения Америки. С открытием в 1492 г. Америки Колумбом Испания становится одной из самых богатых европейских стран благодаря колонизации и ограблению Мексики, Перу, Вест-Индии и других областей американского материка. Борьба Англии с Испанией за сферы влияния в XVI в., когда происходило интенсивное расширение внешней торговли Англии, приводила к целому ряду вооруженных столкновений между обеими странами, перемежавшихся оживленными дипломатическими сношениями между ними. Была даже сделана попытка — с помощью брака испанского инфанта, будущего короля Филиппа II, с английской королевой Марией Кровавой — политически объединить обе державы (попытка, не имевшая, впрочем, реальных результатов). Этот контакт с испанскими колонизаторами в Америке и торговля Англии с Испанией дали в словарный состав английского языка целый ряд слов, передающих своеобразие американской флоры и фауны, названий некоторых товаров и т. п., т. е. слов, в конечном счете имеющих мексиканское, перуанское, индейское, бразильское, гаитянское происхождение. Расцвет испанской литературы XVI—XVII вв. и проникновение в Англию произведений Гонгора, Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона и других также способствовали усвоению английским языком довольно значительного количества испанских слов. Выступление Англии в период Наполеоновских войн на стороне Испании оживило интерес к этой стране в общественных кругах Англии. Впоследствии этот интерес выразился фактически в увлечении «испанской экзотикой», благодаря чему английский словарь пополнился некоторым количеством испанских слов чисто этнографического характера.

В результате всех этих форм контакта, сменявших друг друга на протяжении четырех столетий, в английской лексике можно насчитать несколько десятков испанских слов, заимствованных непосредственно из испанского языка. Таковы, например: *alpaca* (исп. *alpaca* 'альпакà'), *armada*

(исп. armada 'военный флот'), armadillo (исп. armadillo зоол. 'армадил', 'броненосец'), banana (исп. banana 'банан'), barbecue (исп. barbacoa, гаит. barbacoa 'решетка', 'носилки'), bastinado (исп. bastonado 'удар палкой, тростью'), bopanza (исп. Boпанза, название серебряного рудника в Неваде, впоследствии становится именем нарицательным со значением 'скопление богатой руды', 'богатая залежь'), booby (исп. bobo 'дурень'), bravado (исп. bravata 'хвастовство'), сапуон (исп. сапón 'ущелье'), cargo (исп. carga 'груз'), сосоа (исп. сасао, мексик. сасауатл 'какао'), сасіque (исп. сасіque 'вождь северо-американского индейского племени'), сапое (исп. сапоа; гаит. сапоа 'челнок', 'байдарка'), chilli (исп., мексик. chile 'красный перец'), chocolate (исп. chocolate 'шоколад'; мексик. chocolatl), cigar (исп. cigarro 'сигара', первоначально — сорт табака на Кубе), cockroach (исп. cucaracha 'таракан'), cork (исп. corcho 'кора пробкового дерева'), corral (исп. corral 'загон для скота'), contraband (исп. contrabando 'контрабанда'), соса (исп., перу соса 'кока', южно-американский кустарник), condor (исп. condor 'кондор'; перу cuntur), coyote (исп. coyote 'койот'; мексик. coyotl), to disembogue (исп. desembocar 'изливаться'), desesperado (исп. desesperado 'отчаянный'), embargo (исп. embargar 'задерживать'), fandango (исп. fandango 'фанданго', род танца), guerilla (исп. guerilla 'партизанская война', букв. 'маленькая война', уменьш. от guerra 'война'), guava (исп. guayaba 'гуява', плод), guano (исп. гуано; перу huanu 'помет'), hurricane (исп. huracan 'ураган', повидимому из караибского языка), lasso (исп. lazo 'аркан', 'лассо'), llama (исп., перу llama зоол. 'лама'), llana (исп. llano 'льяносы', южно-американские равнины), junta (исп. junta 'совещательное собрание'), maize (исп. maíz; гаит. mahiz 'маис'), manatee (исп. manatí зоол. 'морская корова', 'ламантин'), mosquito (исп. mosquito 'москит', уменьш. от mosca 'муха'), matador (исп. matador 'матадор'), mulatto (исп. mulato 'мулат'), negro (исп. negro 'негр', букв. 'черный'), peccadillo (исп. peccadillo 'грешок', 'мелкий проступок', уменьш. от pecado 'грех'), puntilio (исп. puntillo 'формальность', 'педантизм'), potato (исп. patata 'картофель', ср. перу рара 'картофель'), rampas (исп. rampas 'пампасы', южно-американские степи), quinine (исп. quinina 'хина'; перу

quina 'кора'), ranch (исп. rancho 'скотоводческая ферма'), renegade (исп. renegado 'ренегат', 'отступник'), sarsaparilla (исп. zarzaparilla 'сарсапариль', кустарник), savannah (исп. savana, sabana 'саванна', 'луг'), siesta (исп. siesta 'сиеста', 'полуденный отдых', букв. '6-й час после восхода солнца'), tobacco (исп., гаит. tabaco 'табак'), tomato (исп., мексик. tomate 'томат'), tornado (исп. tornado 'вихрь', 'шквал'), vanilla (исп. vainilla 'ваниль'), уисса (исп., гаит. уиса 'юкка', растение).

Как можно видеть и по приведенным примерам, форма испанского слова в английском языке, в основном не подвергаясь никаким морфологическим изменениям, преобразуется преимущественно только фонетически, ср., например, brocade (исп. brocado 'парча'), junta (в английском произносится [ˈdʒʌntə], в испанском [hunta] и т. п. Однако иногда трансформация испанского слова затрагивает самую его морфологическую структуру. Например, в результате слияния артикля с существительным и подстановки агентивного суффикса **-or**, в английском языке оказалось слово alligator, соответствующее его испанскому прототипу el lagarto 'аллигатор', собственно 'ящерица'. Такую же подстановку суффикса **-ock**, этимологически не существовавшего в заимствованном слове, наблюдаем в hammock (исп. hamaca 'гамак'). Есть предположение, что слияние элементов испанского словосочетания pequeño niño 'маленький ребенок' в английском языке дало существительное picnic. В словах stampede, stevedore наблюдается характерное усечение начального **e** перед **s** (исп. estampido 'грохот', 'треск'; estivador 'упаковщик'). Все испанские заимствования относятся к последним четырём столетиям, но нужно заметить, что в настоящее время закрепляемых в языке новых заимствований из испанского языка по сути дела нет (ср. falange 'фаланга'). Вряд ли можно считать таковым существительное caudillo 'главарь', которое в английском языке используется исключительно в применении к нынешнему правителю Испании Франко.

Связи английского языка с португальским были значительно слабее, потому что Португалия никогда не играла сколько-нибудь заметной роли в истории развития английского общества и его культуры. Некоторые португальские слова вошли в английский язык через французский и ис-

панский и даже голландский языки (например *caste*, *kraal*, *felish*, *molasses* и ряд других). Наиболее распространенными из числа непосредственных заимствований из португальского языка являются такие, например, как *auto-da-fé* (*порт.* *auto da fé* 'ауто-да-фе', *букв.* 'подвиг веры'), *binnacle* (первоначально *bittacle*, *порт.* *bitacola* 'футляр'), *bulse* (*порт.* *bolsa* 'кошель'), *собра* (*порт.* *sobra* 'кобра'), *dodo* (*порт.* *doudo* 'дронт' — гигантская птица, обнаруженная на Мадагаскаре и вымершая к концу XVII в., *букв.* 'глупый'), *ети* (*порт.* *е.па* 'эму' *зоол.*), *madeira* (*порт.* *Madeira* — о-в Мадера и вино, изготовляемое на этом острове), *palaver* (*порт.* *palavra* 'слово', 'притча'), *порт* 'портвейн' (*порт.* *Oporto*), *tank* 'бак', 'цистерна' (*порт.* *tanque* 'водоем', 'цистерна'), *verandah* (*порт.* *veranda* 'веранда') и другие.

Лексические заимствования из русского языка появляются впервые в английском языке в XVI в. в связи с развитием политических и торговых сношений между Россией и Англией. В 1554 г. в Англии в целях налаживания и расширения торговли с Россией была создана так называемая «Московская компания». Кроме того, известно, что между Иваном Грозным и английской королевой Елизаветой велась в течение ряда лет оживленная дипломатическая переписка. Возросший интерес к России и ее языку проявился, в частности, в выходе в свет «Русской грамматики» Генри Уильяма Лудольфа и ряда географических и этнографических описаний Московской Руси, авторами которых были такие, например, путешественники, как Уиллоуби, Дженкинсон, Иден, Кук. Ранние руссизмы и встречались преимущественно на страницах подобных описаний и воспоминаний о путешествиях по России. Они отражают по большей части специфические черты русской природы, материальной культуры, государственного устройства, общественных отношений, денежной системы и т. п. Таковы, например, *altyn*, *boyar* (*boyard*), *Cossack*, *rouble*, *muzhik*, *telega*, *verst*, *voivode*, *tsar*, *kvass*, *sterlet*, *pood*, *shuba* (XVI в.), *copeck*, *knout*, *steppe* (XVII в.), *astrakhan*, *barometz*, *kibitka*, *borzoi*, *ukase*, *suslik*, *beluga* (XVIII в.), *samovar*, *vodka*, *tundra*, *taiga*, *nihilist*, *crash* (XIX в.). Помимо обычного подчинения усваиваемых заимствований орфоэпическим и фонетическим нормам английского языка, некоторые из них подверглись зна-

чительному искажению; так, например, *barometz* — это отражение русского существительного баранец (*бom. Agnus Scythicus*); существительное *boуag* вошло в английский язык без словообразовательного суффикса *-ин*, *verst* было взято в форме родительного падежа множественного числа (повидимому, как наиболее распространенной в сочетании с большей частью числительных), слово *borzoi* представляет собой форму мужского рода соответствующего прилагательного и т. д. Интересно, что существительное *knout* 'кнут' дало в английском языке конвертированный глагол *to knout* 'бить кнутом' (впервые зафиксированный в 1772 г.). Перечисленные выше слова стали элементами английского словаря, т. е. превратились в подлинные английские лексемы. В трудах современных английских ученых по истории России можно встретить немало случаев транслитерации русских политических терминов, как например, *drushin* 'дружина', *mir* 'мир', 'община', *douma* 'дума', *oprishnina* 'опричина', *streltsi* 'стрельцы', *gascol* 'раскольничество', *zemstvo* 'земство', *narodnik* 'народник' и т. п., а иногда и кальки таких русских слов, как 'славянофилы' и 'западники' (*Slavophiles and Westerners*), 'декабристы' (*Decembrists*) и т. п.* Но эти слова вряд ли можно причислить к подлинным заимствованиям, так как они употребляются исключительно в исторических или этнографических работах о России и сопровождаются пояснениями.

Существующие описания русских заимствований в английском языке неполны, так как, во-первых, в зарубежной лингвистической литературе они охватывают только дореволюционную эпоху, и, во-вторых, они не учитывают наличия разнообразных форм и приемов заимствования, ограничиваясь лишь кратким перечнем так называемых полных или фонетических заимствований.

Русские заимствования, вошедшие в английский язык после 1917 года, существенно отличаются по своему характеру от ранних руссизмов. После Великой Октябрьской социалистической революции наша страна становится значительнейшей преобразования общества на социалистических основах. В Советском Союзе складываются и развиваются

* См., например, В. P a r e s. *A History of Russia*. 1926; *Encyclopædia Britannica*, 1946, v. 19, "Russia".

новые формы государственного и общественного строя. Новые понятия, вызванные к жизни социалистическим строительством, нашли отражение в многочисленных лексических заимствованиях во всех языках мира, в том числе, конечно, и в английском. Эти лексические заимствования обычно называют советизмами.

С точки зрения собственно формы английские советизмы распадаются на несколько типов.

К первому типу относятся полные или фонетические заимствования, т. е. такие, которые вошли в английский язык в своей исконной звуковой форме, разумеется, известным образом модифицированной в соответствии с английской фонологической системой. Таковы, например, Soviet, bolshevik, Komsomol, artel, Comintern, commissar, Rabfac, kolkhoz, sovkhoz. В подавляющем большинстве эти слова сохраняют неизменной присущую им семантику. Однако встречаются и случаи известного переосмысления слов уже в пределах английского языка. Существительное bolshevik употребляется и в прямом своем значении 'член Коммунистической партии Советского Союза', и в характерном для буржуазной идеологии переосмыслении 'человек крайних революционных взглядов'. В одном из английских словарей это слово объясняется следующим образом: «крайний революционер. . . от русского «большинство», от большинства, голосовавшего за Ленина на съезде русских социалистов в Лондоне в 1903 г.»*. Таким образом, точное политическое содержание этого слова привлекается здесь лишь для его этимологического истолкования. Переосмыслению подвергается и форма множественного числа существительного Soviet, используемая иногда в качестве наименования Советского государства, а иногда — в значении 'советская власть' (under the Soviets — 'при советской власти').

Фонетических заимствований среди английских советизмов сравнительно немного. Некоторые из них прочно вошли в английский язык и находят широкое и постоянное употребление; другие в настоящее время стали менее употребительными, либо из-за утраты ими непосредствен-

* А. М. Н у а m s o n. A Dictionary of English Phrases. L., 1922.

ной актуальности, так как они отражают явления, относящиеся к пройденному нашей страной этапу развития (например, Rabfac), либо из-за вытеснения их более общепринятыми словами-кальками (Komsomol—Young Communist League и т. п.).

К полным заимствованиям следует отнести также те слова, которые, входя в состав интернациональной лексики и существуя в качестве элементов ее и в русском и в английском языках, приобрели затем в русском языке послеоктябрьской эпохи новое значение и с этим новым значением перешли в английский язык как русские заимствования. Таковы, например, pioneer в значении 'член детской коммунистической организации' и brigade в значении 'производственная группа' (ср. английские образования shockbrigade 'ударная бригада', liaison-brigade 'сквозная бригада').

Группа полных заимствований расширяется медленно. Значительно более распространен другой тип, а именно, слова-кальки. Эта группа советизмов все время растет, принимая в себя все новые и новые слова, отражающие все новые и новые понятия. Таковы: depersonalization 'обезличка', self-criticism 'самокритика', heatification 'теплофикация', vernalization 'яровизация', purge 'чистка', wrecker 'вредитель', labour-day 'трудодень', ср. также устойчивые назывные словосочетания типа Five-Year Plan 'пятилетний план', social work 'общественная работа', house of culture 'дом культуры', socialist emulation 'социалистическое соревнование', producers' cooperative 'промокооперация', consumers' cooperative 'потребительская кооперация', political guide 'политрук', Red Army 'Красная армия', machine-tractor-station 'машинно-тракторная станция', collective agreement 'коллективный договор', Peoples's Court of Justice 'народный суд', social property 'социалистическая собственность', overfulfilment 'перевыполнение', democratic centralism 'демократический централизм', peace shift 'вахта мира', hero of labour 'герой труда' и т. п.

Иногда под влиянием русского выражения точно калькируется словосочетание, которому соответствует уже имеющийся в английском языке эквивалент. Так, наряду с общепринятыми сочетаниями socialist order, socialist

regime встречается и точная калька с русского 'социалистический строй' — socialist structure. Иногда стремление к точному воспроизведению структуры русского словосочетания приводит к смысловой нечеткости. Например, 'школа 1-й ступени' калькируется как first-grade school, и эта формальная точность словесной копии создает семантическую неясность, так как first grade в английском языке может означать 'первоклассный', особенно в американской фразеологии. Или, скажем, выражение 'производственное обучение' передается как productive learning. Эта калька явно неудачна ввиду многозначности в английском языке прилагательного productive, которое означает не только 'производственный', но и 'производительный', 'продуктивный', 'эффективный', 'плодотворный'. Поэтому некоторые авторы прибегают к передаче этого понятия посредством словосочетания technological learning.

Примененный в последнем случае способ передачи русского выражения по существу представляет собой не калькирование, а скорее поясняющий перевод. Это третий тип русских заимствований послеоктябрьской эпохи. Понятие 'единоличник' передается лексемой individual peasant; 'бедняк' — poor peasant; 'середняк' — middle peasant; 'колхоз' — collective farm; 'колхозник' — collective farmer; 'прогрессивная система оплаты труда' (прогрессивка) — progressive piece-rate system и т. п. Эти случаи не являются результатом калькирования, так как в них налицо пересказ значения, а не воспроизведение самой этимологической структуры русских лексем.

Нужно сказать, что иногда поиски английского эквивалента для русского термина, попытка применения поясняющего перевода для передачи понятий специфических для советского социалистического общественного и государственного строя, сводится к подмене не только русского слова, но и самого понятия, им выражаемого. Это бывает, например, в тех случаях, когда допускается замена русских политических терминов такими английскими терминами, которые по сути дела отражают принципиально иную социальную систему. Например, 'Председатель Совета Министров' очень часто превращается в Premier, 'Председатель Президиума Верховного Совета' — в President of the Soviet Union, 'совет' — в council и т. п. Само

собой разумеется, что все эти случаи нельзя расценивать как заимствования из русского языка.

Некоторые советизмы обнаруживают известную неустойчивость или, вернее, незакрепленность формы: одна и та же русская лексема находит несколько равноправных отражений в английском языке, различным образом оформленных. Приведем несколько примеров. Русское 'комсомол' иногда отражается в виде полного заимствования *Komsomol*, а иногда как поясняющий перевод *Young Communist League*; 'школа 1-й ступени' — как калька *first-grade school*, или как поясняющий перевод — *primary school*, ср. также: *kolkhoz*=collective farm; *sovkhoz*=state farm; *Gosplan*=State Planning Commission; *Pioneers' Palace*=Children's Palace; *purge*=clean-out; *maternity-centre*=consultative centre; *Leningradets*=Leningrader. Тяготение многих прогрессивных английских писателей к поясняющему переводу объясняется, повидимому, стремлением к максимальной доходчивости изложения.

Семантическая сфера, к которой принадлежит подавляющее большинство английских советизмов, это комплекс общественно-политических понятий, возникавших в ходе строительства первого в мире социалистического государства. Значительная часть советизмов, как мы видели, отражает те или иные особенности государственного строя СССР, социалистической хозяйственной системы, социалистической культуры. В них отражается новое отношение к труду, немислимое в условиях капиталистического общества, например: *socialist emulation*, *Stakhanovite*, *shock-worker*. Острая классовая борьба, сопровождавшая построение социализма в нашей стране, наложила свой отпечаток и на английские советизмы (см. слова типа *wrecker*, *purge*, *kulak*).

Обращает на себя внимание то, что русских заимствований, выражающих понятия, связанные с бытовой стороной советской жизни, в английском языке после Октябрьской революции фактически нет. При описании нашего повседневного быта английские писатели и публицисты обходятся средствами своего языка, пользуясь либо существующими равнозначными лексическими эквивалентами, либо описательными приемами. В редких случаях, — повидимому, для придания своего рода наци-

онального колорита при описании каких-либо бытовых деталей, — употребляются подлинные русские названия этих деталей в латинской транслитерации, печатаемые курсивом или в кавычках, чаще всего с сопроводительными пояснениями, например, *social tasks, called nagruzka* (load); *pamyatka* — a list of instructions и т. п. Вообще же характерно, что такие «курсивные» слова употребляются чаще всего при описании дореволюционной России. Например, лауреат Международной Сталинской премии Мира Хьюлетт Джонсон, описывая скудость жизни беднейшего крестьянства в царской России, говорит, что бедняки вынуждены были кормить своих детей только *with the inevitable kasha*, т. е. 'неизбежной кашей' и т. п. (ср. *povivalnaya babka* — midwife; *paranja* — woman's veil и т. п.)*.

Интересно, что современные английские толковые словари почти совершенно не отражают вошедших в английский язык советизмов. Повидимому, английские лексикографы избегают их фиксировать, полагая, что истолкование этих слов может привести, даже помимо воли составителя словаря, к пропаганде коммунистических идей. Поэтому они предпочитают их игнорировать.

В современной английской лексике имеется также некоторое количество заимствованных немецких слов. До XX в. знание немецкого языка в Англии было редкостью. Поэтому немецкий язык, несмотря на все значение для Англии немецкой науки, философии, музыки и техники, дал очень немного полных, т. е. фонетических заимствований в английский язык. Чаще всего влияние немецкого языка проявляется в форме калькированных слов и словосочетаний, как например, *blood and iron* (нем. *Blut und Eisen* 'постоянное применение силы' — политический принцип Бисмарка, букв. 'кровь и железо'), *bolt from the blue* (нем. *Blitz aus blauem Himmel* 'гром среди ясного неба', букв. 'молния с голубого неба'), *chain-smoker* (нем. *Kettenraucher* 'заядлый курильщик', букв. 'цепной куриль-

* См. "Daily Worker," L., 1947—1952; The Times Educational Supplement, L., 1946; H. J o h n s o n. The Secret of Soviet Strength. N. Y., 1943; C. L a m o n t. The Story of Soviet Progress. N. Y., 1943; M. D o b b. Soviet Planning and Labour in Peace and War. N. Y., 1939; S. N e a r i n g. Glimpses of the Soviet Republic. N. Y., 1926.

щик'), God's acre (*нем.* Gottesacker 'кладбище', *букв.* 'божье поле'), homesickness (*нем.* Heimweh 'тоска по родине'), iron rations (*нем.* eiserne Ration 'неприкосновенный солдатский паек', *букв.* 'железный паек'), mailed fist (*нем.* gepanzerte Faust 'бронированный кулак'), masterpiece (*нем.* Meisterstück 'шедевр', исторически — 'работа на звание мастера'), place in the sun (*нем.* Platz an der Sonne 'место под солнцем', старое выражение, использованное в конце XIX в. агрессивными кругами Германии в политическом смысле, 'право на участие в колониальных сверхприбылях'), song without words (*нем.* Lieder ohne Worte 'песни без слов', от названия фортепианных пьес Ф. Мендельсона), storm and stress (*нем.* Sturm und Drang 'буря и натиск'), swan song (*нем.* Schwanengesang 'лебединая песня'), onesided (*нем.* einseitig 'односторонний'), time-spirit (*нем.* Zeitgeist 'дух времени'), superman (*нем.* Übermensch 'сверхчеловек'), world-famous (*нем.* weltberühmt 'всемирно известный'). Особенно много калькированных слов и выражений пришло из терминологии классической немецкой философии, например, thing-in-itself (*нем.* Ding an sich 'вещь в себе'), world-outlook (*нем.* Weltanschauung 'мировоззрение') и другие, а также из терминологии научного социализма Маркса и Энгельса, например, class struggle (*нем.* Klassenkampf 'классовая борьба'), dictatorship of the proletariat (*нем.* Dictatur des Proletariats 'диктатура пролетариата'), surplus value (*нем.* Mehrwert 'прибавочная стоимость'), world market (*нем.* Weltmarkt 'мировой рынок') и т. д.*

Подавляющее большинство полных заимствований из немецкого языка составляют слова терминологического характера, например, bismuth (*нем.* Bismut *хим.* 'висмут'), cobalt (*нем.* Kobalt *хим.* 'кобальт'), feldspar (*нем.* Feldspat *геол.* 'полевой шпат'), gneiss (*нем.* Gneis *геол.* 'гнейс'), leit-motive (*нем.* Leitmotiv *муз.* 'лейтмотив'), nickel (*нем.* Nickel *хим.* 'никель'), rinderpest (*нем.* Rinderpest *вет.* 'чума рогатого скота'), Fahrenheit (*нем.* Fahrenheit 'Фаренгейт', термометр со шкалой, на которой точка

* См. В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1948, стр. 86; А. Коопин. English Lexicology. М., 1940, стр. 46.

таяния льда обозначается 32-м градусом, а точка кипения воды — 212-м градусом; назван по имени изобретателя — физика XVIII в.), quartz (нем. Quarz геол. 'кварц'), shale 'глинистый сланец' (нем. Schale геол. 'глинистый сланец', букв. 'скорлупа'), schiller (нем. Schiller техн. 'игра красок', 'переливы цветов'), schlich (нем. Schlich горн. 'шлих'), schmelz (нем. Schmelz техн. 'эмаль', 'глазурь'), schlieren (нем. Schlieren геол. 'шлифы'), zinc (нем. Zink хим. 'цинк') и т. п. К этой группе относятся и многие термины, образованные в немецком языке из греко-латинских морфем, например, allopathy (нем. Allopathie 'аллопатия'), dialectic (нем. Dialektik 'диалектика'), teleology (нем. Teleologie 'телеология'), tuberculin (нем. Tuberkulin 'туберкулин', препарат Коха из туберкулезных палочек), homeopathy (нем. Homöopathie 'гомеопатия'), transcendental (нем. transzendental филос. 'трансцендентальный', 'внеопытный') и т. п.

Из обиходных слов немецкого происхождения назовем такие, как dachshund (нем. Dachshund 'такса'), hinterland (нем. Hinterland 'территория, идущая вглубь страны от побережья или от линии фронта'), kapellmeister (нем. Kapellmeister 'капельмейстер', 'руководитель хора'), kindergarten (нем. Kindergarten 'детский сад'), lagerbeer (нем. Lagerbier 'легкое немецкое пиво'), mangel-wurzel (нем. Mangoldwurzel 'листовая свекла'), to plunder (нем. plündern 'грабить' — слово, с которым англичане познакомились во время Тридцатилетней войны), roodle (нем. Pudel 'пудель'), pretzel (нем. Prezel 'род печенья'), rucksack (нем. Rucksack 'рюкзак'), swindler (нем. Schwindler 'мошенник'), schnaps (нем. Schnaps 'шнапс', 'водка'), sauerkraut (нем. Sauerkraut 'кислая капуста'), waltz (нем. Walzer 'вальс'). Слова landsturm (нем. Landsturm 'ополчение'), landtag (нем. Landtag 'ландтаг'), landwehr (нем. Landwehr 'ополчение 1-го разряда') отражают особенности старой немецкой военной и государственной организации. В годы гитлеровского режима в Германии и в период второй мировой войны в английский язык вошли такие немецкие слова, как Blitzkrieg 'молниеносная война', SS-man (нем. SS-mann 'эсесовец'), Luftwaffe 'военно-воздушный флот', Wehrmacht 'вооруженные силы' и другие.

Большая часть немецких заимствований попала в словарный состав английского языка книжным путем, т. е. через

научную, публицистическую и периодическую литературу.

Из остальных языков Европы такие как венгерский, польский, молдавский дали в словарный состав английского языка всего по несколько слов. Например, из молдавского взято слово *hospodar* (молд. *hospodar* 'господарь'), из венгерского заимствованы слова *haiduk* (венг. *hajdú* 'гайдук'), *goulash* (венг. *gulyás* 'гуляш'), *hussar* (венг. *huszár* 'гусар', вероятно, через фр. *houssard* 'гусар'); существительное *coach*, заимствованное английским языком из французского (фр. *coche* 'повозка'), имеет также в конечном счете венгерское происхождение (венг. *kocsi* 'каре́та'), то же и со словом *shako* (фр. *shako*; венг. *csákó* 'кивер', военный головной убор). *Polka* и *mazurka*, пожалуй, единственные слова, пришедшие из польского языка в английский, относительно происхождения которых не возникает никакого сомнения; существительное *uhlan* (*ulan*), возможно, пришло в английский язык не прямо из польского, а через французский язык, да и в польском оно, как считают, является чужеродным (тур. *oglan* 'молодец'). Такие же языки как баскский, албанский и некоторые другие совсем не имели никакого лексического влияния на английский язык.

Однако пополнение словарного состава английского языка шло не только за счет языков народов, населяющих Европу. Многие неевропейские языки также дали немало иноязычных элементов в английский язык. Первым из таких неевропейских языков был арабский. Арабские заимствования начали проникать в английский язык еще в средние века — преимущественно через французский язык.

В словарном составе английского языка встречаются арабские слова двух типов. Во-первых, специальные термины — математические, химические, медицинские и т. п. — наличие которых объясняется высоким уровнем развития арабской науки, оказавшей в средние века определенное влияние на европейскую науку. Во-вторых, различные слова, связанные с этнографией арабских народностей. Таким образом, в английском словаре мы находим, с одной стороны, такие слова как *algebra* (араб. *al-jabr* 'вычисление'), *alémbic* (араб. *al-anbíq* 'чаша'), *elixir* (араб. *al-iksír* 'фило-

софский камень'), cipher (араб. *ṣifr* 'пустой'), alkali (араб. *al-qaly* 'щелочь', букв. 'зола'), azimuth (араб. *as-samt*, мн. ч. *as-sumūt* 'пути'), nadir (араб. *nadīr* 'напротив') и т. п.; с другой стороны, такие, как harem (араб. *ḥarīm* 'гарем', букв. 'запретное'), hashish (араб. *hashish* 'гашиш' — наркотик из индийской конопли), emir (араб. *amīr* 'правитель', 'начальник'), imām (араб. *imām* 'глава', 'священник'), islam (араб. *islām* 'ислам', 'мусульманская религия'), khalifa (араб. *khalīfah* 'калиф', букв. 'преемник'), moslem (араб. *muslim* 'мусульманин', 'правоверный'), muezzin (араб. *mūzin* 'вестник'), mufti (араб. *mufti* 'муфтий', ученый законовед-богослов), sherbet (араб. *shurb*, мн. ч. *sharābāt* 'фруктовые напитки') и т. п.

Переводы Библии на английский язык — Дж. Уиклифа (конец XIV в.), У. Тиндаля (XVI в.) и так называемая "Authorized Version of the Holy Bible" (1611), — имевшие широкое распространение в Англии, способствовали усвоению английским языком некоторого количества древнееврейских слов, оставшихся непереуведенными и в греческой и в английской версии. Таковы: cherub (др.-евр. *k'rub* 'крылатое существо'), hallelujah (др.-евр. *halelu, Jah* 'слава тебе, Иегова'), manna (др.-евр. *man* 'дар'), Messiah (др.-евр. *māshiāh* 'помазанник'), seraph (др.-евр. *serāph* 'серафим', мн. ч. *seraphim*, связано с глаголом *sāraph* 'гореть', 'блистать'), shekel (др.-евр. *shāqal* 'взвешивать'), shibboleth (др.-евр. *shibbōleth* 'опознавательный знак', букв. 'усик колоса') и другие.

С XVII в. начинается колониальная экспансия Англии и связанный с ней приток слов из языков колониальных и полуколониальных стран. В 1600 г. в целях монополизации торговли с Индией была организована Ост-Индская компания, через которую господствующие классы Англии постепенно осуществляли сначала экономическое, а затем и политическое порабощение Индии. В начале XVII в. началось заселение Северной Америки английскими эмигрантами. Северная Америка стала колонией Англии и оставалась ею до 80-х гг. XVIII в., когда в результате войны за независимость (1775—83) она отделилась от метрополии и образовала Соединенные Штаты Америки. Из языков различных племен северо-американских индейцев английский язык взял целый

ряд слов, отражающих специфику североамериканской природы и быта индейских племен. В середине XVIII в. началась также колонизация Австралии; сначала ее освоение осуществлялось с помощью высылки туда политических и уголовных преступников, которые по отбытии срока каторги оставались там на поселении. В XIX в. в Австралии были открыты богатые месторождения золота. В связи с этим увеличивается иммиграция англичан в Австралию. Местные племена безжалостно сгонялись ими со своих мест и истреблялись. В словарный состав литературного английского языка вошло очень немного австралийских слов. Характерно, что даже австралийские географические и зоологические названия в подавляющем большинстве представляют собой английские лексические образования. Попутно с колонизацией Австралии совершилась колонизация и Новой Зеландии и ряда островов Океании.

Первые попытки захвата Южной и Центральной Африки относятся еще к середине XVIII в., но развернутое наступление английского капитализма на этот континент было начато в 1806 г., когда Англия захватила голландскую Капскую колонию и получила возможность контроля над всей Южной Африкой. Отсюда приток в словарный состав английского языка ряда слов из различных языков туземного населения Африки, а также голландских слов, о которых уже упоминалось выше. В начале XX в. в результате победы в войне с бурами, потомками голландских поселенцев в Южной Африке, Англия захватила их республики, богатые разнообразными ископаемыми. Британский «протекторат» над Египтом, фактически установившийся в последней четверти XIX в., естественно, также отразился на английской лексике, хотя некоторая часть коптских и древнеегипетских слов пришла в английский язык значительно раньше через французский язык.

Таким образом, в эпоху расцвета капитализма и на первых этапах развития империализма щупальцы английского капитала проникли почти во все части света. Поэтому обогащение словарного состава английского языка происходило не только как следствие прямой колонизации неевропейских территорий, но и в результате создания английских торговых и промышленных предприятий в целом ряде стран, например, в Китае, Японии, Иране и т. д.

Из наиболее прочно вошедших заимствований из индийских языков можно привести такие как *bandana* (*хинди* *bandhnā* 'способ окраски тканей'), *bangle* (*хинди* *bangrī* 'кольцо', 'браслет'), *brahman* (*хинди* *brahman* 'брамин'), *calico* (*хинди* *Kalikut* 'Каликут' — место изготовления данного сорта ткани), *cashmere* (*хинди* *Cashmere* 'Кашемир' — область в западной части Гималаев — место разведения особой породы коз, из шерсти которых выделялась эта ткань), *chintz* (*хинди* *chintz* 'узорчатая хлопчатобумажная ткань'), *jute* (*санскр.* *jōt* 'джут', индийская конопля), *bungalow* (*бенг.* *bangalah* 'бунгало'), *chutnee* (*хинди* *chatnī* 'пряная острая приправа'), *dawk, dak* 'почтовое сообщение посредством сменных носильщиков' (*хинди* *dāk* 'смена людей'), *ghee* (*хинди* *ghī* 'масло из буйволового молока'), *juggernaut* (*санскр.* *Jagatnātha* 'владыка мира'), *jungle* (*хинди* *jangal* 'джунгли'), *khaki* (*урду* *khākī* 'пыльный'), *loot* (*хинди* *lūt* 'награбленное'), *nirvana* (*санскр.* *nirvāna* 'исчезновение', 'затухание'), *pariah* (*тамилск.* *paṛāiyār* 'пария', *букв.* 'барабанщик'), *rugree* (*хинди* *ragrī* 'тюрбан', 'шарф', надеваемый на шляпу для защиты от солнца), *rudrit* (*хинди* *rapdīt* 'индусский ученый'), *punkah* (*хинди* *pankha* 'опахало'), *gajah* (*хинди* *gājā* 'правитель'), *guree* (*хинди* *gūriyāh* 'серебро', 'серебряная монета'), *shampoo* (*хинди* *chāmpna* 'сжимать', 'давить').

Из Малайи пришли слова: *amuck* (*малайск.* *amok* 'сбезумевший'), *beriberi* (*малайск.* *beriberi* 'берибери', болезнь), *betel* (*малайск.* *vetilla* 'бетель', растение), *bamboo* (*малайск.* *bambu* 'бамбук'), *caddy* (*малайск.* *kati* 'пачка чая'), *cassowary* (*малайск.* *kasuārī* 'казуар', род страуса), *cockatoo* (*малайск.* *kakatúa* 'какаду'), *gong* (*малайск.* *gong* 'гонг'), *gutta-percha* (*малайск.* *gutta* 'камедь', *percha* 'камедное дерево'), *logy* (*малайск.* *luri* 'лори', австралийский попугай), *orang-outang* (*малайск.* *ōrang-utan* 'оранг-утан', *букв.* 'лесной человек') и т. п.

Из китайского в английский язык пришли слова *bohea* (*кит.* *Bu-i*, название горной местности, где выращивается данный сорт чая), *congou*, (*кит.* *kung-fu*, сорт черного чая), *ginseng* (*кит.* *jên-shên* 'жень-шень'), *hyson* (*кит.* *hei-ch'un*, сорт зеленого чая, *букв.* 'цветущая весна'), *pankeen* (от *кит.* *Nankin*, названия города в Китае), *kaolin* (*кит.* *Kao-ling*, место, где добывается этот вид глины), *sampan*

(*кит.* san-paп 'лодка', *букв.* 'три доски'), tea (*кит.* té 'чай'). Целый ряд китайских слов пришел в английский язык через французский, например, bonze, serge и другие.

Непосредственно из японского языка, повидимому*, были взяты слова geisha (*яп.* geisha 'гейша', *букв.* 'искусница'), harakiri (*яп.* hara-kiri, форма самоубийства самураев путем вспарывания живота, от hara 'живот', kiri 'разрезание'), jinriksha, riksha (*яп.* jin-riki-sha 'рикша', 'возница ручной двуколки', от jin 'человек', riki 'орудие', sha 'повозка'), jiujitsu (*яп.* jiujutsu 'джиу-джитсу', японская система рукопашной борьбы), kimono (*яп.* kimono 'кимоно', ki 'одевание', mono 'вещь'), samurai (*яп.* samurai 'самурай', представитель феодального военного сословия, *букв.* 'рыцарь', 'страж'), soy (*яп.* shoyu 'соя').

Из тибетского языка заимствованы слова: dalai-lama (*тиб.* dalai-blama 'далай-лама', *букв.* 'море-лама', т. е. 'с властью, безграничной как море'), lama (*тиб.* blama 'лама', ламаистский монах-священник), yak (*тиб.* jag 'як') и некоторые другие.

Австралийское происхождение имеют слова boomerang, kangaroo, kaola, wallaby; полинезийское — tattoo, taboo; африканское — baobab, chimpanzee, gnu, gorilla, guinea, gumbo, kola, negus, zebra. Что касается египетских заимствований, то все наиболее распространенные из них пришли в английский язык преимущественно через французский или латинский языки, ср. ibis (*конт.* hibōi; *лат.* ibis 'ибис'), pyramid (*фр.* pyramide; *лат.* pyramis; *египт.* pirōmī 'пирамида'), fustian (*ст-фр.* fustaine, от Fostat, названия пригорода Каира, где выделялась эта ткань) и т. п.

Из языков различных племен северо-американских индейцев пришли в английский словарь такие слова, как saucus (*алгонк.* kawkawasu 'советник'), hickory (*уто-ацтекск.* rohikery 'род орешника'), moccasin (*алгонк.* takisin 'мокассин'), hominy (*уто-ацтекск.* ahuiminea 'вареный манс', 'мамалыга'), opossum (*уто-ацтекск.* opasom 'опосум', 'сумчатая крыса'), persimmon (*алгонк.* persimin 'финиковая слива'), rowwow (*наппангасетск.* ro-wah 'жрец',

* В других европейских языках эти японские слова отмечены позже, чем в английском.

‘колдун’, ‘шаман’), racoon (*уто-ацтекск.* ‘arathkone ‘енот’), skunk (*алгонк.* segongw ‘скунс’), squaw (*наппангасетск.* squaws ‘женщина’), toboggan (искажение индейского слова odabagan ‘сани’), tomahawk (*делаварск.* tamaihecan; *могик.* tumnahegan; *алгонк.* tomehagen ‘томагавк’), wigwam (*алгонк.* mikiwam, wikiwam ‘вигвам’), wariti (*диал. кри* waritik ‘белый олень’) и другие. Кроме того с некоторых индейских слов были сделаны кальки, отражающие обычаи и воззрения индейцев. Однако эти кальки чаще употребляются в переосмыслении: pipe of peace, war-path, war-paint, pale-face и т. п.

Можно было бы продолжать перечень тех языков, которые прямым путем принесли в словарный состав английского языка какое-то количество слов; например, персидский и турецкий языки дали сравнительно немного непосредственных заимствований; большая часть слов из этих языков пришла через французский язык. Прямо из персидского взяты слова bezoar (*перс.* rad-zæhr ‘противоядие’), caravansary (*перс.* karævæn-særa ‘каравансарай’), lemon (*перс.* limu ‘лимон’), carboy (*перс.* qæggabæ ‘фляга’), shah (*перс.* shah ‘шах’) и некоторые другие. Интересно, что некоторые персидские слова вошли в английский язык двояким путем — и прямо из персидского и через французский; при этом может иметь место и расхождение значений этих параллельных форм. Например, персидское слово shah некогда пришло из старофранцузского в форме chess (*ст-фр.* eshes ‘шахматы’). Персидское слово jasætmæn ‘жасмин’ существует в английском языке в форме jessamine, отражающей исходную персидскую форму, и в форме jasmine, представляющую собой французское заимствование (*фр.* jasmin).

Как можно видеть даже из приведенного, конечно, далеко не полного материала, словарный состав английского языка вобрал в себя действительно огромное количество слов из самых различных языков мира. Причины этого лежат в специфике исторического развития Англии. Специфика эта заключается в том, что английский народ постоянно находился в непосредственном контакте со многими иноязычными народами, сначала в качестве побежденного народа, впоследствии, в силу превращения Англии в колониальную державу — в качестве народа-

колонизатора. Кроме того, в определенный исторический период в Англии действовали на положении функциональных языков разных сфер общественной деятельности латинский и французский языки. Хотя английский язык вышел победителем из борьбы с языками завоевателей, хотя он насильственно насаждался в колониальных и полуколониальных странах, тем не менее он не мог не впитать в свой словарный состав множества слов из языков, с которыми приходил в соприкосновение. Именно эти исторические обстоятельства и объясняют такое обилие иноязычных элементов в словарном составе английского языка; поэтому наивными кажутся попытки Дж. Гринафа и Дж. Киттреджа объяснить это явление своеобразной силой инерции, т. е. тем, что для английского языка, в свое время усвоившего так много чужих слов, заимствование новых слов стало якобы привычкой*, и рассуждение О. Есперсена относительно «языковой лени англичан», в силу которой англичане будто бы предпочитали просто усваивать чужие слова, чем искать способы передачи заимствуемых понятий средствами своего родного языка**. Подобные поиски психологических причин широкого использования иноязычных заимствований в английском языке уводят исследователя в сторону от единственно правильного пути разрешения данной проблемы в целом, а именно, от объяснения исследуемого явления особенностями истории народа, творца и носителя английского языка.

Однако чисто количественный лексикографический подсчет заимствованных слов недостаточен для подлинного анализа роли иноязычных заимствований в словарном составе современного английского языка. Более точная картина этимологических основ современной английской лексики может быть получена только при условии выяснения различий в самих типах лексических заимствований, а также их судьбы, т. е. сферы их употребления, степени их распространенности, словом, их функционирования в английском языке.

* J. B. Greenough and G. L. Kittredge. *Words and Their Ways in English Speech*. N.Y., 1922, стр. 108.

** O. Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Oxf., 1945, стр. 145—146.

Глава III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАИБОЛЕЕ УСТОЙЧИВОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО СЛОЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, каковы этимологические основы словарного состава современного английского языка, необходимо прежде всего представить себе, каковы генетические истоки его наиболее устойчивых элементов. Это необходимо по следующей причине. Противоречие между двумя противоборствующими тенденциями, действующими в словарном составе языка—его постоянной изменчивостью, с одной стороны, и стремлением к сохранению своего качества, с другой,—разрешается именно в силу того, что какая-то часть словарного состава языка проявляет большую устойчивость, чем остальные, и сохраняется в языке на протяжении длительного времени, иногда тысячелетий. Именно поэтому характеристика этого стоявшего пласта словарного состава языка имеет такое важное значение для общего этимологического анализа лексической системы данного языка.

Нельзя, впрочем, представлять себе дело так, что, проанализировав с этимологической точки зрения это устойчивое лексическое ядро (которое в последние годы обычно называют основным словарным фондом, причем этот термин наполняется подчас весьма схоластическим содержанием*), мы тем самым получим общую картину, общую оценку словарного состава современного английского языка в целом. Ожидать этого было бы, конечно, не-

* См. по этому вопросу: Н. А. Янко-Триницкая. О границах основного словарного фонда в словарном составе языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 6.

правильно. Есть многое в словарном составе языка, чего нет в его устойчивом ядре, например, ряд терминов, неологизмы, стилистические раритеты, находящиеся на периферии языкового употребления. Однако для определения национальной специфики словарного состава языка не безразлично, какова этимологическая база его наиболее жизнеспособных элементов.

Если начинать рассмотрение этого вопроса с анализа древнейшего пласта лексического ядра английского языка, то мы увидим, что известное количество слов восходит к общему индоевропейскому источнику и имеет соответствия за пределами собственно германской группы языков, обнаруживая тем самым индоевропейскую основу английского языка. Возьмем некоторые примеры, учитывая закономерные звуковые параллели и возможные комбинаторные и позиционные изменения звуков в отдельных языках.

Индоевропейские соответствия имеют некоторые английские термины родства, такие как FATHER (да. *fæder*; г. *fadar*; *исл.* *faðir*; датск., шв. *fader*; голл. *vader*; нем. *Vater*; греч. *patér*; лат. *pater*; перс. *padær*; санскр. *pitṛ*); BROTHER (да. *broðor*; г. *broðar*; *исл.* *bróðir*; датск., шв. *broder*; голл. *broeder*; нем. *Bruder*; гаэльск., ирл. *brathair*; валлийск. *brawd*; русск. брат; лат. *frater*; санскр. *bhratr*); MOTHER (да. *mōdor*; *исл.* *moðir*; датск., шв. *moder*; нем. *Mutter*; голл. *moeder*; гаэльск., ирл. *mathair*; русск. мать; лит. *motė*, *motina* 'мать'; лат. *māter*; греч. *méter*; перс. *madær*; санскр. *mātā*, *mātr*); DAUGHTER (да. *dohtor*; г. *dauhtar*; *исл.* *dóttir*; датск. *datter*; шв. *dotter*; голл. *dochter*; нем. *Tochter*; русск. дочь; лит. *duktė*; греч. *thygáter*; перс. *dokhtær*; санскр. *duhitṛ*); SON (да. *sunu*; г. *sunus*; *исл.* *sunr*; датск. *søn*; шв. *son*; нем. *Sohn*; лит. *sūnus*; русск. сын; др.-ирл. *suth* 'рождение'; санскр. *sūnu* — от *su*, *sū* 'рождать').

Общие индоевропейские элементы, иногда обнаруживающие значительные разветвления значений, можно найти и среди наименований предметов и явлений окружающей природы. Таковы, например, FIRE (да. *fȳr*; *исл.* *fýri*; датск., шв. *fyr*; нем. *Feuer*; двн. *fûir*; голл. *vuur*; греч. *pŷr*); HILL (да. *hyll*; ср.-голл. *hil*; лат. *collis*; лит. *kalnas* 'гора' < *kelti* 'поднимать'); MOON (да. *mōna*; г. *mēna*; нем. *Mond* < двн. *māno*; *исл.* *máni*; датск. *måne*; шв. *måne*;

голл. маан; греч. mēne; лит. mėnulis; санскр. māś); MOOR (да. mōr; исл. mór; ср-голл. moer; датск. morads; нн. moor; двн. тиог 'озеро', 'море', 'болото'; г. marei 'море', 'озеро'; санскр. māryāda 'побережье'); NIGHT (да. niht; г. nahts; нем. Nacht; голл. nacht; исл. nátt; датск. nat; шв. natt; валлийск. nos; ирл. nochd; лит. naktis; русск. ночь; лат. пох; санскр. nakt); STAR (да. steorra; двн. sterro; нем. Stern; голл. ster; исл. stjarna; датск. stjerner; шв. stjärna; г. stairnō; лат. stella < *sterla; корн. steren; бретонск. sterenn; валлийск. seren; греч. astér; санскр. tārā); SNOW (да. snā; г. snaiws; исл. snær; датск. sne; шв. snö; нем. Schnee; голл. sneeuw; лит. sniegas; русск. снег; лат. nix; греч. niphás; ирл. sneachd; валлийск. nyf); SUMMER (да. sumor; исл. sumar; датск. sommer; голл. zomer; шв. sommar; нем. Sommer < двн. sumar; др-ирл. sam; др-валлийск. ham; зендск. hama; санскр. samá 'род'); SUN (да. sunne; г. sunnō; голл. zon; нем. Sonne; исл. sól; датск., шв. sol; г. sauil; лат. sōl; лит. saulė; валлийск. haul; греч. helios; санскр. sūra-); STONE (да. stān; г. stains; исл. steinn; датск., шв. sten; др-болг. стена; русск. стена); TREE (да. treō, treow; г. triu; исл. tré; датск. træ; шв. trä 'древесина' и träd 'дерево'; русск. дерево; ирл. darag 'дуб'; валлийск. derw 'дуб'; греч. drūs 'дуб'; санскр. dru 'лес'); WATER (да. wæter; г. wato; голл. water; шв. vatten; нем. Wasser; русск. вода; лит. vanduo; греч. hydor; лат. unda; санскр. udán); WIND (да. wind; г. winds; голл. wind; нем. Wind; датск., шв. vind; исл. vindr; валлийск. gwynt; бретонск. gwent; лат. ventus; санскр. vātas < va 'веять'; русск. ветер; лит. vėjas); WOOD (да. wudu < widu; исл. viðr; датск., шв. ved 'дрова'; двн. witu; ср. ирл. fiodh; др-ирл. fid 'дерево'; валлийск. gwydd 'лес').

Ряд названий животных и птиц, которые имели в древности и имеют и в настоящее время определенное хозяйственное значение или так или иначе включены в непосредственный кругозор английского народа, также находит свои соответствия в пределах всей индоевропейской семьи в целом. Например: BULL (да. bull-uc; см. свн. bullen 'реветь'; исл. boli; голл. bul; нем. Bulle; лит. bulius); CROW (да. crāwe < crāwan 'каркать'; др-сакс. kraia; голл. kraai; нем. Krähe; др-русс. граяти; лит. groti 'играть'); CAT (да. cat; голл., датск. kat; исл. kött; шв. katt; нем. Katze; лат. cātus;

валлийск. cath; ирл., гаэльск. cat; русск. кот); EWE (да. ewe, еову; свн. ouwe; исл. æg; лит. avis; русск. овца; лат. ovis; др-ирл. oi; греч. ôis; санскр. avi-); FISH (да. fisc; г. fisks; исл. fiskr; датск., шв. fisk; голл. vis; нем. Fisch; лат. piscis; греч. ichthýs; гаэльск. iasg с отпадением начального согласного); HARE (да. hara; исл. héri; датск., шв. hare; голл. haas; нем. Hase; санскр. ṣaṣa < ṣasa; ср. санскр. ṣaṣ 'скакать'); HOUND (да. hund; г. hunds; датск., шв. hund; нем. Hund; исл. hundr; голл. hond; лат. canis; греч. kýon-купός; русск. сука; лит. šuo; ирл. cu; валлийск. ci); GOOSE (да. gōs; исл. gās; датск. gås; шв. gås; голл. gans; нем. Gans; лат. anser; греч. chēn; др-ирл. geis 'лебедь'; лит. žąsis 'гусь'; русск. гусь; санскр. haṃsa 'лебедь'); MOUSE (да. mūs; исл. mús; датск. mus; шв. mus.; голл. muís; нем. Maus; санскр. mūṣa 'мышь', 'крыса'; ср. санскр. muṣ 'красть'); WOLF (да. wulf; г. wulfs; голл. wolf; нем. Wolf; исл. ulfr; датск. ulv; шв. ulv; лат. vulpes; лит. vilkas; русск. волк; санскр. vṛkas).

В индоевропейском слое словарного состава современного английского языка мы можем найти также целый ряд глаголов, например: TO BEAR (да. beran; г. baíran; др-сакс. beran; исл. bera; днн. beran, peran; шв. bäga; датск. bære; лат. ferre; греч. phérein; санскр. bhri-); TO COME (да. cuman; г. qíman; нем. kommen; исл. koma, голл. komen; лат. venire 'идти' < *guenire; санскр. gam-); TO KNOW (да. лат. spāwan; исл. kná; днн. chnāan; лат. noscere < *gnoscere; греч. gignóskein; др-ирл. gnāth 'известный'; валлийск. gnawd 'обычный'; русск. знать; санскр. jná); TO LIE (да. liczan; г. ligan; голл. liggen; исл. liggja; датск. ligge; шв. ligga; нем. liegen; ср. русск. лежать; лат. lectus < *legtus 'ложе'; греч. léxos 'ложе'); TO MOW (да. māwan; днн. māen; нем. mähen; ср. греч. ha-mā-o 'жну'; лат. me-t-ere 'жать'); TO SIT (да. sittan; г. sitjan; исл. sitja; шв. sitta; голл. zitten; датск. sidde; нем. sitzen; валлийск. seddu 'сажать'; лат. sedere; санскр. sīd); TO SOW (да. sāwan; г. saían; днн. sāwen; нем. säen; валлийск. hau; лит. sėti; русск. сеять; лат. serere); TO STAND (да. standan, где -п- — инфикс основы наст. вр.; г. standan; исл. standa; нем. stehen; голл. staan; шв. stå; лат. stāre; русск. стоять); TO WORK (да. wurgan, суц. weorc; исл. verk; датск. værk; шв. verk; голл. werk; нем. Werk; греч. ergon; zendск. vareza; перс.

værzesh 'физическое упражнение'); TO TEAR (да. teran; г. ga-tairan 'ломать'; лит. dirti 'сдирать'; греч. dérein 'обдирать'; русск. драть; санскр. dāraya 'рвать').

К этой же группе относятся многие наименования частей и органов тела, например: ARM (да. earm; г. arms; исл. armr; нем. Arm; датск., шв., голл. arm; лат. armus 'плечо'; др-русск. рамо); BROW (да. brū; исл. brún; русск. бровь; перс. æbru; санскр. bhrú); EAR (да. ēare; исл. eyra; шв. öra; датск. øre; голл. oor; нем. Ohr; г. auso; лат. auris; лит. ausis; греч. oús; др-ирл. ó); EYE (да. ēaze; г. augo; нем. Auge; исл. auga; голл. oog; шв. öga; датск. øje; связано с лат. oculus; русск. око); FOOT (да. fōt; г. fōtus; исл. fóttr; датск. fod; шв. fot; голл. voet; нем. Fuß; лат. pēs-pedis; греч. poús-podós; санскр. pāt); HEART (да. heorte; г. hairto; исл. hjarta; шв. hjärta; датск. hjerte; голл. hart; нем. Herz; лит. širdis; русск. сердце; лат. cor-cordis; греч. kardía; ирл. croidhe; валлийск. craidd); KNEE (да. cnēo; г. kniu; джн. chniu; нем. Knie; исл. kné; датск. knæ; шв. knä; голл. knie; лат. genu; греч. gónu; санскр. jānu); MOUTH (да. mūð; г. munþs; исл. munnr; датск. mund; нем. Mund; шв. mun; голл. mond; ср. лат. mentum 'подбородок'); NOSE (да. nosu, nasu; исл. nʒs; датск. næse; шв. näsa; нем. Nase; русск. нос; лит. nosis; лат. nāsus; санскр. nāsá); TONGUE (да. tunge; г. tuggo; исл., шв. tunga; датск. tunge; голл. tong; нем. Zunge; лат. lingua <*dingua).

Прилагательные, означающие различные физические свойства, в частности цвета, могут быть представлены следующими примерами: HARD (да. heard; г. hardus; исл. harðr; датск. hård; шв. hård; голл. hard; нем. hart; греч. kraterós 'сильный'); LIGHT 'светлый' (да. læoht 'свет'; г. liuhaþ; нем. Licht; голл. licht; лат. lux 'свет'; греч. leuxós 'белый'; санскр. rūcan 'свет'); QUICK (да. cwic 'живой'; джн. quac; г. qius; исл. kvikr; датск. kvik; шв. kvick; голл. kwiek; лат. vivus; лит. gyvas; русск. живой; греч. bíos 'жизнь'; валлийск. byw; санскр. jīvās 'живой'); RIGHT (да. riht; г. raihts; исл. rétt; датск. ret; шв. rät; нем. recht; лат. rectus; ср. валлийск. rhaith 'право'; перс. rast); RED (да. rēad; г. rauþs; исл. rauðr; датск. rød; шв. röd; голл. rood; нем. rot; ирл., газльск. ruath; валлийск. rhudd; греч. erythrós; лат. ruber <*rudhro-;

ср. *др.-русск.* руда 'кровь'; *санскр.* rudhirás 'красный'); SLOW (*да.* slāw; *двн.* slēu; *др.-сакс.* slēu; родственно *лат.* laeuius; *русск.* левый; *греч.* laíos 'левый' — о руке); THIN (*да.* þunnē; *исл.* þunnr; *двн.* dunni; *нем.* dünn; *голл.* dun; *датск.* tynd; *шв.* tunn; ср. *валлийск.* teneu; *гаэльск., ирл.* tana; *русск.* тонкий; *лат.* tenuis; *греч.* tanaós 'растянутый'; *санскр.* tanu-); RAW (*да.* hrēaw; *двн.* rāo; *нем.* roh; *голл.* rauw; *датск.* rā; *шв.* rā; *исл.* hrár; родственно *лат.* sgūdus 'сырой', сгуог 'кровь'; *санскр.* crúga 'жестокый'. 'жесткий'; *греч.* kréas 'сырое мясо'; *русск.* кровь; *лит.* kraujas; *ирл.* cró; *валлийск.* crau 'кровь'); WHITE (*да.* hwīt; *г.* hweits; *голл.* wit; *нем.* weiß; *исл.* hvít; *датск.* hvid; *шв.* vit; ср. *санскр.* śvētás 'белый', śvit — 'сиять', 'белеться'; *русск.* светить; *лит.* šviesti 'освещать').

Английские числительные также обнаруживают единое происхождение с числительными ряда индоевропейских языков: ONE (*да.* ān; *г.* ains; *нем.* ein; *исл.* einn; *датск., голл.* een; *шв.* en; *ирл., гаэльск.* aon; *лат.* ūnus; *греч.* oīne 'очко'); TWO (*да.* twā; *г.* twai; *исл.* tveir; *шв.* två; *датск.* to; *голл.* twee; *нем.* zwei; *валлийск.* dau; *русск.* два; *лит.* dvi, dveji; *лат.* duo; *греч.* dyo; *санскр.* dvāu, dvā; *ирл.* da); THREE (*да.* þrī; *г.* þreis; *исл.* þrír; *датск., шв.* tre; *голл.* drie; *нем.* drei; *лат.* trēs; *греч.* treies; *лит.* trys; *русск.* три; *санскр.* tráyas); FOUR (*да.* fēower; *исл.* fjórir; *датск.* fire; *шв.* fyra; *голл., нем.* vier; *г.* fidwor; *валлийск.* pedwar; *лат.* quatuor; *греч.* téssares); FIVE (*да.* fif; *г.* fimf; *исл.* fimm; *датск., шв.* fem; *голл.* vijf; *нем.* fünf; *валлийск.* pump; *лит.* penki; *греч.* pénte; *лат.* quinque; *санскр.* pāñca); SIX (*да.* six; *исл., датск.* seks; *шв.* sex; *нем.* sechs; *г.* saih; *русск.* шесть; *валлийск.* chwech; *гаэльск., ирл.* sé; *лат.* sex; *греч.* hex; *перс.* shesh; *санскр.* ṣaṣ); SEVEN (*да.* seofon; *г.* sibun; *голл.* zeven; *исл.* sjau; *датск.* syv; *шв.* sju; *нем.* sieben; *лат.* septem; *греч.* heptá; *лит.* septyni; *санскр.* saptá); EIGHT (*да.* eahta; *г.* ahtau; *исл.* átta; *датск.* otte; *шв.* átta; *нем.* acht; *ирл.* ocht; *гаэльск.* ochd; *лат.* octo; *греч.* okto; *перс.* hæst; *зендск.* ashta; *санскр.* aṣṭāu); TEN (*да.* tien, tyn; *г.* taihun; *голл.* tien; *исл.* tíu; *датск.* ti; *шв.* tio; *нем.* zehn; *лат.* decem; *греч.* déka; *лит.* dešimt; *русск.* десять; *перс.* dæh; *санскр.* daśa); HUNDRED (*да.* hundred, hund; *нем.* hundred; *исл.* hundrað; *лат.* centum; *греч.* hekatón; *санскр.* śatam; *перс.*

sæd; лит. šimtas; русск. сто; урл. sead; валлийск. cant).

Мы далеко не исчерпали весь обще-индоевропейский материал, содержащийся в устойчивой лексической базе английского языка. Можно было бы привести ряд соответствий среди наименований растений, культурных знаков, строительных деталей, предметов труда и домашнего обихода, эмоций, среди местоимений, предлогов и т. п., но мы ограничимся приведенными примерами, которые в достаточной мере могут показать связи между общим индоевропейским и английским словарным фондом.

Вторая, и притом значительно более обширная группа в словарном составе современного английского языка состоит из слов, принадлежащих собственно германской ветви индоевропейской семьи языков, т. е. из слов, которые можно считать общегерманскими, поскольку они зарегистрированы во всех или почти во всех германских языках. Некоторые из них не обнаруживают никаких закономерных соответствий в других индоевропейских языках, этимологические параллели других за пределами германской языковой группы весьма проблематичны и не могут считаться доказанными. Разумеется, здесь мы приводим лишь весьма незначительную часть наиболее устойчивых элементов лексики английского языка, просто в качестве иллюстрации.

Существительные: ANKLE (да. anclēow; др-фризск. onklef; датск., шв. ankel; голл. enkel; нем. Enkel); BREAST (да. brēost; г. brusts; исл. brjóst; датск. bryst; нем. Brust); BRIDGE (да. brycz; исл. bryggja; датск. brygge 'мол'; шв. brygga; голл. brug; нем. Brücke); BROOK (да. brōc; голл. brock; нем. Bruch 'болото'); BONE (да. bān; др-сакс. bēn; г. bain; исл. bein; нем. Bein; шв. ben; датск. ben; голл. been); CALF (да. cealf; г. kalbo; исл. kalfr; шв., голл. kalf; нем. Kalb); CARE (да. caru; г. kara; дн. чара 'жалоба'; др-сакс. kara); CHEEK (да. cēase; шв. kāk 'челюсть'); CHICKEN (да. cīcen; голл. kieken, kuiken; нн. küken); CLAW (да. clāwu, clēa; исл. kló; датск., шв. klo; голл. klauw; нем. Klaue); CLIFF (да. clif; исл., голл. klif; дн. klep); CLOTH (да. clāð; голл. kleed; нем. Kleid 'одежда', 'платье'); COAL (да. cōl; исл., шв. kol; голл. kool; датск. kul; нем. Kohle); EVIL (да. yfel; г. ubils;

голл. euvel; нем. Übel); FEN (да. fenn; г. fani 'грязь'; исл. fen 'грязь'); FLOCK 'стадо' (да. flocc; исл. flokk; датск. flok; шв. flock); GLASS (да. glas; голл. glass; нем. Glas; датск. glas; исл. gler); GOAT (да. gāt; г. gaits; исл., голл. geit; датск. ged; шв. get; нем. Geiß); GOD (да. god; г. guþ; исл. goð, guð; датск., шв. gud; голл. god; нем. Gott); GROUND (да. grund; голл. grond; г. grundu-; исл. grunnr; датск., шв. grund; нем. Grund); HALF (да. healf; г. halba; исл. halfa; нем. Halb); HAND (да. hand, hond; г. handus; шв., голл. hand; нем. Hand; исл. hönd; датск. hånd); HAT (да. hætt; исл. hatt; шв. hatt; датск. hat); HEAVEN (да. heofon; др-сакс. heƿan); HOPE (да. hōpa; свн. hōffe; голл. hoop; датск. håb; шв. hopp); HORSE (да. hors; исл. hros; дзн. hros > нем. Ross; голл. ros); HUNGER (да. hunzor; исл. hunger; нем. Hunger; шв., датск. hunger; голл. honger; г. hūhrus); ICE (да. ís; исл. íss; датск., шв. is; голл. ijs; нем. Eis); IRON (да. íren < ísarn; г. eisarn; др-исл. ísarn; дзн. ísarn; нем. Eisen; голл. ijzer); LEAD 'свинец' (да. lēad; свн. lōt; нем. Lot 'сплав'; голл. lood 'свинец'; шв., датск. lod 'гиря'); LIFE (да. líf; исл. líf; шв. liv; датск. liv; дзн. līp; нем. Leib 'тело'); MEAL 'трапеза', 'пора' (да. mæl 'пора', 'трапеза'; г. mēl; исл. mál; шв. mál; нем. Mahl; 'трапеза', mal 'раз'); NEED (да. nēad, nīed, nūd; г. nauds; исл. nauðr; голл. nood; датск. nød; шв. nöd; нем. Not); OAR (да. āg; исл. ár; датск. åre; шв. åra); REST 'отдых' (да. rest, gæst; г. rasta 'перегон между двумя остановками'; датск., шв. rast; исл. røst; нем. Rast 'отдых'); SEA (да. sǣ; г. saīws; исл. sær; др-фризск. se; др-сакс. sēo; шв. sjö; голл. zee; нем. See); SHIRT (да. scyrte; исл. skyrt; шв. skjorta; датск. skjorte); SHIP (да. scip; г., исл. skip; датск. skib; шв. skepp; голл. schip; нем. Schiff); SHOE (да. scēo, scōh; г. skōhs; исл. skór; шв., датск. sko; нем. Schuh); STORM (да. storm; исл. stormr; голл., датск., шв. storm; нем. Sturm); WINTER (да. winter; др-фризск., голл. winter; нем. Winter; др-сакс. wintar; исл. vetr; г. wintrus; датск., шв. vinter).

Прилагательные: BROAD (да. brād; г. braids; исл. breiðr; датск., шв. bred; голл. breed; нем. breit); DEAD (да. dēad; г. dauþs; исл. dauþr; датск. død; шв. död; голл. dood); DEAF (да. dēaf; г. daubs; исл. daufr; нем. taub); DEAR (да. dēore; dýre; др-сакс. diuri; исл. dýrr; датск.,

шв. dyг; *нем.* teuer 'дорогостоящий'); DEEP (*да.* dēōp; *г.* diups; *исл.* djúpr; *шв.* djup; *датск.* dyb; *голл.* diep; *нем.* tief); FOUL (*да.* fūl; *г.* fuls; *исл.* fúll; *шв.* ful; *датск.* ful; *голл.* vuil 'грязный'; *нем.* faul 'гнилой', 'ленивый'); FREE (*да.* frēo; *г.* freis; *нем.* frei); GREY (*да.* græz; *исл.* grár; *датск.* grå; *шв.* grå; *нем.* grau < *двн.* grā); GREEN (*да.* grēne; *исл.* grœnn; *голл.* groen; *датск.* grøn; *шв.* grön; *нем.* grün); HEAVY (*да.* hefig; *двн.* hebig; *исл.* hōfugr); LEFT 'левый' (*да.* left; *фризск.* leeft; *ср-голл.* luft, lucht); LITTLE (*да.* lytel; *двн.* luzzil; *др-сакс.* luttli; *гол.* luttel); OPEN (*да.* open; *голл.* open; *исл.* opinn; *шв.* öppen; *нем.* offen); OWN (*да.* āzen; *г.* aigans; *исл.* eigin; *датск.*, *шв.* egen; *нем.* eigen); SHARP (*да.* scearp; *исл.* skarpr; *шв.*, *датск.* skarp; *голл.* scherp; *нем.* scharf); SICK (*да.* sēoc; *г.* siuks; *исл.* sjúkr; *шв.* sjuk; *датск.* syg; *голл.* ziek; *нем.* siech 'хилый'); SOFT (*да.* sōft; *двн.* samfto, наречие; *др-сакс.* sāfto, наречие; *голл.* zacht; *нем.* sanft); SORRY (*да.* sārīg; *шв.* sārīg 'израненный'; *голл.* zeer 'больной').

Глаголы: TO BAKE (*да.* bacan; *исл.*, *шв.* bake; *датск.* bage; *голл.* bakken; *нем.* backen); TO BREED (*да.* brēdan; *нем.* brüten 'высиживать'); TO BOW (*да.* būzan; *г.* biugan; *двн.* biogan > *нем.* biegen; *голл.* buigen; *шв.* böja; *датск.* bøjе); TO BURN (*да.* beornan, byrnan — *непер.*; *исл.* brinna; *г.* brinnan; *да.* bærnan — *пер.*; *г.* brannjan; *исл.* brenna; *шв.* bränna; *датск.* brænde); TO BUY (*да.* byczan; *г.* bugjan; *др-сакс.* buggean); TO CLIMB (*да.* climban; *нем.* klimmen); TO DRAW (*да.* drazan; *г.* dragan; *исл.*, *шв.* draga; *датск.* drage; *голл.* dragen; *нем.* tragen); TO DRINK (*да.* drincan; *г.* drigkan; *исл.* drekka; *шв.* dricka; *датск.* drikke; *голл.* drinken; *нем.* trinken); TO DRIVE (*да.* drīfan; *исл.* drífa; *г.* dreiban; *голл.* drijven; *шв.* driva; *датск.* drive; *нем.* treiben); TO FALL (*да.* feallan; *исл.*, *шв.* falla; *датск.* falde; *голл.* vallen; *нем.* fallen); TO FEED (*да.* fēdan; *двн.* fuotan; *г.* fōdjan); TO FIND (*да.* findan; *г.* findan; *датск.* finde; *голл.* vinden; *исл.*, *шв.* finna; *нем.* finden); TO FLY (*да.* flēozan; *исл.* fljúga; *шв.* flyga; *голл.* vliegen; *датск.* flyve; *нем.* fliegen); TO FOLLOW (*да.* folzian; *др-фризск.* folgia, fulgia; *др-сакс.* folgōn; *исл.* fylgja; *датск.* følge; *голл.* volgen; *шв.* följa; *нем.* folgen); TO FORGET (*да.* forzytan; *голл.* vergeten; *шв.* förgāta; *нем.* vergessen); TO FORGIVE (*да.* forzyfan 'да-

вать', 'прощать'; г. *fragiban* 'даровать'; голл. *vergeven* 'отдавать', 'прощать'; нем. *vergeben* 'отдавать' 'прощать'); TO GNAW (да. *gnazan*; др-исл. *gnaga*; голл. *knagen*; датск. *gnave*; шв. *gnaga*; нем. *nagen*); TO GO (да. *gān*, *zanzan*; г. *gaggan*; дн. *gān*, *gēn*; нем. *gehen*; др-исл. *ganga*; шв. *gå*; датск. *gå*; голл. *gaan*); TO GROW (да. *grōwan*; исл. *gróa*; голл. *groeien*; датск., шв. *gro*); TO HAVE (да. *habban*; г. *haban*; исл. *hafa*; голл. *hebben*; шв. *hava*; датск. *have*; нем. *haben*); TO HEAR (да. *hȳran*; г. *hausjan*; исл. *heyrá*; голл. *horen*; датск. *høre*; шв. *höra*; нем. *hören*); TO HOLD (да. *healdan*; г. *haldan*; исл. *halda*; шв. *hålla*; голл. *houden*; нем. *halten*); TO KEEP (да. *cēpan*; ср-голл. *kepen*); TO LEAD (да. *lædan*; исл. *leiða*; шв. *leda*; голл. *leiden*; нем. *leiten*); TO LEARN (да. *leornian*; нем. *lernen*); TO LET (да. *lætan*; г. *létan*; исл. *lata*; голл. *laten*; шв. *låta*; датск. *lade*; нем. *lassen*); TO LIKE (да. *lician*; г. *leikan*; исл. *líka*; голл. *lijken*); TO LIVE (да. *libban*, *lifian*; г. *liban*; исл. *lifa*; голл. *leven*; датск. *leve*; шв. *leva*; нем. *leben*); TO MAKE (да. *macian*; др-сакс. *macôn*; голл. *maken*; нем. *machen*); TO MEET (да. *mētan*; г. *gamôtjan*; шв. *möta*; датск. *møde*; исл. *mæta*); TO REACH (да. *ræcan*; др-фризск. *reka*; голл. *reiken*; нем. *reichen*); TO RISE (да. *rīsan*; дн. *rīsan*; г. *ur-reisan*; исл. *rísa*; голл. *rijzen*); TO SEE (да. *sēon*; г. *saihwan*; датск. *se*; шв. *se*; исл. *sjá*; голл. *zien*; нем. *sehen*); TO SEND (да. *sendan*; г. *sandjan*; исл. *senda*; датск. *sende*; шв. *sända*; нем. *senden*); TO SHOOT (да. *scēotan*; исл. *skjóta*; шв. *skjuta*; датск. *skyde*; голл. *schieten*; нем. *schieszen*); TO SHUT (да. *scytan*; голл. *schutten*; нем. *schützen* 'защищать'); TO SIGH (да. *sīcan*; шв. *sucka*; датск. *sukke*); TO SING (да. *sinzan*; г. *siggwan*; др-исл. *syngva* > исл. *syngja*; датск. *syngе*; шв. *sjunga*; нем. *singen*; голл. *zingen*); TO SHAKE (да. *scacan*, *sceacan*; исл. *skaka*; шв. *skaka*); TO SPREAD (да. *sprædan*; голл. *spreiden*; нн. *spređen*; нем. *spreiten* 'расстилать'); TO TELL (да. *tellan* 'считать', 'рассказывать'; исл. *telja*; шв. *tälja* 'считать'; голл. *tellen* 'считать'; датск. *tælle* 'считать'; нем. *zählen* 'считать').

Общегерманскими являются также многие древние местоимения и наречия. Местоимения: ALL (да. *eal*; г. *alls*; исл. *allr*; шв. *all*; датск., голл. *al*; нем. *all*); EACH (да. *ælc* < *ā-zi-lic*; дн. *iogalīh*, букв. 'всегда-подобный';

нем. jeglich; голл. elk 'каждый'); HE (да. hē; др-сакс. he, hi; голл. hij); SELF (да. self; г. silba; исл. sjálf; датск. selv; шв. själv; голл. zelf; нем. selb-st); SUCH (да. swylc; г. swaleiks; др-сакс. sulik; голл. zulk; исл. slíkr; шв. slik; датск. slig; нем. solch). Наречия: AGAIN (да. ongezп; др-сакс. angegin; дн. ingagene; датск. igen; шв. igen); ALONG (да. andlang; нем. entlang); FORTH (да. forð; г. faurþis; нем. fort; голл. voort); FORWARD (да. foreweard; нем. vorwärts; голл. voorwaarts); NEAR (да. nēar, первоначально сравнительная степень от наречия nēah 'близко'; исл. nág; г. nēhwa; нем. nah, nahe) и т. д.

Заслуживает внимания тот факт, что подавляющее большинство предлогов и союзов, т. е. служебных слов, без которых неосуществима организация связной речи, а следовательно и вообще языковое общение, к тому же таких элементов, которые имеют особое значение для английского языка как языка аналитического строя, — подавляющее большинство их имеет германское и общиндоевропейское происхождение. Таковы, например: AFTER (да. æfter; дн. aftar; г. aftarð, нареч.; шв. efter); AT (да. æt; г. at; дн. az; др-исл. át; шв. åt; лат. ad); BY (да. be, предл.; бī, biȝ, нареч. и предл.; г. bi; др-сакс., др-фризск. bi, be; нем. bei); BEFORE (да. beforan; др-исл. biforan; дн. biforan; др-сакс. beforan; голл. bevooren 'прежде чем', 'пока не'); FOR (да. for; г. faur; др-сакс. for; дн. furi > нем. für; др-исл. fur; голл. voor; шв. för; ср. лат. pro 'ради'; русск. про; лит. pro; санскр. pra-); FROM (да. fram, from; др-исл. frá; г., др-сакс., др-фризск. fram); IN (да. in; г. in; др-исл. í; голл. in; датск., шв. i; нем. in; лат. in; греч. en); ON (да. on 'на', 'в', 'у'; др-сакс., др-фризск. an; г. ana; нем. an 'у', 'на'; др-исл. á; греч. ana; русск. на); OF (да. of, нареч. 'далеко', 'прочь', предл. 'от', 'из', 'о'; др-исл. af; г. af; датск. af; шв. av; лат. ab; греч. apó; санскр. apa); OVER (да. ofer; г. ufar; др-исл. ufir; шв., över; нем. ober); UNDER (да. under, нареч. 'внизу', 'вниз', предл. 'под', 'среди'; др-исл. undir; г., др-сакс. undar; голл. onder; датск., шв. under; нем. unter); UP (да. up, upr; др-исл. upr; г. iup; нем. auf) и т. д.

Следует иметь в виду некоторые особые случаи, этимологическое определение которых требует известных оговорок. В древнейшем пласте слов английского языка

встречаются слова, обладающие сложным морфологическим составом, все морфемы которых имеют определенные соответствия в ряде родственных языков, однако, комбинация этих морфем является собственно английской и не имеет параллелей в других языках. Таких случаев довольно много. Ограничимся рассмотрением некоторых из них.

Предлог *above*, претерпевший процесс опрошения, в древнеанглийском языке имел форму *on- be- ufan* > *ābūfan*, обнаруживающую в нем наличие трех морфем, каждая из которых генетически связана с целым рядом индоевропейских языков (см. выше); но аналогичного сочетания этих морфем в едином слове нигде, кроме английского языка, мы не найдем. То же самое мы можем сказать и относительно следующих слов: *ABOUT* (*да.* *on-be-ūtan* > *onbūtan*; о двух первых морфемах см. выше; *да.* *ūtan* < *ūt*, *г.* *ūt*, *исл.* *út*, *нем.* *aus*, *санскр.* *ud* 'вверх', 'вне'); *ALMOST* (*да.* *eal-mæst*; *да.* *eal*, *на.* *all* — см. выше; *да.* *mæst* — *прев. ст.* от *mycel* 'большой', *г.* *maists*, *исл.* *mestr*, *голл.* *meest*, *шв.* *mest*, *нем.* *meist*); *ALWAYS* (*да.* *ealne wez*, *букв.* 'во весь путь' — устойчивое словосочетание с наречным значением, вначале в форме винительного, позднее — родительного падежа; *са.* *alwayes*; о первой морфеме см. выше; вторая морфема, *way*, имеет параллели в *г.* *wigs*, *др-сакс.*, *голл.* *weg*, *нем.* *Weg*, *исл.* *vegr*, *шв.* *våg*); *AWAY* (*да.* *on wez*). Подобные же английские образования мы находим и среди существительных, например: *GARLIC* (*да.* *gār-lēas*; *да.* *gār* 'копье', *др-исл.* *geirr* 'копье', *нем.* *Ger* 'дротик'; *да.* *lēas* 'порей', *исл.* *laukr* 'порей', *датск.* *løg*, *шв.* *lök*, *голл.* *look*, *нем.* *Lauch*); *LORD* (*да.* *hlāford* < *hlāf-weard*, *букв.* 'хранитель хлеба'; *да.* *hlāf*, *на.* *loaf*, *г.* *hlaifs*, *др-исл.* *hleifr*, *нем.* *Laib*, *русск.* хлеб; *да.* *weard*, *на.* *ward*, *др-сакс.* *ward*, *др-исл.* *vǫrðr*, *г.* *-wards*, *нем.* *Warte* 'сторожевая башня'); *MORNING* (*са.* *morwening*; *да.* *morȝen* 'утро', 'завтрашний день', *др-исл.* *morġinn* 'утро', 'завтрашний день', *г.* *maurgins*, *датск.*, *голл.* *morgen*, *нем.* *Morgen*, *шв.* *morȝon*; вторая морфема — суффикс *-ing*, *нем.* *-ung*) и ряд других. Такие же явления встречаются и среди глаголов, например: *TO BUILD* (*да.* *byldan* 'строить жилище'; глагол образован от существительного *BOLD* 'дом', с корнем *bu* — ср. глагол *būan* 'жить', 'про-

живать', *двн.* būan, *нем.* bauen 'строить', 'обрабатывать', — ср. *нем.* Bauer 'крестьянин' — г. būan 'жить', *исл.* búa, ср. *русск.* быть, *лат.* futurus 'будущий'); TO FULFILL (*да.* ful-fyllan; первый компонент full, г. fulls, *исл.* fullr, *шв.* full, *датск.* fuld, *голл.* vol, *нем.* voll; второй компонент — глагол того же корня fyllan, *на.* to fill, г. fuljan, *исл.*, *шв.* fylla, *голл.* vullen, *датск.* fylde, *нем.* füllen); TO UNDERSTAND (*да.* understondan; первая морфема under и вторая морфема standan — общегерманского происхождения, см. о них выше). Ср. также: EARLY (*да.* ær-līc *прил.*; ær-līce *нареч.*; первая морфема ær — по происхождению наречие в сравнительной степени 'раньше', *на.* ege, г. airis 'скорее', *двн.* êr, *нем.* eher, *голл.* eer; вторая морфема — суффикс прилагательного -līc, *нареч.* — līce; *др-исл.* -ligr, г. -leiks, *нем.* -lich); NOTHING (*да.* nān þīnz *букв.* 'никакая вещь'; *да.* nān, *на.* none < ne ān; *да.* ne, г. nī, *двн.* nī, ne, *лат.* ne, *русск.* не; ān 'один', см. этимологию числительных; þīnz 'вещь', *на.* thing, *др-сакс.*, *др-фризск.*, *др-исл.* þīng, *шв.*, *датск.* ting, *голл.* ding, *нем.* Ding) и т. п.

Многие из устойчивых и распространенных английских слов, восходящих по своему происхождению к глубокой общегерманской или даже индоевропейской древности, подвергались неоднократному переосмыслению и либо совершенно утратили свое первоначальное значение, — точнее, то значение, которое мы застаем в древнеанглийскую эпоху, — либо, сохраняя это давнее значение, нарастили вокруг него целый ряд более новых значений. Так, например, существительное finger 'палец' (*да.* finzer) в настоящее время имеет, кроме указанного, еще такие значения, как 'стрелка часов', 'штифт', 'задвижка', 'указатель'; share (*да.* scearu) имеет значения: 'доля', 'участие', 'акция'; fish (*да.* fisc) имеет значения: 'рыба', 'накладка (рельса)', 'груз на конце выпускной антенны' и т. п.

Наряду с подобными многочисленными примерами наполнения устойчивого и широкоупотребительного слова новыми производными значениями, при сохранении им своего исходного значения, мы встречаемся также и с такими случаями, когда слово изменяет в ходе исторического развития языка само основное значение. Рассмотрим некоторые примеры. Существительное burial 'погребение' в древне-

английском означало 'могила' (*да.* byrgels, ср. глагол byrgan 'погребать'); cloud 'туча' означало 'округлая масса', 'груда', например, камней (*да.* clūd); dream 'мечта', 'сновидение' значило 'радость', 'счастье', 'гармония' (*да.* drēam), и, повидимому, изменило свое значение под влиянием скандинавского эквивалента (*др.-исл.* draumr); fleet 'флот' в древнеанглийском значило 'судно' (*да.* flēot, ср. глагол flēotan 'плыть'); fowl 'домашняя птица' в древнеанглийском значило 'птица вообще' (*да.* fuȝol), с течением времени слово претерпело сужение значения, т. е. вместо родового понятия начало выражать видовое понятие, возможно, под давлением семантически совпавшего с ним существительного bird 'птица', первоначально означавшего 'птенец' (*да.* brydd). Существительное meat 'мясо' значило в древнеанглийском 'еда' (*да.* mete), каковое значение сохранилось лишь в составе сложного слова sweetmeat 'конфета' (*букв.* 'сладкая еда'); spoon 'ложка' в древнеанглийском значило 'щепка' (*да.* sƿōp, ср. *нем.* Spap 'щепка'), изменение значения в этом слове обусловлено, очевидно, переносом названия по общности функции, ибо англо-саксы в качестве приспособления для еды использовали обструганные и слегка выдолбленные лучинки.

Такое же семантическое изменение в границах древнейшего ядра лексики можно видеть и среди прилагательных. Например, cheap 'дешевый' в древнеанглийском было существительным и имело значение 'цена', 'покупка' (*да.* cēap); clever 'умный', 'ловкий', отмеченное впервые в среднеанглийский период, означало только 'ловкий'; merry 'веселый', первоначально означало 'помогающий скоротать время', 'приятный' (*да.* murgе, ср. *г.* глагол gamargjan 'сокращать'); ready 'готовый' (*да.* ræde), связанное по корню с глаголом to ride (*да.* rīdan 'ехать верхом'), имело исходное значение 'готовый для выезда', хотя уже в древнеанглийском могло употребляться и в более обобщенном значении 'приготовленный', 'готовый'; silly 'глупый' значило некогда 'процветающий', 'счастливый', 'блаженный', 'невинный' (*да.* sǣliz).

В качестве примеров такого же процесса в области глаголов можно привести следующие: to earn 'зарабатывать' (*да.* earpan, первоначально 'жать', 'снимать урожай', ср. *дрвн., нем.* arnōn 'снимать урожай'); to put 'класть',

‘ставить’ (да. *potian* ‘толкать’, ‘совать’); to read ‘читать’ (да. *gædan* ‘советовать’, ‘замышлять’, ‘решать’, ‘руководить’, ‘объяснять’, затем — ‘читать’, т. е. ‘толковать написанное’); to seem ‘казаться’ (да. *sēman* ‘удовлетворять’, ‘соответствовать’, са. ‘подходить’, ‘представляться’); to sell ‘продавать’ (да. *sellan* ‘давать’, ‘оставлять’, затем ‘продавать’); to soothe ‘успокаивать’, ‘утешать’ (да. *ze-sōðian* ‘подтверждать’, ‘доказывать истину’, ср. существительное *sōð* ‘истина’; дальнейшее смысловое развитие прошло через ступени: ‘отвечать утвердительно’, ‘соглашаться’, ‘поддакивать’, ‘подольщаться’, ‘успокаивать’).

Выше мы отметили наличие в основном словарном ядре современного английского языка таких слов, которые по своему морфологическому составу представляют собой собственно английские комбинации общегерманских морфем. Следует заметить также, что национальное своеобразие даже родственных языков сказывается не только в таком самостоятельном и независимом применении для словообразования общих для них морфем, но также и в расхождении семантического характера. Общегерманское по происхождению слово в разных языках германской группы может иметь различное содержание, очевидно, в силу различия в направлениях переосмысления, по которым оно пошло в отдельных языках. Случаи таких семантических расхождений мы отмечали выше попутно с приводимыми нами этимологическими справками.

Кроме слов, отчетливо обнаруживающих генетические связи с лексическим материалом родственных языков, в устойчивом пласте лексики современного английского языка имеется некоторое количество слов, происхождение которых остается несколько неясным, либо потому, что они не имеют параллелей в других языках, либо потому, что, хотя они могут показаться иноязычными заимствованиями, хронологическое сопоставление языковых данных противоречит такому их истолкованию. Так, например, неясна этимологическая природа существительного *dog* (да. досза ‘собака’), так как это слово в других языках является явным и несомненным заимствованием из английского (ср. нем. *Dogge*, голл. *dog*, датск. и шв. *dogge*, фр. *dogue*, русск. дог) и означает определенную породу собак (мастиф); существительное *sosk* на первый взгляд представ-

ляется заимствованием из французского языка (*фр.* соэ 'петух'), но в действительности мы находим его уже в древнеанглийском (сосс 'петух'), тогда как во французском оно зарегистрировано позднее. И английские, и французские лексикологи считают это существительное звукоподражательным по происхождению, и потому английский и французский эквиваленты объясняются как результат случайного звукового совпадения*. Точно не выяснено также происхождение существительного *pet* 'баловень', 'комнатное животное', так как на этот счет существуют разногласия. Так, У. Скит сопоставляет это слово с французским прилагательным *petit* 'маленький' (*см-фр.* *peti*), с ирландским существительным *peat*, гаэльским *peata* 'баловень', 'ручной зверек'. Нужно, впрочем, сказать, что таких не вполне ясных в этимологическом отношении слов в указанной части лексики английского языка весьма немного.

Все рассмотренные выше слова мы с полным правом можем считать исконно английскими, так как они уходят своими корнями в лексический материал германского или даже индоевропейского языка-основы. Однако историческая судьба английского языка, как мы видели, сложилась таким образом, что на протяжении приблизительно пятнадцати столетий его истории, зафиксированной в письменных памятниках, он вступал в длительный и тесный контакт с иными языками.

Этот факт не мог не отразиться существенным образом и на его словарном составе, который, как известно, легко проницаем для иноязычных заимствований.

Датировка проникновения в английский язык иноязычных слов, в настоящее время прочно ассимилировавшихся в его словарном составе, колеблется в пределах приблизительно от VI до XV века. Главными источниками этих заимствований, как мы уже упоминали, послужили латинский, французский и так называемый древнескандинавский язык. Такой обильный приток слов именно из этих

* A. Hatzfeld, A. Darmesteter. Dictionnaire Général de la Langue Française. Paris, Librairie ch. Delagrave; cp. W. W. Skeat. Etymological Dictionary of the English Language. Oxf., 1910.

языков объясняется целой цепью исторических причин, подробному рассмотрению которых мы посвятили выше специальный раздел. Здесь же ограничимся кратким напоминанием о том, что латинский язык в течение долгих веков использовался в Англии как функциональный язык церкви и науки, древнескандинавский был языком завоевателей Англии (IX, X и первая половина XI века), французский язык (точнее, его нормандский диалект) был также языком завоевателей, а следовательно языком официальной документации и школы, начиная примерно с середины XI века и кончая последними десятилетиями XIV века. Огромное большинство иноязычных заимствований осталось за пределами основного ядра английского словарного состава, находя применение лишь в определенных более или менее ограниченных стилевых сферах; многие из них вообще недолго продержались в обращении и либо вовсе выпали из языка, либо сохранились в качестве его архаических элементов. Однако известное количество этих заимствований выдержало испытание временем, показало свою полезность для английского языка и было им полностью ассимилировано.

Заимствованиями из латинского языка, прочно входящими в основное словарное ядро современного английского языка, можно признать, например, следующие слова. Существительные: ANIMAL (*ca.* *animal* 'животное'; *лат.* *animal* 'живое существо', ср. *anima* 'дыхание', 'дух'); BOX (*да.* *box* 'букс'; *лат.* *boxus* 'самшит', 'букс'); BUTTER (*да.* *butere*; *лат.* *butyrum* < *греч.* *būtýron* 'масло'); CAP (*да.* *sæppe*; *лат.* *sappa* 'головной убор'); CHEESE (*да.* *cýse*; *лат.* *cāseus* 'сыр'); COOK (*да.* *cōc*; *лат.* *coquus* 'повар'); COLE (*да.* *cāul*, *cāwel*; *лат.* *caulis* 'стебель', 'капустная кочерыжка'); COPPER (*да.* *sorog*; *поздн-лат.* *сирег*; *класс. лат.* *сиргит* 'медь'); CROSS (*ca.* *cros*; *лат.* *сгисет*, *сгих*; возможно, через *исл.* *kross*); CUP (*да.* *сирре*; *поздн-лат.* *сирра* 'чаша'); JOKE (*да.* *ioke*; *лат.* *iocus* 'шутка', 'игра'); KITCHEN (*да.* *сусене*; *лат.* *coquina* 'кухня'); LINE (*да.* *līne*; *лат.* *līnea* 'шнур', 'черта'); MILE (*да.* *mīl*; *лат.* *mille passuum* 'тысяча шагов'); MILL (*да.* *mylen*, *myln*; *лат.* *molīna* 'мельница'); PEPPER (*да.* *pipor*; *лат.* *pipor* 'перец'); PLANT (*да.* *plante*; *лат.* *planta* 'растение'); PORT (*да.* *port*; *лат.* *portus* 'гавань'); POUND

(*да.* pund; *лат.* pondō 'вес'); SILK (*да.* seoluc, seolc; *лат.* sēricum от Sēres 'Китай'); WALL (*да.* weall; *лат.* vallum 'насыпь', 'вал'); WINE (*да.* wīn; *лат.* vīnum 'вино'). Прилагательные: CAPITAL (*са.* capital; *лат.* capitalis 'отличный', 'отменный'); CORRECT (*са.* correct 'правильный'; *лат.* correctus, *перф. прич.* от *гл.* corrigo 'исправлять', 'направлять'); EQUAL (*на.* equal 'равный'; *лат.* aequalis 'равный'); PERFECT (*са.* perfit, perfect; *лат.* perfectus 'совершенный', 'превосходный', *перф. прич.* от *гл.* perficio 'совершать'); QUIET (*са.* quiet; *лат.* quiētus 'спокойный', *перф. прич.* от *гл.* quiesco 'покоиться', 'отдыхать'). Глаголы: TO ADD (*са.* adden; *лат.* addo 'прибавлять'); TO SPEND (*ла.* spendan; *лат.* expendo 'расходовать', 'тратить'); TO TURN (*да.* turnian, turnan 'вращаться'; *поздн-лат.* torno 'вращаться') и т. д.

Французский язык обогатил устойчивое ядро лексики английского языка, повидимому, значительно больше, чем латинский язык, хотя в словарном составе английского языка латинизмов, вообще говоря, много; однако они в значительной степени носят книжный характер, многие из них представляют собой узкоспециальные и малоупотребительные термины и находятся на периферии словарного состава. Целый ряд слов латинского происхождения вошел в английский язык в их французской трансформации и поэтому должен рассматриваться как заимствования из французского языка.

Французские элементы, которые мы можем считать максимально ассимилировавшимися в английском языке, могут быть проиллюстрированы следующими, наиболее типичными примерами. Существительные: ADVICE (*са.* avys 'мнение', 'совет'; *ст-фр.* avis 'мнение'; *лат.* ad vīsum 'по мнению'); впоследствии это слово в английском языке было искусственно латинизировано путем этимологической вставки *-d*; ср. *гл.* to advise, *са.* avysen, *ст-фр.* aviser 'советовать'; 'высказывать мнение'); AFFAIR (*са.* afiere; *ст-фр.* afeire, < à faire 'нечто, что нужно сделать'); AGE (*са.* age; *ст-фр.* aage, èage 'возраст'); AUNT (*са.* aunte; *а-фр.** aunte;

* Англо-французским диалектом обычно называется нормандский диалект французского языка в том виде, какой он приобрел после разрыва связей с материковым французским языком вследствие утраты Англией своих французских владений в начале XIII века.

ст-фр. ante 'тетка'); AUTUMN (*ca.* autumpne; *ст-фр.* autompne 'осень'); BEAUTY (*ca.* beautee; *ст-фр.* beauté 'красота'); BEAST (*ca.* beste; *ст-фр.* beste 'зверь'); CAR (*ca.* carre; *норм.* carre); CATTLE (*ca.* catel; *норм.* catel 'крупный рогатый скот', 'движимое имущество'); CHAIR (*ca.* chaiege; *ст-фр.* chaiege 'стул', 'трон'); CHANCE (*ca.* cheaunce; *ст-фр.* cheance 'случай'); CHANGE (*ca.* change; *ст-фр.* change 'перемена'; *ср. гл.* to change — *ca.* changen, *ст-фр.* changer 'изменять'); CHARGE (*ca.* charge; *ст-фр.* charge 'нагрузка', 'груз'); CHOICE (*ca.* chois; *ст-фр.* chois 'выбор'); CITY (*ca.* citee; *ст-фр.* cité 'город'); COAT (*ca.* cote; *ст-фр.* cote 'верхняя одежда'); COIN (*ca.* coin; *ст-фр.* coin 'монета'); COLOUR (*ca.* colour; *ст-фр.* colour 'цвет'); CONDITION (*ca.* condicioun; *ст-фр.* condicion 'состояние', 'условие'); COUNTRY (*ca.* contree; *ст-фр.* contrée 'страна'); COURAGE (*ca.* corage; *ст-фр.* corage 'дух', 'мужество'); COUSIN (*ca.* cosin; *ст-фр.* cosin 'двоюродный брат'); CREATURE (*ca.* creature; *ст-фр.* creature 'существо', 'создание'); DIFFERENCE (*ca.* difference; *ст-фр.* difference 'разница'); ENEMY (*ca.* enemy; *ст-фр.* enemi 'враг'); FAMILY (*ca.* familie; *ст-фр.* familie, famille 'семья'); FLOUR (*ca.* flour; *ст-фр.* floure de farine 'цвет муки', т. е. 'мука лучшего помола'); FLOWER (*ca.* flour; *ст-фр.* floure 'цветок'); FORTUNE (*ca.* fortune; *ст-фр.* fortune 'счастье', 'судьба', 'богатство'); FRUIT (*ca.* fruit; *ст-фр.* fruit 'плод'); GARDEN (*ca.* gardin; *норм.* gardin 'сад' < *др-франкск.* gardin); HONOUR (*ca.* honour; *ст-фр.* honur 'честь'); HOUR (*ca.* hore; *ст-фр.* hore 'час'); JAW (*ca.* jowe; *ст-фр.* joie 'щека', 'челюсть'); JOY (*ca.* ioie; *ст-фр.* joie 'радость'); JUDGE (*ca.* juge; *ст-фр.* juge 'судья'; *ср. гл.* to judge — *ca.* jugen, *ст-фр.* juger 'судить'); LANGUAGE (*ca.* langage; *ст-фр.* language 'язык'); MANNER (*ca.* manere; *а-фр.* manere; *ст-фр.* maniere 'обращение', 'образ действия'); MATTER (*ca.* matere, materie 'дело'; *ст-фр.* matere, matiere 'дело'); MEMORY (*ca.* memorie; *а-фр.* memorie 'память'); MONEY (*ca.* moneye; *ст-фр.* moneie 'монета', 'деньги'); MOUNTAIN (*ca.* montaine; *ст-фр.* montaine 'гора'); PAIN (*ca.* peine; *ст-фр.* peine 'боль', 'труд'); PAIR (*ca.* paire; *ст-фр.* paire 'пара'); PART (*ca.* parte; *ст-фр.* part 'часть'); PEACE (*ca.* pais; *ст-фр.* pais 'мир'); PEN (*ca.* penne; *ст-фр.* penne

‘перо’); PEOPLE (*ca.* peple, people; *a-фр.* peple, people ‘народ’); PITY (*ca.* pitee; *ст-фр.* pité ‘жалость’); PLACE (*ca.* place; *ст-фр.* place ‘место’); PLEASURE (*ca.* plesure; *ст-фр.* plesir, *инф.* ‘доставлять удовольствие’); QUARREL (*ca.* querele; *ст-фр.* querele ‘ссора’); QUESTION (*ca.* questioun; *ст-фр.* question ‘вопрос’); SIGN (*ca.* signe; *ст-фр.* signe ‘знак’; ср. *да.* sezn ‘знак’, ‘знамя’, seznian ‘делать крестное знамение’; *лат.* signo ‘делать знак’, ‘отмечать’); STORY (*ca.* storie; *a-фр.* storie; *ст-фр.* estoire ‘история’, ‘повествование’); TABLE (*ca.* table; *ст-фр.* table ‘доска’, ‘стол’); TROUBLE (*ca.* trouble; *ст-фр.* truble, troble ‘беспокойство’). Прилагательные: BRAVE (*ca.* brave; *ст-фр.* brave ‘смелый’); COMMON (*ca.* comun, commoun; *ст-фр.* comun ‘общий’); CLOSE (*ca.* cloos; *ст-фр.* clos ‘закрытый’, ‘тесный’, ‘плотный’, *прич. прош. вр.* от *гл.* cloge ‘заключать’); CRUEL (*ca.* cruel; *ст-фр.* cruel ‘жестокий’); FOREIGN (*ca.* foraine; *ст-фр.* forain ‘чуждый’); GENERAL (*ca.* general; *ст-фр.* general ‘всеобщий’); HONEST (*ca.* honest; *ст-фр.* honeste ‘честный’, ‘почтенный’); IMPORTANT (*ca.* important; *ст-фр.* important ‘важный’, ‘имеющий значение’, *прич. наст. вр.* от *гл.* importer ‘значить’); JUST (*ca.* iust; *ст-фр.* juste ‘справедливый’); LARGE (*ca.* large ‘широкий’, ‘большой’; *ст-фр.* larg, large ‘широкий’); NICE (*ca.* nuse ‘глупый’, ‘простой’, затем ‘разборчивый’, ‘утонченный’; *ст-фр.* nice ‘тупой’, ‘невежественный’; *лат.* nescius ‘незнающий’, ‘невежественный’); OPPOSITE (*ca.* opposit; *ст-фр.* opposit ‘противоположный’); POOR (*ca.* poure; *ст-фр.* povre ‘бедный’). Глаголы: TO AGREE (*ca.* agreeen ‘соглашаться’, ‘согласоваться’; *ст-фр.* agreeer ‘благосклонно принимать’ < à gré ‘к удовольствию’, ‘благосклонно’); TO APPEAR (*ca.* arepen; *ст-фр.* arapoir ‘появляться’, ‘казаться’); TO CARRY (*ca.* carien; *норм.* carier ‘перевозить’, ‘переносить’, ‘гнать’, ‘ехать’); TO CATCH (*ca.* cachep, cachien; *норм.* cachier ‘гнать’, ‘охотиться’, ‘ловить’); TO COVER (*ca.* covren, couveren; *ст-фр.* covrir ‘покрывать’); TO CRY (*ca.* crien; *ст-фр.* crier ‘кричать’; ср. *сущ.* cry, *ca.* cry; *ст-фр.* cri); TO DECIDE (*ca.* deciden; *ст-фр.* decider ‘решать’); TO DRESS (*ca.* dressen ‘натягивать’, ‘надевать’; *ст-фр.* dresser ‘вытягивать’ ‘натягивать’, ср. *сущ.* dress ‘платье’, результат конверсии от указанного глагола); TO ENJOY (*ca.* enjoyen; *a-фр.* enioier ‘наслаждаться’

ся'); TO ENTER (*ca.* entren; *ст-фр.* entrer 'входить'); TO HURT (*ca.* hurten 'швырнуть', 'толкнуть' 'повредить'; *ст-фр.* hurtier 'толкать', 'задевать'); TO FINISH (*ca.* finische; *ст-фр.* finiss-, основа *прич. наст. вр.* от *гл.* finir 'кончать'); TO INVITE (*ca.* invyte; *ст-фр.* inviter приглашать); TO JOIN (*ca.* joypen 'присоединять', 'нагружать', 'поручать'; *ст-фр.* joigner 'соединять'); TO PASS (*ca.* расеп, passen; *ст-фр.* passer 'идти', 'проходить', 'превосходить'); TO PAY (*ca.* paiep; *ст-фр.* paier, paer 'платить'); TO RECEIVE (*ca.* receiven; *а-фр.* recevoir; *ст-фр.* recevoir 'получать'); TO REFUSE (*ca.* refusen; *ст-фр.* refuser 'отказывать'); TO REMAIN (*ca.* remaypen; *ст-фр.* remaindre 'оставаться'); TO REMEMBER (*ca.* remembren; *ст-фр.* remembrer 'вспоминаться'); TO REPEAT (*ca.* repete; *ст-фр.* repeter 'снова наладить', 'повторять'), TO ROB (*ca.* robben; *ст-фр.* rober, robber 'грабить', возможно, германский корень — *дрвн.* roubôn, *да.* roafian 'грабить', 'брать силой'); to STAY (*ca.* stayen; *ст-фр.* estayer 'поддерживать, держаться'); TO TRY (*ca.* tryen 'выбирать', 'испытывать'; *ст-фр.* trier 'отбирать', 'отсеивать'); TO USE (*ca.* usen; *ст-фр.* user 'употреблять'; *ср. суш.* use, *ca.* us, use 'употребление', 'привычка', 'польза'; *ст-фр.* us с тем же значением); TO WAIT (*ca.* wayten, waite; *норм.* waiter 'следить', 'ждать', *ср. центр. фр.* guetter).

Что касается влияния романских языков на пополнение состава английских служебных слов — предлогов и союзов — то интересно отметить следующее: полных заимствований, т. е. таких заимствованных элементов, которые вошли бы в английский язык в своей звуковой и морфологической форме со своим собственным, присущим им в родном для них языке содержанием, фактически нет. Романские элементы используются для образования служебных слов либо в морфологически перестроенном виде, либо в несвойственной для них функции, либо, наконец, включаются в составные предлоги и союзы, причем непременно в окружении английских элементов. Таковы, например, с одной стороны, морфологически оформленные английским суффиксом причастия I *during*, *supposing*, переосмысленные при этом в служебные слова; с другой стороны, частица *vegu*, являющаяся во французском языке прилагательным со значением 'истинный' (*vrai*); используемая в функции

предлога или союза форма инфинитива *save*, в настоящее время редко употребляемая и поэтому, вероятно, лежащая за пределами общенародной лексики. Таковы и составные предлоги и союзы типа *in front of*, *by means of*, *on account of*, *in spite of*, *according to* и т. п.; сюда же примыкает и союз *because*, образовавшийся в результате морфологической спайки предлога *be (by)* и существительного *cause* (*см-фр.* *cause* 'причина'). Все это не дает основания безоговорочно признавать влияние романских языков в области английских служебных слов; мы можем лишь констатировать, что в некоторых случаях в английском языке для образования служебных слов используются романские элементы.

Скандинавские заимствования, вошедшие в наиболее устойчивый словарный фонд современного английского языка, представлены существительными, глаголами и прилагательными. Непосредственное сосуществование датчан и англичан на территории Англии в период датского владычества (X—XI вв.), тесная языковая близость между этими обоими народами объясняли довольно многочисленные скандинавские словарные заимствования. Однако служебных слов скандинавского происхождения в английском языке нет; вероятно, это объясняется просто совпадением в формах английских и скандинавских служебных слов. Предлог *fro*, соответствующий английскому *from*, не был воспринят английским языком в качестве активно и свободно употребляемого служебного слова, и остался существовать в английском языке только в составе застывшего сочетания *to and fro*. Правда, скандинавское местоимение 3-го лица множественного числа *they* вытеснило соответствующее английское, о чем мы уже упоминали выше (*др-исл.* *ðeir*). Это, повидимому, было облегчено теми фонетическими процессами, в результате которых в среднеанглийском языке произошло слияние в единую звуковую форму именительного падежа личных местоимений 3-го лица единственного числа мужского и женского рода и местоимения 3-го лица множественного числа (*да.* *hē* 'он', *hēo* 'она', *hīe* 'они' > *са.* *hi*, *he* 'он', 'она', 'они'). Интересно, что объектный падеж личного местоимения 3-го лица множественного числа в среднеанглийском долгое время сохранял собственную английскую форму *hem*, и лишь постепенно она стала за-

меняться формой *theim, thaim, them*, вероятно, просто под влиянием звуковой аналогии с именительным падежом, хотя в просторечии до сих пор часто употребляется именно английская форма (ср. *tell'em=tell hem; ask'em* и т. д.). Повидимому, скандинавизмом является и неопределенно-обобщенное местоимение *both* (*др.-исл. báðir* 'оба'), или, по крайней мере, его образованию из *ða. bā þā* 'оба те' и закреплению в языке способствовала скандинавская форма.

Прочно вошли в общенародное употребление, например, следующие скандинавские существительные: *ANGER* (*ca. anger; дск. angr* 'горе'); *BAG* (*ca. bagge; исл. baggi* 'мешок'); *BAND, BOND* (*ca. band, bond; дск. band* 'тесма', 'бечевка', 'обязательство'); *BANK* 'берег', 'отмель' (*ca. banke; дск. bakki*); *EGG* (*ca. egg; дск. egg* 'яйцо'; ср. *ða. æz* 'яйцо'; *ca. ey*); *FELLOW* (*ca. felage, felawe; дск. félagi* 'сотоварищ', 'соучастник'); *HARBOUR* (*ca. hereberge, herberwe; дск. herbergi* 'убежище для войска'); *HUSBAND* (*ða. húsbonða; дск. húsbóndi* 'хозяин дома'); *LEG* (*ca. leg; дск. leggr* 'нога'); *LAW* (*ða. lazi; дск. log* 'порядок', 'надлежащее место'); *SKIRT* (*ca. skirt* 'юбка'; *дск. skyrta* 'род длинной верхней одежды'); *SKY* (*ca. skye* 'облако', позже 'небо'; *дск. ský* 'облако'); *WING* (*ca. wyng, wenge; дск. vængr; датск. vinge* 'крыло'). Глаголы: *TO DIE* (*ca. deyen; дск. deyja* 'умирать'); *TO CALL* (*поздн-да. ceallian; дск. kalla* 'звать', 'навещать'); *TO CAST* (*ca. casten, kesten* 'бросать', 'намереваться'; *дск. kasta* 'бросать'); *TO CRAWL* (*ca. cawle; дск. krafla* 'ползти'); *TO GUESS* (*ca. gessen*, вероятно, скандинавизм; ср. *ср.-датск. gitse, getse* 'угадывать', 'предполагать'); *TO FIT* (*ca. fitten; дск. fitja* 'связывать'); *TO TAKE* (*поздн-да. tasan; дск. taka* 'брать', 'хватать'). Прилагательные: *ILL* (*ca. ille; дск. illr* 'плохой'); *LOW* (*ca. louh, lah, low; дск. lágr* 'низкий'); *WRONG* (*поздн-да. wrang, wrong; дск. gangr* 'искаженный', 'неправильный'); *UGLY* (*ca. ugly, uglike; дск. uggligr* 'страшный') и другие.

Наиболее прочно вошли в английскую лексику многие заимствования из латинского, французского, скандинавского языков. Другие языки, с которыми пришлось сталкиваться английскому языку в разные эпохи своего существования, дали лишь единичные устойчивые добавления к его словарному составу. Таковы, например, *CHURCH* (*ða. cirice, circe*

‘церковь’; *греч.* kуrіаkоn, *букв.* ‘дом господи’); DECK (*ранн-на.* deck; *голл.* dekk ‘палуба’); POTATO (*ранн-на.* potato; *исп.* patata, batata < перуанского); TEA (*ранн-на.* tee, tea; *кит.* — *амойский диалект* — te, ср. в других диалектах ch’a, ts’a, откуда *русск.* чай) и некоторые другие. Огромное большинство слов, заимствованных из ряда европейских и иных языков, не входит в устойчивую лексическую базу английского языка; некоторые же из них вошли в английский язык через посредство французского языка и, по сути дела, должны быть причислены к французскому слою, например, COFFEE (*фр.* café ‘кофе’ < *араб.* qahwah, qahoe ‘ягодный отвар’, ‘кофе’, ‘кофейня’); COACH (*фр.* coche < *венг.* kocsi ‘каре́та’) и т. п.

Неправильно было бы вывести заключение на основании приведенного нами материала, что начиная со среднеанглийского периода накопление новых устойчивых элементов в лексике английского языка происходило исключительно за счет иноязычных заимствований. В действительности дело обстояло совсем не так. В эпохи, следующие за древнейшей англосаксонской эпохой, в основное словарное ядро влилось некоторое количество слов с непроезводной основой, возникновение которых в английском языке до сих пор не получило этимологического объяснения. Например, неясно происхождение существительного girl, не имеющего параллелей ни в каком другом языке; сближение его с древнеанглийским seorl ‘мужчина’ (*исл.* и *шв.* karl ‘мужчина’; *нем.* Kerl ‘парень’), предлагаемое некоторыми этимологами, совершенно неправомерно с фонетической точки зрения. Существительное boу, появившееся также лишь в среднеанглийский период, обнаруживает свое германское происхождение при сопоставлении его с восточно-фризским boi, boy, но когда и как оно попало в английский язык и почему нет никаких следов его в древнеанглийском языке, остается непонятным. Также впервые отмечаются в среднеанглийском языке: прилагательное CLEVER (первоначальная форма cliver; *вост-фризск.* klüfer), существительное BUD (*сви.* butte ‘пэчка’), глаголы TO CUT (*ср-шв.* kotta ‘резать’, ‘рубить’; ср. *исл.* kuti ‘нож для сдирання древесной коры’), TO KILL (*са.* killen, cullen; *вост-фризск.* küllen ‘бить’; *двн.* challen; *голл.* kwellen ‘мучить’), повидимому, он связан по корню с древнеанглийским swellan

‘убивать’, ‘подавлять’, ‘уничтожать’ (*sa. quellen; na. to quell*), но фонетически соответствующей ему формы слабого глагола **cyllan* — в древнеанглийском не зарегистрировано.

Таких неясных с этимологической точки зрения слов, появившихся в среднеанглийский период и впоследствии вошедших в устойчивую лексическую базу английского языка, немного. Но в среднеанглийском языке сформировалось огромное количество производных и сложных слов, обнаруживших в дальнейшем большую устойчивость. Эти производные и сложные слова образовались в соответствии с словообразовательными нормами английского языка как от германских, так и от заимствованных индоевропейских основ. Например, от существительного *house* в этот период были образованы следующие сложные и производные слова: *household*, *housekeeper*, *housewarming*, *housewife*, *housing*, глагол *to house*; от существительного *pain* в среднеанглийский и ранненовоанглийский период — следующие: *painful*, *painfully*, *painless*; от основы *sleep* — существительные *sleeper*, *sleepiness*, *sleeping*, прилагательные *sleepless*, *sleepy*. Ср. также: *to begin*, *to believe*, *to darken*, *to whiten*, *to sparkle*, *to rattle*, *to dislike*, *to display*; *hardness*, *sadness*, *beginning*, *feeling*, *building*, *husbandry*, *dairy*, *hatred*; *daily*, *manly*, *sickly*, *handy*, *dusty*, *rocky*, *icy*, *handsome*, *tiresome*, *wretched*, *wrinkled*, *daylight*, *beehive*, *blacksmith*, *grandfather*, *grandmother*, *grey-haired*, *kindhearted*, *light-hearted*, *to undertake*, *to land*, *to finger*, *asleep*, *alive* и многие другие.

Чем ближе к нам слово по времени своего возникновения в языке, тем с большей долей неуверенности мы можем высказывать мнение относительно его константности в языке. Никакие, так сказать, «аттестации авансом» здесь неуместны, ибо необходимо всегда иметь в виду, что словарный состав — это та сторона языка, которая связана с историей народа, творца и носителя этого языка, самой непосредственной, прямой и живой связью; поэтому словарный состав языка подчиняется воздействию целого ряда внеязыковых факторов: политических ситуаций, борьбы мировоззрений, случайных внешних обстоятельств, даже вкусов, и, в конце концов, языковой моды, возникающей и исчезающей в силу тех или иных, подчас трудно прослеживаемых причин; и эти-то внеязыковые факторы

очень часто вызывают неожиданные, непредвиденные слово-замены. Поэтому нельзя те слова, которые возникли в новоанглийскую эпоху, приобрели общенародную употребительность, выражают устойчивое понятие (например, *electricity*, *revolution*, *radio* и т. п.), только на основании этих их особенностей считать навеки или хотя бы надолго закрепившимися в английском языке; лишь время может показать, сохранят ли они свою устойчивость, останутся ли они на положении самых распространенных форм выражения соответствующих понятий или почему-либо их сменят другие формы выражения. Ретроспективный взгляд на историю слов в английском языке заставляет нас проявлять такую осторожность. Понятие 'небо' было, несомненно, устойчиво-существенным понятием как в среднеанглийскую эпоху, так и до, и после нее. Однако слово *heaven*, выражавшее это понятие, было оттеснено заимствованным скандинавским словом *sky*. Теперь *sky* стало передавать физическое понятие 'небо', а *heaven* выражать религиозно-эмоциональное понятие. В содержании существительного *harvest* 'осень', 'время сбора урожая', не было ничего такого, что могло бы оправдать и объяснить замену его французским заимствованием *autumn* с этим же значением. Однако такая замена произошла в среднеанглийском языке, причем исконно английское слово *harvest* осталось в пределах английской лексики, хотя с иным значением 'жатва', 'сбор урожая', 'урожай'*.

Сделаем некоторые общие выводы относительно этимологической базы устойчивого словарного ядра современного английского национального литературного языка. Приведенный выше иллюстративный материал, разумеется, составляет лишь незначительную его долю. Тем не менее, мы можем отметить следующее: устойчивый лексический пласт современного английского языка складывается из генетически неоднородных элементов. Ввиду того, что количественно этот устойчивый пласт не определен, невозможно говорить хоть сколько-нибудь уверенно о процентных отношениях между этимологически разнородными его слоями.

* См. по этому вопросу: И. П. И в а н о в а. Семантика английских слов в связи с французскими заимствованиями в эпоху становления национально-литературного языка. «Ученые записки ЛГУ», № 97, серия филологических наук, вып. 14, 1949.

Значительную его часть составляют слова как общеиндоевропейского, так и собственно германского происхождения, восходящие к далекому историческому прошлому тех племен, которые с течением времени образовали англосаксонскую народность, а в дальнейшем — английскую нацию. Огромное количество слов в него входящих представляют собой производные и сложные слова, образовавшиеся в самом английском языке. Эти два разряда слов безусловно количественно преобладают над третьим разрядом, а именно над заимствованными словами. Правда, многие из этих заимствованных слов подверглись не только обычной фонетической и морфологической, но также и смысловой трансформации в пределах английского языка и поэтому представляют собой весьма переработанный материал, далеко не тождественный своему первоначальному состоянию в исходном языке; но так или иначе, это иноязычные привнесения. Поэтому следует признать, что устойчивая лексическая база английского языка не осталась вне сферы влияния других языков и что поэтому она имеет смешанный характер, хотя собственно английский элемент, слагающийся как из слов древнейшего происхождения, так и из английских образований, в ней является преобладающим.

Глава IV

СУДЬБА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Если мы раскроем любой этимологический словарь английского языка, мы будем поражены тем, какое огромное место занимают в нем иноязычные заимствования. Беглый просмотр словаря с этой точки зрения не только сделает очевидным смешанный характер английского словарного состава, но заставит в первый момент даже усомниться в том, сохранил ли английский язык вообще свою национальную самобытность под натиском разнородных иноязычных влияний. Однако первый же внимательный взгляд на заимствованную лексику показывает, что формы самого процесса усвоения чужого лексического материала, равно как и степень ассимиляции этого последнего английским языком, весьма неодинаковы. Это разнообразие типов заимствований с точки зрения их структуры и генезиса и особенностей их использования в речевой деятельности английского народа обуславливает различия между ними по их коммуникативной значимости в пределах современного английского языка, а также по их отношению к исходному языку.

Возьмем наудачу какой-либо том Большого Оксфордского словаря. Выберем хотя бы те страницы, на которых помещены слова, начинающиеся со звукосокращения *ob-*; они представляют для нас интерес, так как все без исключения являющиеся иноязычными заимствованиями. Общее число их достигает приблизительно 600*. Прежде всего

* Естественно, здесь не учитываются приводимые в словаре неграмотные написания некоторых как заимствованных, так и родных слов (например, *obrode* вместо *abroad*, *ablyke* вместо *oblique*) и разные формы одного и того же слова (например, *to obsede—obseding* и т. п.).

обратим внимание на тот факт, что против многих из этих слов стоит крестик или помета *уст.*, причем даты приводимых текстовых примеров показывают, что это заимствования, имевшие чрезвычайно короткую жизнь в английском языке. Например, глаголы *to obacerate* 'противоречить', *to obequitate* 'подъезжать верхом на лошади', *to obarmate* 'вооружаться против чего-либо', существительное *abdormition* 'усыпление', 'засыпание', прилагательные *obedible* 'покорный', *obediential* 'покорный', 'исполнительный' — употреблялись только в XVII в., да и то редко; глаголы *to obcasaete* 'ослеплять', *to obduct* 'покрывать', 'обтягивать', *to obdure* 'укреплять', *to obfirm* 'усиливать', 'укреплять' и соответствующие существительные — только в XVI и отчасти в XVII вв. и т. п. Подобных устарелых, недолговечных заимствований в обследуемой нами алфавитной группе очень много — их число доходит до 200. Ясно, что такие выпавшие из языкового употребления слова следует совершенно скинуть со счетов при анализе словарного состава современного английского языка. Затем мы заметим, что по отношению к целому ряду слов в словаре дается помета *редк.*; такие пометы имеются не менее чем при 125 словах данной группы*. Таковы, скажем, *to obambulate* 'блуждать', *obarmation* 'вооружение', *obeyer* 'повинующийся', 'подчиненный', *obfuscious* 'темного цвета', *obiter* 'мимоходом', 'попутно' и т. п. Присмотримся далее внимательно к тем словам, которые, за вычетом устарелых и редких слов, остаются в нашем перечне в качестве активных элементов современной английской лексики. Мы увидим, что и они неравноценны по своему удельному весу. Наряду со словами, прочно вошедшими в широкий языковой обиход английского народа (такими, например, как *obedience*, *object*, *objection*, *obligation*, *obstacle*, *to obey*, *to oblige*, *to observe*, *to obtain*, *obscure*, *obstinate* и т. п.), есть множество слов, сфера употребления которых ограничена либо пределами отчетливо выраженного книжного — торжественного или «изысканного» — стиля (например, *obese*, *obstreperous*, *oblational*, *obloquy*, *objurgation*, *obsec-*

* Фактически слов редкого употребления в этой группе больше, чем это указано в словаре; так, нет соответствующих помет при словах *obmutescence* 'немота', 'онемение', *to obtupefy* 'ошеломить', *to obtenebrate* 'бросать тень', 'затенять' и др.

ration, obsequies, to obtest, to obfuscate), либо той или иной терминологической сферой (например, *мед.* obstetrics, obstupefacient, obturation; *анат.* oblanceolate, oblongatal, obovate, oblongata; *геом.* obconical, oblate, obtuse; *зоол.* obumbrant, obclavate; *бот.* obverse; *техн.* obturator, obsolescence и т. п.), либо, наконец, каким-то определенным этнографическим или историческим контекстом (например, *obi*, *obol*). Следовательно, степень распространенности и круг применения всех этих слов неодинаковы, неравновелики, разнохарактерны. Наличие редких и устарелых заимствований наряду с прочно укоренившимися, широко распространенными в повседневном бытовом или специальном употреблении свидетельствует о том, что английский язык воспринимает иноязычные лексические элементы вовсе не пассивно, а, наоборот, что в нем постоянно происходит процесс отбора притекающего из других языков лексического материала. С одной стороны, английский язык усваивает те иноязычные элементы, которые в ходе употребления оказываются полезными, нужными, определенным образом обогащающими его словарный состав. Закрепление этих иноязычных элементов в языке определяется тем, что они приносят с собой новое и существенное понятие или создают возможность придавать высказыванию иные смысловые или стилистические оттенки, или тем, что они с самого начала вошли в широкое употребление. С другой стороны, английский язык вытесняет и отсеивает те из них, которые показали себя лишними, так как они были вызваны к жизни либо утратившими впоследствии свое значение реалиями, явлениями, событиями, условиями, либо определенным языковым обычаем, характерным для какого-то ограниченного периода времени, как это было, например, в XVI в. со многими латинскими и греческими словами.

Итак, рассматриваемая группа слов неоднородна по степени ассимиляции их английским языком и по сфере употребления. Посмотрим, каковы же те формы, в каких было осуществлено вхождение этих слов в английский язык.

Мы найдем довольно много заимствованных слов, которые вошли в английский язык в звуковой форме, присущей им в исходном языке, разумеется, с неизбежной

фонетической перестройкой качества составляющих их фонем в соответствии с фонологической базой английского языка, а также с отсечением формообразующих морфологических элементов. При этом значение их сохраняется таким же, каким оно было в исходном языке. Таковы, например, *obeah* 'индейское волхование', *obi* 'японский широкий пояс', *obol*, *oboe*, *obelisk*, многие латинские производные с префиксом *ob-*, такие, как *object*, *oblivion*, *obligation*, *obligato*, *obstruction*, *to oblige*, *to observe*, *oblique*, *oblong* и многие другие. Среди них, однако, мы встретим и такие, которые обнаружат заметное семантическое расхождение со своим иноязычным прототипом. Так, *obelus* по-латыни означает 'спица', в английском же языке это слово используется для выражения понятия 'знак ссылки' (*mun.*) или 'знак конъектуры' (при восстановлении и расшифровке рукописей); *obeisance* во французском языке, откуда пришло это слово, означает 'повиновение', 'подданство', а в английском — 'поклон', 'реверанс' (сохранив исходное значение лишь во фразеологических сочетаниях типа *to pay obeisance*). Ясно, что заимствования этого рода нельзя отождествлять с теми действительно полными заимствованиями, которые приходят в английский язык со своей материальной формой и семантикой. Наконец, есть и такие слова, которые, будучи явно иноязычными по своему материальному составу, не имеют прямого словесного соответствия ни в одном языке. Это слова, созданные самим английским языком из морфем, существующих в каком-либо другом языке либо в виде самостоятельных лексических единиц, либо в иных морфологических комбинациях. Таковы, например, *obclavate* 'с утолщенным концом у основания' (*бот.*) — английское образование из латинских морфем — *ob-* префикса со значением 'обратно', основы существительного *clav-a* 'дубина' и суффикса прилагательного *-at-*; прилагательного **obclavatus* в латинском языке не было. Прилагательных аналогичной структуры и аналогичного происхождения в английской научной терминологии чрезвычайно много; см., например, *obcordate* 'в форме сердца, с прикреплением у суженного конца' (*бот.*, о листе), *obscuneate* 'клинообразный, с суженным концом у основания' (*бот.*, *биол.*), *obovate* 'яйцевидный с широким концом кверху'

(биол.), обрyгiform 'грушевидный, с утолщенным концом книзу' и т. д. и т. п.

Таким образом, рассматривая заимствованные слова даже в пределах ограниченной, произвольно избранной словарной группы, мы сталкиваемся с очевидным фактом их неоднородности не только в смысле различия тех языковых источников, из которых они пришли в английский язык, но и в смысле их формы, их функции в английском языке, их отношения к своему же прототипу в исходном для них языке. Иначе говоря, мы имеем дело с различными т и п а м и иноязычных заимствований. Вкратце разберем эти типы, ибо такой разбор необходим для решения основной поставленной перед нами задачи — определения этимологических основ словарного состава современного английского языка и анализа его смещанного характера.

Начнем с вопроса о форме заимствований и их отношении к исходному языковому материалу.

С этой точки зрения прежде всего выделяются так называемые полные заимствования. По сути дела, это такие слова, которые остаются равными самим себе в новой для них языковой среде и по внешней форме, и по внутреннему содержанию. Строго говоря, подлинными полными заимствованиями с этой (и только с этой) точки зрения следует считать как раз такие, которые по степени их ассимиляции в новом языке являются ощутимо чужеродными элементами и ограничены в своем употреблении, т. е. такие как *bavardage*, *belle-étage*, *blasé*, *bravo*, *dolce-far-niente*, *domino*, *eau-de-Cologne*, *nuance*, *protégé*, *tête-à-tête* и т. п. Они сохраняют в английском языке свою иноязычную форму. Полные заимствования этого рода обычно называются «иностранными словами». Однако таких «иностранных слов» в английском языке мало, нужно думать, по той причине, что подобные чужеродные элементы с течением времени либо вовсе выходят из употребления, либо ассимилируются заимствующим языком настолько, что подвергаются и фонетической и морфологической переработке. Вот почему к полным заимствованиям относят обычно и те, которые в процессе ассимиляции претерпели известные фонетические и грамматические изменения: фонетические — в смысле замены фонем в соответствии с звуковой базой заимствующего языка и подчинения законам историче-

ских и позиционных изменений фонем в данном языке (ср. *culture, frontier, grace, post, reason* и т. п.), грамматические — в смысле отсечения формообразующих элементов (ср. *to refuse, to reward, to rest*, утерявшие французский суффикс инфинитива, *cognate, exquisite, definite*, вошедшие в форме основы без флексии и т. п.). При этом возможно функциональное переосмысление некоторых словообразовательных морфем в составе заимствованного слова. Например, морфема *-at-*, являющаяся в латинском языке суффиксом причастия II, в английском языке переосмысливается в словообразовательный глагольный суффикс (ср. *to dominate, to examine, to penetrate* и т. п.). Как уже упоминалось в своем месте, латинские существительные входят в английский язык обычно с полной формой основы, которая в латинском языке проявляется в косвенных падежах (ср. *лат. exhibitio, exhibitionis > а. exhibition*). Все эти (перечисленные выше) и им подобные формальные отклонения заимствований от их исходной формы не препятствуют отнесению их к разряду полных заимствований, так как претерпеваемые заимствуемой лексической единицей преобразования естественно обуславливаются новой для нее фонетической и грамматической системой заимствующего языка*. Включение чужого слова в систему английского языка проявляется, в частности, и в усвоении им морфологических категорий, присущих английскому грамматическому строю. Чужое слово приходит в английский язык только в какой-то одной из своих грамматических форм и подчиняется английским нормам формообразования; в редких случаях заимствованное слово сохраняет в английском языке две формы (ср. существительные *formula, phenomenon, index*, сохраняющие латинскую или греческую форму множественного числа — *formulae, phenomena, indices*). Однако отмечается постоянный процесс все большего подчинения таких слов английской морфологической системе; так, наряду с формой *formulae, indices* и т. п. все чаще употребляется обычная

*Ср. *русск.* 'режиссер', 'романс', 'шаланда', 'полировать', 'эмигрировать', 'делегировать', 'информировать' и т. п., которые, несмотря на их фонетическую и грамматическую трансформацию, нельзя не признать полными заимствованиями из французского языка.

английская форма множественного числа, т. е. *formulas*, *indexes* и т. п. Нетрудно видеть, что, даже в случае сохранения иноязычной нормы словоизменения заимствованной лексической единицы, эта норма усваивается лишь частично, т. е. не в виде целостной парадигмы, существующей в другом языке, а только теми своими элементами, которые являются эквивалентными соответствующим формам английского словоизменения. Кроме того инородные морфемы подвергаются фонетическому преобразованию на английской почве (ср. латинское и английское произношение таких форм, как *genii*, *formulae* и т. д.). Впрочем, случаи заимствования иноязычного слова в двух грамматических формах, действительно, очень редки, характерны для слов, относящихся к научно-специальному стилю речи и встречаются только среди существительных.

Известная часть иноязычных заимствований, входящих в словарный состав современного английского языка, представлена именно полными заимствованиями, в чем легко убедиться, взглянув хотя бы на тот небольшой иллюстративный материал, который приводится в главах II и III настоящей работы. Но существует и множество таких, которые заметно отличаются от полных заимствований по отношению к своему прототипу в исходном для них языке.

Попадая в новый для него язык, и, следовательно, становясь элементом новой лексической системы, заимствованное слово начинает жить новой жизнью, которая проявляется и на его внешней форме и на его лексическом содержании. Подвергаясь воздействию иных конкретных общественно-исторических условий по сравнению с теми, в каких живет и развивается исходный для него язык, вступая в новые синонимические отношения со словами нового для него языка, заимствованное слово может приобретать свойства, каких оно не имело в родном языке. Например, оно может выступать в особой стилистической функции, передавать особые смысловые оттенки, усваивать неожиданную экспрессивную окраску и т. д., одним словом, в том или ином направлении отходить от своей первоначальной лексической природы, свойственной ему в исходном языке. Например, романское прилагательное *intelligent* (лат. 'сведущий', 'разумный'; фр. 'умный'), попав в английский язык, оказалось членом синонимиче-

ского ряда *clever, smart, quick-witted, wise* и т. д. и получило особый оттенок значения 'умный', в смысле 'обладающий развитыми умственными способностями', семантически отделивший его от других прилагательных этого рода, например, от *clever*, которое означает, как известно, 'умный', в смысле 'умеющий соображать', 'обладающий сметкой' (здесь еще просвечивает старое его значение 'ловкий', 'умелый'), или от *quick-witted*, в котором то же понятие 'умный' наделяется добавочной характеристикой 'быстро соображающий', т. е. 'сообразительный', 'находчивый', или от *wise*, в котором эта добавочная характеристика понятия подчеркивает момент умудренности жизненным опытом. Отсюда возникают и различия в сочетаемости данных синонимов: например, говорят *to be clever (about something)*, но нельзя сказать **to be intelligent (about something)*; или: *that was a wise decision*, но нельзя сказать **that was an intelligent decision*. Следовательно, мы должны констатировать отсутствие полного лексического тождества между *intelligent* как элементом лексической системы латинского или французского языка и как элементом словарного состава английского языка. Более того, заимствованное слово может развивать значения, не свойственные ему в исходном языке. Например, в существительном *bar* (*фр. barre* 'брус', 'засов'), кроме значений, принесенных им из французского языка, возникло на английской почве значение 'прилавок', а отсюда затем и 'бар', 'ресторанчик', каких во французском языке оно не приобрело; существительное *cheese*, кроме исконного латинского значения 'сыр' (*лат. cāseus*) с течением времени приобрело в английском языке ряд значений на основании метафорического переноса, например, 'цилиндрическая бобина' (*текст.*), 'приседание, производимое таким образом, чтобы юбка образовала нечто вроде колокола' и другие. Подобных случаев очень много. Сущность их заключается в том, что семантическая структура заимствованного слова далеко отходит от семантической структуры этого же слова в исходном языке, приобретая свою собственную систему значений и включая в свое содержание такие элементы, которых не существовало в нем за пределами английского языка. В таких случаях мы являемся свидетелями сложного процесса

отхода заимствованного слова от создавшей его языковой почвы, движения его к полному отрыву от исходного языка. Нитью, связывающей его с этим последним, служит только то первоначальное значение, с которым оно пришло в английский язык. Если рвется эта последняя нить, отрыв полностью завершается. Здесь дело уже не ограничивается некоторыми пунктами расхождения между словом в родном и в заимствовавшем его языке. Отношение между заимствованным словом и исходным языком оказывается весьма своеобразным. Получается так, что исходный язык в свое время дал заимствующему языку только звуковую форму данной лексической единицы. Эта звуковая форма подверглась фонетической и грамматической переработке в новом языке и к тому же в конце концов оказалась наполненной новым содержанием, зачастую совершенно не сопоставимым с содержанием, свойственным ему в родном языке. Все стороны слова оказываются преобразованными. По сути дела, между заимствованным словом и его прототипом складываются отношения того же порядка, какие мы отмечаем между омонимами, образовавшимися в результате распада полисемии некогда единого слова. Мы признаем существительное *spring* 'весна' и *spring* 'родник' двумя самостоятельными словами-омонимами. Следовательно, мы должны признать полную самостоятельность от исходного языка заимствованного слова, подвергшегося коренному переосмыслению в заимствовавшем его языке. В отличие от полных заимствований, о которых говорилось выше, подобные заимствования следует признать относительными.

Под относительными заимствованиями, таким образом, имеются в виду такие иноязычные слова, которые в процессе развития заимствовавшего их языка потеряли смысловую связь со своими прототипами в исходном для них языке. Приведем некоторые примеры. Существительное *advice* (в форме *avys*) пришло в XIII в. из старофранцузского, где оно имело форму *avis* (образовалось из предложной группы *à vis* 'на взгляд') и значило 'мнение', 'воззрение'; уже к концу XIV в. оно стало означать в английском языке 'совет' (повидимому, под влиянием употребления в смысле 'мнение, высказанное врачом или юристом') и впоследствии было латинизировано по форме,

т. е. получило утраченный во французском языке звук *d* в префиксе. Существительное *ague* 'пароксизм лихорадки' своим источником имеет французское прилагательное *aigu* 'острый' (очевидно, взято из словосочетания *fièvre aiguë* 'горячка', букв. 'острая лихорадка'). Глагол *to avoid* (ст-фр. *esvuidier* 'опустошать', 'опорожнять') в среднеанглийском некоторое время сохранял присущее ему в старофранцузском языке значение, но затем в нем развилось значение 'освобождать', 'освобождаться', 'отделяться' и, наконец, 'избегать' с утратой как первоначального, так и промежуточных значений. Слова *advise*, *ague*, *to avoid* являются типическими образцами относительных заимствований. Ср. также: *to allow* 'разрешать' (ст-фр. *aloier* 'сдавать в наем', 'назначать долю расходов или работы' — последнее значение сохранилось в английском существительном *allowance* 'денежное содержание'), *breeze* 'каменноугольная пыль' (фр. *bris* 'взлом', 'лом'), *box* 'ящик', 'ложа', 'козлы', 'стойло', 'вагонетка' (лат. *boxus* прил. 'сделанный из букса'), *challenge* 'вызов', 'оклик', 'опознавательный сигнал', 'отвод' (ст-фр. *challenge* 'требование', 'обвинение'), *canister* 'жестянка' (лат. *canistrum* 'плетеная корзинка', ср. *canpa* 'тростник'), *concrete* 'бетон' (лат. *concrētus*, перф. прич. от гл. *concrēscō* 'срастаться'), *cant* 'плаксивый тон', 'жаргон', 'ханжество' (лат. *cantus* 'пение'), *to chafe* 'растирать', 'раздражаться' (фр. *chauffer* 'нагревать'), *cheer* 'одобрительный возглас', 'одобрение', 'настроение', 'веселье' (ст-фр. *chere* 'лицо', 'выражение лица'), *coffin* 'гроб' (ст-фр. *cofin* 'корзиночка', ср. совр. фр. *coffre* 'ящик', 'сундук', 'кузов', 'грудная клетка'), *flour* 'мука (ст-фр. *flour* 'цветок'; возможно, английское значение явилось результатом французского определения муки тонкого помола как *fleur de farine*, букв. 'самый цвет муки'), *sensible* 'благоразумный', 'заметный' (фр. *sensible* 'чувствительный', 'ощутительный'), *journey* 'поездка' (фр. *journée* 'день', 'дневная доля работы'), *to travel* 'путешествовать', 'передвигаться' (фр. *travailler* 'работать', ср. этимологический дублет *to travail* уст. 'напрягаться', 'тяжело трудиться') и многие другие. Одним из источников относительных заимствований, причем таким, который дает в английский язык заимствование сразу же с изменен-

ным значением, является латинский язык официальной английской документации. Отдельные слова из таких юридических текстов, построенных из определенных, традиционных словесных формул, начинают употребляться в английской речи, подвергаясь семантическому и грамматическому преобразованию. Так, латинское *affidavit* 'он показал под присягой', буквально 'удостоверил' (3 л. ед. ч. прош. вр. от гл. *affido* 'удостоверять') входит в английскую юридическую терминологию в качестве существительного со значением 'показание под присягой'; существительное *debenture* 'долговое обязательство', 'сертификат' — по происхождению есть ни что иное как *debentur* — форма 3 лица множественного числа страдательного залога от латинского глагола *debēo* 'быть должным', с которой начинался текст подобных документов. Ср. *item* — в латинском это наречие 'также', 'равным образом', в английском — существительное со значением 'пункт', 'статья' (документа), 'отдельный номер в перечне' (с этого слова открывался каждый новый раздел юридического документа — купчей, завещания, контракта и т. п.). Относительными заимствованиями изобилует терминология многих отраслей науки и техники. Устоявшаяся в течение веков латинская и греческая терминологическая традиция служит причиной того, что потребность в новом термине сплошь и рядом удовлетворяется не с помощью словообразования, а путем применения латинского или греческого слова в новом значении; ср. *hysteresis* (греч. *hysteresis* 'задержка') 'отставание фаз' (эл.), 'запаздывание в достижении устойчивого равновесия' (хим.), *ion* 'ион' (греч. *ἰόν* 'идущее', прич. ср. рода от гл. *ἵεναι* 'идти'); термин введен Фарадеем в 1833 г.), *potential* 'потенциал' (поздн-лат. *potentiālis* 'возможный'; термин физика Грина, 1828 г.), *imago* 'последняя стадия развития насекомого' (термин, введенный Линнеем в 1767 г.; лат. *imāgo* 'образ').

Расхождение между заимствованным словом и его прототипом в исходном языке может совершаться постепенно, в ходе самостоятельного развития слова в принявшем его языке, но может иметь место, как это особенно ясно видно из последних примеров, и в самый момент вхождения данного слова в иноязычную лексическую систему. Постепенный отход от оригинала характерен преимущ-

ственно для слов широкого употребления, изначальный — для терминов или искусственно подбираемых наименований (например, французское существительное гауоп 'луч', 'район', 'радиус', 'спица' было заимствовано английской текстильной терминологией для выражения понятия 'искусственный шелк из модифицированной целлюлозы')*.

Между полными и относительными заимствованиями в их наиболее совершенном виде располагается основная масса заимствований, находящихся на разных ступенях приближения к типу относительных заимствований. Можно с уверенностью утверждать, что почти все иноязычные слова, прочно вошедшие в словарный состав современного английского языка, представляют собой относительные заимствования либо приближаются к таковым в силу нарушения тождества со своими оригиналами вследствие многократных переосмыслений и иных трансформаций их семантической структуры.

Как можно видеть по примерам, приведенным в начале настоящей главы, нередко встречается и еще одна разновидность заимствований. Это слова, созданные в пределах английского языка из заимствованных иноязычных морфем. Ярчайшим образцом этого типа заимствований является, например, существительное *telephone*, образованное из двух иноязычных элементов (*греч.* *tele* 'далеко' и *phonē* 'звук'). Своеобразие слов этого типа заключается в том, что они являются продуктом английского словообразования, но материал для этого словообразования заимствуется из другого языка. Способ морфологической организации слова, мотивация выбора морфем для построения нового слова, значение, которое организованная лексическая единица призвана выразить — являются результатом действия процессов, совершающихся в английском языке, но сами используемые морфемы совершенно чужеродны для этого последнего. Это заставляет некоторых языковедов вообще исключать подобные слова из пределов заимствованной лексики. Так, Р. Гинзбург прямо утверждает, что «неправильно было бы говорить

* См. Т. И. Т р у е в ц е в а. Расширение словарного состава английского языка в связи с развитием текстильного производства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1953, стр. 6.

здесь о заимствованиях, так как соответствующие слова не существовали ни в греческом, ни в латинском языках по той простой причине, что не существовали и сами предметы, названиями которых служат эти слова»*. О заимствовании слов в таких случаях, конечно, нельзя говорить, но факт заимствования иноязычных морфем здесь налицо. Р. Гинзбург выдвигает еще и тот довод против признания подобных слов заимствованиями, что данный тип слов ограничен лишь областью научно-технической терминологии и потому должен квалифицироваться скорее как особая разновидность научно-технических интернационализмов. Однако тот факт, что многие слова подобного рода являются терминологическими интернационализмами, нисколько не снимает вопроса об их этимологической природе. Нужно, впрочем, заметить, что из-за их интернационального характера зачастую оказывается очень трудно определить, является ли тот или иной термин английским образованием или он пришел в английский язык из специальной терминологии какого-либо другого языка. Такие, например, слова как *cinematograph*, *охугеп* и т. п. являются «м о р ф е м н ы м и» заимствованиями, созданными на почве французского языка. В английском же языке они представляют собой самые обыкновенные полные заимствования из французского языка. Поэтому в интересах точности необходима тщательная проверка данных истории науки и истории научной литературы той области знания, к которой относится анализируемое слово. Среди терминов безусловно английского происхождения можно назвать в виде примера такие, как *anion* (введен Фарадеем в 1833 г., *греч.* *ана* 'верх', *iōn* 'идущее'), *cation* (введен Фарадеем в 1833 г.; *греч.* *ката* 'вниз', *iōn* 'идущее'), *evolutionism* (XIX в.), *phonograph* (введен Эдисоном в 1877 г.; *греч.* *phonē* 'звук', *graphēin* 'писать')**, *thermoscore* (введен Румфордом-Лесли; *греч.* *thermē* 'тепло', *skorēin* 'смотреть'), *telephone* (введен А. Беллом в 1876 г.),

* Р. Г и н з б у р г. О пополнении словарного состава языка. «Иностранные языки в школе», 1954, № 1, стр. 26.

** Слово *phonograph* в значении 'графема, означающая звук', зарегистрировано в 1835 г. Ныне устарело. Нужно думать, что для наименования звукозаписывающего аппарата это слово было создано заново.

to phonate (XIX в.; *греч.* phonē 'звук', *лат. суфф. прич.* II -at-), reflation 'повторная инфляция' (*лат. преф. ге-, лат. основа прич.* II -flat- от *гл.* flo 'дуть,' *лат. суфф.* -iō-n-), teletype (XX в.; *греч.* tēle 'далеко', *фр.* type 'литера', от *греч.* typos — τυπτεῖν 'ударять'). Слова этого типа можно квалифицировать как «морфемные» заимствования.

Связи «морфемных» заимствований с исходным языком еще более ослаблены, чем в тех заимствованиях, которые мы определили как относительные. Если отличие этих последних от полных заимствований заключается в автономности их значения от их иноязычного прототипа, но при этом звуковой комплекс, их составляющий, имеет определенный аналог в исходном языке, то для «морфемных» заимствований характерным является именно отсутствие какого бы то ни было аналога в виде слова другого языка, хотя сама языковая материя, их образующая, является иноязычной по своему происхождению.

Противоречивый характер «морфемных» заимствований вынуждает помещать их на грани между подлинными заимствованиями и собственно английскими лексическими образованиями и рассматривать их как особый разряд заимствований, обнаруживающий максимальную свободу от того языка, из морфем которого эти слова слагаются.

Заметим кстати, что английские образования из иноязычных по происхождению морфем, давно и прочно ассимилированных в английском языке, бытующих в сфере широкого употребления и прозрачных по своей семантике (типа changeable, disuse, painstaking, refusal и т. п.), нельзя приравнивать к «морфемным» заимствованиям так же, как и гибриды, т. е. слова, состоящие из разноязычных морфем (типа beautiful, colourless, shortage, endearment и т. п.). От «морфемных» заимствований те и другие принципиально отличаются органическим включением не только в своем целом виде, но и каждой из составляющих их морфем в лексическую систему английского языка. В них осуществляется переход количества признаков их непосредственно английской природы в новое качество, ставящее эти образования за пределы заимствованной лексики, хотя наличие этих образований в языке служит косвенным резуль-

татом иноязычных влияний на словарный состав английского языка.

Воздействие других языков на английское словотворчество проявляется и в так называемых словах-кальках. В полных, относительных и «морфемных» заимствованиях так или иначе имеет место прямое использование иноязычного словарного материала для введения новой лексической единицы в словарный состав английского языка. Для создания слова-кальки из другого языка заимствуется только принцип языковой реализации данного понятия, т. е. только этимологическая структура соответствующего иноязычного слова, материалом же словообразования служат чисто английские или иноязычные морфемы, органически вошедшие в английский словарный состав. Таковы, скажем, *Five-Year Plan* — точная калька русского устойчивого назывного сочетания 'пятилетний план'; *master-piece* — калька с немецкого *Meisterstück*, *world-famous* — точное воспроизведение немецкого *weltberühmt* и т. п. Впрочем, калькирование чужих слов — явление не особенно частое; чаще при передаче значения иноязычного слова применяется либо подбор уже существующего приблизительно точного словесного эквивалента, либо то, что мы в своем месте назвали объясняющим переводом (например, русское 'единоличник' передается через объясняющий перевод *individual peasant*, 'воскресник' — *voluntary Sunday time* и т. п.).

Нужно заметить, что иногда иноязычные слова (впрочем, и не только иноязычные, но и слова английского происхождения, утратившие в силу фонетической трансформации или архаизации той или иной морфемы этимологические связи со своей словообразовательной группой) подвергаются изменению под влиянием ложной этимологии. Ложная этимология есть результат этимологического сближения неясного по своей структуре слова с какими-то известными словами родного языка. Иначе говоря, это попытка обнажить этимологическую структуру чуждо звучащего слова при сохранении неизменной его семантики. В большинстве случаев ложная этимология основывается на чисто внешнем звуковом сходстве какого-либо элемента данного слова с известной в других комбинациях или в виде законченного слова морфемой. В редких слу-

чаях это уподобление идет по линии семантической, хотя наличие звукового сближения между двумя словами и тут оказывается необходимым. Так, например, существительное *mandrake* представляет собой осмысление этимологической структуры заимствованного слова *mandragora*, как состоящей из двух существующих в английском языке элементов *man* 'человек' и *drake* 'селезень' или 'дракон', хотя ничто в форме, внешнем виде и других свойствах называемого этим словом растения не может служить основанием для подобного осмысления; здесь движущей силой ложной этимологии является исключительно звуковое сходство частей иноязычного слова со словами, бытующими в английском языке. Значение слова в целом при этом не затрагивается, но само видоизмененное таким образом слово легко включается в определенный этимологический ряд в английском языке, т. е. начинает восприниматься как связанное какой-то из своих морфем с другими английскими словами. В существительном *lanyard* 'шнур', 'канат' налицо сближение последнего элемента с английским *yard* 'ярд', 'рея', тогда как в действительности это французское существительное *lapière* 'ремешок'; ср. также просторечное *triantelope* вместо *tarantula* 'тарантул', хотя паук не имеет решительно никаких общих признаков с антилопой. Чаше, однако, ложная этимология является результатом не только звукового, но одновременно с этим и семантического сближения с какой-либо морфемой, которая в действительности не имеет никакого отношения к морфологическому строению преобразуемого слова. Так, например, французское слово *couteas* 'кортик' (от *лат.* *cultellus* 'ножик') приобрело в английском языке форму *cutlass* в силу воображаемой связи его первого элемента с глаголом *to cut*; французское *giroflée* (*греч.* *karuophyllon* 'левкой') превратилось в английском языке в *gillyflower*; старофранцузское *crevice* 'рак' (*совр. фр.* *écrevisse*) — в английское *crayfish*; старофранцузское *primerole* 'примула' — в английское *primrose* и т. д. В единичных случаях преобразование слова под воздействием ложной этимологии привело с течением времени к его семантическому переосмыслению. Так, слово *lute-string* 'люстрин' (от *фр.* *lustrine*) все чаще употребляется с измененным значением 'шелковая лента', возможно,

под влиянием значения последнего элемента (string)*; слово *standard* (образовавшееся из *ст-фр. estendart* 'знамя'; *совр. фр. étendard*) в результате сближения первой его части с глаголом *to stand* приобрело значение 'устойчивый образец' (ср. *русск.* 'стандарт', пришедшее из английского языка).

Кроме случаев ложной этимологии, в основе которых лежит слуховое восприятие чужого слова, отмечаются также случаи графического уподобления той или иной части слова или слова в целом какой-либо морфеме, этимологически с ним не связанной. Это приводит к установлению исторически неоправданной орфографии некоторых слов. Например, написание существительного *gime* в форме *rhyme* является результатом ложной ассоциации его с греческим *rhythmos* 'ритм', 'размер', тогда как в действительности оно представляет собой развитие древнеанглийского *gim* 'мера', 'размер'. Существительные *debt* и *doubt* были в свое время взяты английским языком из французского (*фр. dette* 'долг' и *doute* 'сомнение'); буква **b** была внесена в их написание ради сближения их с латинскими исходными формами этих французских слов (*лат. debitum* 'должное' и *dubiētas* 'сомнение'); ср. *posthumous* (толкуемое как производное от *лат. post* 'после' и *humus* 'земля', тогда как это *лат. postumus* 'последний'). В некоторых случаях такие графические «исправления» впоследствии отразились и на звуковой фактуре соответствующих слов; например, существительное *сogrolal*, фактически представляющее собой французское *сарогal* 'капрал', буквально 'глава' (ср. *лат. caput* 'голова'), подверглось ложной этимологизации в английском языке и было ассоциировано с латинским *сogrus* 'тело', 'корпус', что повлекло за собой изменения в орфографии, а затем и в произношении этого слова в английском языке**.

* J. B. Greenough and G. L. Kittredge. *Words and Their Ways in English Speech*. N. Y., 1922, стр. 335.

** Явление ложной этимологии упоминается во многих работах по английской лексикологии. См., например, J. B. Greenough and G. L. Kittredge. *Words and Their Ways in English Speech*. Ch. XXIII; B. Groom. *A Short History of English Words*. MacMillan and Co., L., стр. 65—66.

Явление ложной этимологии привлекло наше внимание постольку, поскольку оно имеет непосредственное отношение к вопросу о форме иноязычных заимствований в английском языке, хотя следует сказать, что оно встречается вообще довольно редко и еще реже проникает в литературный язык. Из всей массы заимствованной лексики оно затронуло всего несколько десятков слов. Это объясняется тем, что для языкового общения этимологическая структура слова фактически не имеет значения. Отмечаемые искажения первоначальной формы заимствованных слов чаще всего имеют в своей основе иные явления, не связанные с ложной этимологией, как например, звукозамену и грамматическую перестройку, вызванные органическим включением чужого слова в систему заимствующего языка.

Итак, обнаруживается неоднородность заимствованных слов с точки зрения их формы и их отношения к исходному языку: заимствования могут быть полными, относительными и «морфемными». Но заимствования оказываются неоднородными и с точки зрения характера их функционального использования в заимствующем языке, а эта сторона вопроса является не менее существенной для определения удельного веса заимствованных элементов в словарном составе английского языка.

Нужно признать, что вопрос о функционировании иноязычных заимствований в английском языке разработан слабо в существующих лексикологических трудах. Многие лингвисты — О. Есперсен, Г. Брэдли и другие — говоря о жизни заимствованных слов в английском языке, упоминают о синонимических отношениях, в которые они могут вступать с родными словами, об их словообразовательной потенции, хотя никаких обобщений этих разрозненных наблюдений мы нигде не найдем. Идею о необходимости анализа заимствованной лексики с точки зрения степени ее ассимиляции и активности в английском языке выдвигает известный советский исследователь английского языка Б. А. Ильиш. Взяв для примера три слова — *room*, *table* и *fête*, Б. А. Ильиш отмечает, что «с точки зрения исторического анализа слово *room* составит одну группу, а слова *table* и *fête* другую, так как *room* унаследовано от англосаксонского периода, а остальные два

заимствованы из французского языка. С точки же зрения анализа английской лексики в ее современном состоянии разделение получится другое: слова *room* и *table* попадут в одну группу, а *fête* — в другую, так как для современного сознания *room* и *table* в совершенно одинаковой степени являются английскими словами, независимо от их исторического происхождения, а *fête*, конечно, признается как иностранное слово... Анализ английской лексики с этой точки зрения пока еще не произведен^{*}. Здесь затрагивается важная проблема, но упоминается она вскользь, что соответствует характеру всего лексикологического раздела цитируемой книги. Кроме того, без изучения заимствований с точки зрения их функционирования, в воспринявшем их языке, проблема эта не могла найти своего настоящего решения. О глубине и прочности ассимиляции заимствованного слова в системе словарного состава заимствующего языка нельзя судить только на основании широкой употребительности данного слова в какой-то один, ограниченный момент времени. Степень ассимиляции заимствованного слова определяется не только границами его распространения в речи использующего его народа; она проявляется также и в его устойчивости в данном языке. Для того, чтобы устойчивая употребительность заимствованного слова могла быть доказана, оно должно просуществовать в заимствовавшем его языке длительное время. Поэтому-то все иноязычные заимствования, которые могут быть отнесены к основному словарному ядру английского языка наших дней, пришли в английский язык несколько столетий тому назад. Всеми своими сторонами они были включены в систему английского языка и превратились в живые элементы этой последней, наряду с исконно английскими словами и в равной мере с ними участвуя в словообразовательной деятельности языка, подвергаясь переосмыслениям, накапливая целый ряд новых значений, входя в повседневное словоупотребление. Этими своими чертами они становятся тождественными исконно английским словам. Развивая новую для них систему значений и вступая в особые отношения синонимии и соче-

^{*} Б. А. Ильиш. Современный английский язык. Изд-во литературы на иностранных языках, М., 1948, стр. 306 — 307.

таемости с другими словами английского словарного состава, они отходят от своего исходного состояния и поэтому перестают ощущаться как чужеродные вкрапления в английской лексике. В этом-то и заключается то коренное различие между существительными *table* и *fête*, которое было правильно подмечено Б. А. Ильишом в цитированном выше отрывке. Слово *table* представляет собой в настоящее время элемент устойчивого пласта лексики английского языка; слово *fête* — это сравнительно недавнее заимствование, имеющее ограниченную сферу употребления и безусловно стоящее вне границ общенародной языковой практики.

Таким образом, с точки зрения степени ассимиляции четко выделяется группа заимствований, полностью усвоенных английским языком и совпавших во всех своих функциях и возможностях со словами английского происхождения. Такие заимствования можно было бы назвать «и с к о н н о о б р á з н ы м и» заимствованиями.

Неправильно было бы, однако, прийти к заключению, что «исконнообразными» заимствованиями следует считать только те, которые являются древнейшими по времени своего проникновения в английский язык. Группа «исконнообразных» заимствований шире, чем слой древнейших элементов заимствованной лексики, дошедших до нашего времени. Последние, несомненно, входят в эту группу как ее основа, но кроме них она охватывает также довольно значительное количество заимствованных слов широкого употребления, более новых по времени их вхождения в язык. Это такие слова, как например, *bomb*, *cratch*, *coy*, *cramp*, *date*, *to dote (on)*, *engineer*, *flame*, *jolly*, *lathe*, *ledger*, *legend*, *organ*, *plate*, *to plead*, *grow*, *rate*, *rapids*, *scaffold*, *tank*, *to vote*, *whisky* и т. п.

Кроме подобных «исконнообразных» заимствованных слов иноязычная лексика в современном словарном составе английского языка содержит в себе очень значительный по объему слой, состоящий из таких заимствований, которые так или иначе ограничены определенной сферой употребления. Этот слой заимствований является самым мощным по количеству входящих в него слов. Ввиду того, что заимствования этого рода всегда каким-то образом специализированы в своем употреблении, их мож-

но определить как особую группу специализированных заимствований. Эта группа неоднородна по своему составу в силу того, что сама специализация употребления слов может идти по различным линиям и направлениям. Поэтому специализированные заимствования должны быть подразделены на «книжные» слова и слова-термины.

Под «книжными» словами мы понимаем слова, характерной чертой которых является их отчетливая книжно-литературная стилистическая окраска. Они находят свое применение в отработанной, сознательно стилистически усложненной, «изысканной» речи. В разговорном стиле они встречаются редко, за исключением особых случаев употребления их в каких-либо специальных целях, например, в разговорно-фамильярном стиле — для выражения иронии (при иронии, как известно, часто используют именно прием смещения слова, обладающего определенной стилистической окраской, в необычный для него стилистический контекст). Эти «книжные» слова не входят в словарный актив основной массы английского народа; владение ими требует значительной языковой подготовки. Это такие слова, как например, *acumen*, *acolyte*, *adolescence*, *to adulterate*, *to aggravate*, *bias*, *to blaspheme*, *credo*, *to converse*, *conversance*, *derisory*, *to desiderate*, *edacious*, *erratic*, *gregarious*, *heteroscanian*, *to inhume*, *illative*, *matron*, *matutinal*, *nascency*, *omnifarious*, *onerous*, *proclivity*, *recluse*, *verbiage*, *vicissitude*, *venial*, *zealot* и т. п., а также так называемые «иностраннне слова» типа *parvenu*, *mala-propos* и т. п. Среди них выделяются слова максимально редкого употребления, например, *mansuetude* «кротость», *patristic* «основополагающий» (в церковной догматике), *pelage* «мех», «шкура», *phantasm* «фантом»; некоторые из них являются принадлежностью исключительно традиционного поэтического лексикона, например: *abyssm*, *levin*, *Philomel*, *puissance*, *puissant*, *pursuivant*, *rape*, *ravin* и т. п. Многие из «книжных» слов являются стилистическими синонимами соответствующих слов широкого употребления, ср. *conflagration*—*fire*, *oration*—*speech*, *cordial*—*heartly*, *pensive*—*thoughtful*, *umbrageous*—*shady*, *felicity*—*happiness*, *verisimilitude*—*likelihood* и т. п. Слова редкого употребления стоят на грани полной архаиза-

ции, поэтому их следует отнести к тому участку лексики, который представляет собой мало привлекаемый для языкового общения лексический запас и может быть условно назван «пассивом» языка. Разумеется, это не единственное направление развития группы «книжных» слов. Некоторые из них по разным причинам могут расширять круг своего употребления и переходить в разряд «исконнообразных» заимствований. Такова история очень многих из заимствованных слов, имевших сразу, с момента своего появления в английском языке, узкую сферу применения. Вообще, словарный состав представляет собой столь подвижную систему, что любая его классификация на какие-то определенные лексические слои или группы носит приблизительный и относительный характер, так как, во-первых, она может быть верна только для определенного момента времени и, во-вторых, так как многие слова располагаются на грани перехода от одной группы к другой. Таким образом, конкретно-материальный состав этих лексических слоев подвержен постоянным изменениям, и границы их не имеют раз навсегда данных и четких очертаний.

К специализированным заимствованиям, как мы уже упоминали, относятся и термины иноязычного происхождения. Их чрезвычайно много в терминологии любой специальной области науки и производства. Ср., например, медицинские термины *adenosis*, *bionosis*, *calcipexy*, *calculus*, *lotion*, *to maturate*, *metastasis*, *necrosis*, *nebula*, *in-gravescent*, *suppuration*, *tubercular* и многие другие; термины анатомии *abdomen*, *abducent*, *basiator*, *calcaneum*, *cerebrum*, *foramen*, *interscapulum*, *ligament*, *metacarpus*, *ocular*, *parotid*, *parietal*, *retina*, *subclavicular*, *turbinal*, *vascular* и многие другие; термины геологии, например, *arenaceous*, *basset*, *detrition*, *metalline* и другие; термины физики *diamagnetism*, *module*, *momentum*, *nucleus* и т. п.; термины языкознания, например, *onomatopoeia*, *etymon*, *lexical*, *synonym*, *homonym* и великое множество грамматических терминов: *clause*, *sentence*, *noun*, *adjective* и т. п., ведущих свое начало по большей части от латинской грамматической традиции. Нет смысла приводить и далее примеры, тем более, что произвольно выбранные для иллюстрации слова никак не могут дать хоть сколько-нибудь верное представление об удельном весе иноязычных заим-

ствований в сфере терминологии. Чтобы получить более полную картину достаточно просмотреть любой специальный словарь — биологический, химический и т. д. Некоторые из специальных терминов в силу специфики выражаемых ими понятий не выходят за границы узкопрофессионального употребления; другие с течением времени могут становиться общеупотребительными и даже развивать новые значения нетерминологического характера. Так, например, случилось с существительным *stomach*, которое, продолжая оставаться анатомическим термином, приобрело широкое употребление и за пределами специального контекста и даже вошло во фразеологические обороты типа *to have no stomach for something* 'не иметь вкуса (или желания) к чему-либо', *haughty stomach* 'высокомерие' и некоторые другие. Существительное *electricity*, появившись в языке в качестве физического термина с узкой сферой применения, ныне приближается к «исконнообразным» заимствованиям по широте и частоте своего употребления. Как «книжные» слова, так и термины могут иметь синонимические параллели нетерминологического порядка; ср. *tumour* (*мед.*)—*swelling*, *plumigerous* (*зоол.*)—*feathery*, *pattella* (*анат.*)—*knee-pan*, *gena* (*анат.*)—*cheek*, *moiety* (*юр.*)—*side* и т. п.

Наконец, в словарном составе английского языка имеется довольно значительное количество иноязычных слов, выражающих понятия, связанные исключительно с реалиями быта, идеологией, социальной системой той страны, из языка которой они пришли. Это так называемые «слова местного колорита». Они употребляются исключительно в соответствующем этнографическом или историческом контексте и лишь в редких случаях перемещаются в контекст иного характера, подвергаясь обычно при этом ситуативному (иногда юмористическому) переосмыслению. См., например, *wigwag* (из *алгонк.*); *squaw* (из *наррангасетск.*); *rajah* (из *хинди*); *geisha*, *harakiri* (из *яп.*); *toreador*, *duenna*, *patio* (из *исп.*); *camorra*, *vettura*, *polenta* (из *итал.*); *car magnole*, *maquis*, *mistral* (из *фр.*) и т. д. и т. п. Национальная окраска этих слов определяется именно спецификой выражаемых ими понятий, ассоциируемых только с данной и никакой другой страной или эпохой. Ср. также «слова исторического колорита»:

helot, phratry, ostracism, obol (из *греч.*); *forum*, *gladiator*, *toga* (из *лат.*); *viking* (из *ск.*) и т. п. «Слова местного и исторического колорита» можно было бы отнести к группе специализированных заимствований, если бы не существенное отличие от этих последних, заключающееся в их ярко выраженной национальной окраске. Благодаря ей ограничение их употребления вызывается не стилистическими мотивами, а локальным или историческим характером самого их содержания. Эти слова являются явно чужеродными вкраплениями в словарном составе английского языка.

Очень многие термины и некоторая часть «слов местного колорита» и даже «исконнообразных» заимствований принадлежат к интернациональной лексике, т. е. являются достоянием не только английского, но и ряда других языков, хотя они также подверглись фонетическому преобразованию в соответствии с законами фонологии английского языка. Таковы, например, слова *analysis*, *army*, *communism*, *culture*, *continent*, *nature*, *nation*, *function*, *instruction*, *international*, *socialism*, *soviet*, *technique*, *geometry*, *geography*, *mathematics*, *physics*, *philosophy*. Сюда относится также большое количество терминов физики, химии, биологии, физиологии и т. п. Однако следует иметь в виду, что, определяя то или иное слово как элемент интернациональной лексики, мы обращаем внимание лишь на то, что данное слово встречается как заимствование в ряде языков; это определение не показывает, насколько слово ассимилировано английским языком, сильно ли оно отличается по форме или по содержанию от своего прототипа в исходном языке.

Твердых линий соотношения между различными типами заимствований установить нельзя. Так, нельзя сказать, что полные заимствования соответствуют, скажем, слою специализированных заимствований, ибо они встречаются и в группе «слов местного колорита» и даже среди «исконнообразных» заимствований (ср., с одной стороны, *gouble*, *franc*, *picador*; с другой стороны, *rep*, *people*, *money*). Относительные заимствования встречаются не только среди «исконнообразных», но и среди «книжных» слов и терминов; правда, в группе «слов местного колорита» нам они не встретились. Поэтому никакой закономерной связи

между генезисом заимствования и его функционированием в английском языке заметить не удалось. Судьба заимствованного слова всецело зависит от целого ряда языковых и внеязыковых факторов, вступающих в действие после его проникновения в язык; в первую очередь, от отношения его значения к значениям уже существующих в данном языке слов, от стилистической традиции, от степени важности выражаемого им понятия в жизни заимствовавшего его народа и т. п., но никак не от его происхождения или формы.

Для полной характеристики заимствованного слова в английском языке нужно определить его с точки зрения и генезиса, и формы, и функции. Например, *reople* определяется как французское, полное, «исконнообразное» заимствование; *puissance* — как французское, полное, специализированное; *canister* — как латинское, относительное, «исконнообразное»; *sachem* — как заимствование алгонкинское, полное, «местного колорита» и т. д.

Итак, заимствованные слова в словарном составе современного английского языка распадаются на ряд типов по признаку их отношения к исходному языку и по той роли, которую они играют в английском языке. Анализируя эти типы, мы приходим к выводу, что большая часть заимствований носит относительный характер по той или иной причине и что те из них, которые наиболее полно соответствуют своему иноязычному прототипу, составляют лишь незначительную долю всей заимствованной лексики и занимают в английском языке положение чужеродных вкраплений с узкой сферой употребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование словарного состава современного английского языка с точки зрения источников происхождения входящих в него лексических единиц, удельного веса генетически разнородных его элементов в языковой практике английского народа и роли различных словообразовательных процессов в его сложении позволяет, как нам представляется, сделать ряд выводов относительно этимологических основ словарного состава современного английского языка.

1. Словарный состав современного английского языка является этимологически смешанным. Его смешанный характер исторически обусловлен многократным длительным и разнообразным контактом английского языка с рядом других языков, в первую очередь с латинским, французским и скандинавским. Длительное и многостороннее воздействие других языков на словарный состав английского языка привело к проникновению в этот последний большого количества иноязычных заимствований. Часть из них в силу особенностей своего значения и сфер применения, выдержав проверку временем, вошла в самый устойчивый слой английской лексики, преобладающее место в котором занимают слова общеиндоевропейского и общегерманского происхождения.

2. Смешение разноязычных элементов, характерное для английской лексики в целом, носит весьма относительный характер. Это проявляется в наличии существенных различий среди заимствований по их отношению к исходному языку и по степени их ассимиляции в английском языке. По линии их отношения к исходному языку различаются заимствования п о л н ы е — сохраняющие в основном не-

изменными присущую им звуковую форму и значение, относительные — обнаруживающие полный смысловой и частичный или полный формальный отрыв от своего прототипа в исходном языке, и «морфемные», т. е. такие, которые представляют собой продукт английского словообразования из иноязычных чужеродных морфем. По степени ассимиляции различаются «исконнообразные» заимствования — т. е. слова, совершенно неощущаемые как иноязычные элементы, спелциализированные — слова, имеющие стилистически или терминологически ограниченную сферу применения, и национально или исторически окрашенные заимствования, обычно называемые «словами местного колорита», представляющие собой иноязычные слабо ассимилированные лексические вкрапления, ограниченные в своем употреблении в основном этнографическим, географическим или историческим контекстом. Таким образом, если расположить все лексические заимствования в английском языке в виде определенной шкалы по степени их ассимиляции, то на одном конце этой шкалы поместятся иноязычные слова, которые мы можем характеризовать как максимально ассимилированный слой «исконнообразных» заимствований, а на другом конце — «слова местного колорита», привлекаемые исключительно в связи с упоминанием о реалиях быта, обычаях, идеологии или особенностях общественно-экономического строя какой-либо определенной зарубежной страны. Такой анализ заимствованной лексики ясно показывает необходимость дифференцированного подхода к ней. Он показывает также, что включение слова в новую для него лексическую систему влечет за собой в той или иной степени (в какой именно — это зависит от конкретных языковых и внешних условий) переработку слова в отношении его формы и содержания.

3. Обогащение словарного состава английского языка в процессе его исторического развития происходило не только и не столько за счет заимствования лексических единиц из других языков, а главным образом за счет словообразования в широком смысле слова. Способы словообразования, результаты действия которых обнаруживаются в современном словарном составе, разнообразны

и охватывают разные хронологические периоды. Продуктивными на протяжении всей истории английского языка способами словообразования являются аффиксальное словообразование и словосложение; продуктивными в настоящее время, но исторически не исконными являются конверсия и аббревиация; непродуктивным и утратившим свою силу уже к среднеанглийскому периоду является словообразовательное чередование гласных. Роль иноязычных аффиксов в английском словообразовании несомненна, но нельзя в перечень продуктивных английских аффиксов включать иноязычные формальные морфемы, которые существуют только в составе оформленных ими заимствованных слов. Кроме словообразования в собственном смысле, развитие словарного состава английского языка осуществлялось также путем переосмысления существующих в нем слов.

4. Идея об утрате словарным составом английского языка своей национальной самобытности, выдвигаемая в некоторых работах по английской лексикологии и истории английского языка, с научной точки зрения совершенно несостоятельна, так как авторы этих работ не учитывают, во-первых, факта подчинения подавляющего большинства заимствованных слов воздействию всей лексической системы английского языка и, во-вторых, ведущей роли словообразования и переосмысления слов в развитии словарного состава английского языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. = английский
алгонк. = алгонкинский
анат. = анатомия
араб. = арабский
а-фр. = англофранцузский диалект
ацтекск. = ацтекский
бенг. = бенгальский
биол. = биология
болг. = болгарский
бот. = ботаника
бретонск. = бретонский
букв. = буквально
валлийск. = валлийский
венг. = венгерский
вест-индск. = вестиндский
вет. = ветеринария
вин. = винительный
вост-центр. = восточно-центральный диалект
г. = готский
гаит. = гаитянский
гаэльск. = гаэльский
геол. = геология
геом. = геометрия
герм. = германский
гл. = глагол
греч. = греческий
да. = древнеанглийский
датск. = датский
ден. = древневерхне немецкий
делаваарск. = делаваарский
диал. = диалект
др-болг. = древнеболгарский
др-евр. = древнееврейский
др-ирл. = древнеирландский
др-исл. = древнеисландский
др-русск. = древнерусский

др-сакс. = древнесаксонский
др-франкск. = древнефранкский диалект
др-фризск. = древнефризский
дск. = древнескандинавский
египт. = египетский
зендск. = зендский
зоол. = зоология
им. = именительный
инф. = инфинитив
ирл. = ирландский
исл. = исландский
исп. = испанский
итал. = итальянский
кентск. = кентский диалект
кит. = китайский
класс. лат. = классическая латынь
книжн. = книжный
копт. = коптский
лат. = латинский
лит. = литовский
малайск. = малайский
мед. = медицина
мексик. = мексиканский
могик. = язык могикан
молд. = молдавский
на. = новоанглийский
нареч. = наречие
наррангасетск. = наррангасетский
наст. вр. = настоящее время
нем. = немецкий
непер. = непереходные глаголы
ни. = нижненемецкий
норм. = нормандский диалект
п. = падеж
пер. = переходные глаголы

перс. = персидский
поздн. = поздний
поздн.-лат. = позднелатинский
порт. = португальский
прев. = превосходная степень
предл. = предлог
преф. = префикс
прил. = прилагательное
прич. = причастие
прош. вр. = прошедшее время
ранн. = ранний
ранн.-на. = ранненовоанглийский
редк. = редко употребляемое слово
род. = родительный
русск. = русский
са. = среднеанглийский
санскр. = санскрит
свн. = средневерхненемецкий
сев. = северный диалект
ск. = скандинавский
сл. = следующие
см. = смотри
сн. = средненемецкий
снн. = средненижненемецкий
совр. = современный
ср. = сравни
ср.-голл. = среднеголландский
ср.-датск. = среднелатинский

ср.-шв. = среднешведский
ст.-фр. = старофранцузский
суфф. = суффикс
сущ. = существительное
тамилск. = тамильский
татар. = татарский
текстильн. = текстильное дело
тв. = творительный
техн. = технический термин
тиб. = тибетский
тип. = типографский термин
тур. = турецкий
уменьш. = уменьшительное
уст. = устаревшее слово
уто-ацтекск. = уто-ацтекский
физ. = физика
филос. = философия
фламандск. = фламандский
фр. = французский
фризск. = фризский
хим. = химия
центр. = центральный диалект
числ. = числительное
шв. = шведский
шотл. = шотландский
эл. = электротехника
юр. = юридический
яп. = японский

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. «Известия АН СССР» вып. 3, 1951.
- Гинзбург Р. О пополнении словарного состава языка. «Иностранные языки в школе», 1954, № 1.
- Звегинцев В. А. История народа и развитие языка. «Иностранные языки в школе», 1953, № 3.
- Иванова И. П. Семантика английских слов в связи с французскими заимствованиями в эпоху становления национально-литературного языка. «Ученые Записки ЛГУ», № 97, серия филол. наук, вып. 14, Л., 1949.
- Ильиш Б. А. История английского языка. Учпедгиз, Л., 1938.
- Ильиш Б. А. Современный английский язык. Издательство литературы на иностранных языках. М., 1948.
- Янко-Триницкая Н. А. О границах основного словарного фонда в словарном составе языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 6.
- Ярцева В. Н. К вопросу об историческом развитии системы языка. Сб. «Вопросы теории и истории языка» изд. АН СССР, М., 1952.
- Andrews E. A History of Scientific English. N.Y., 1947.
- Baugh A. C. A History of the English Language. D. Appleton-Century Company Incorporated, N.Y.—L., 1953.
- Bradley H. The Making of English. MacMillan and Co., Ltd, L., 1931.
- Groom B. A Short History of English Words. L., 1934.
- Greenough J. B. and Kittredge G. L. Words and Their Ways in English Speech. N.Y., 1922.
- Jagger J. H. Modern English. University of London Press, Ltd., L., 1925.
- Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. Oxf., 1945.

- Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI, G. Allen-Unwin. Z.
- Koziol H. Handbuch der englischen Wortbildungslehre. Winter, Heidelberg, 1937.
- Lounsbury T. R. History of the English Language. L., 1906.
- McKnight G. H. English Words and Their Background. D. Appleton-Century Company Incorporated, N.Y.—L., 1931.
- Nesfield J. C. English Grammar Past and Present. L., 1931.
- Serjeantson M. S. A History of Foreign Words in English. L., 1935.
- Smith L. P. The English Language. L., Williams and Norgate.
- Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Oxf., 1892.
- Vallins G. H. The Making and Meaning of Words. L., Adam and Charles Black, 1949.
- Weekley E. Words Ancient and Modern. L., 1946.

СЛОВАРИ

- Berg P. C. A Dictionary of New Words in English. G. Allen-Unwin, 1953.
- Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary. Ed. T. N. Toller, Oxf., 1882.
- Dinnen P. S. A Concise English-Irish Dictionary. 1928.
- Feist S. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Halle, 1909.
- Fowler H. W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxf.-L., 1937.
- Halliwel J. O. A Dictionary of Archaic and Provincial Words. L., 1860.
- Holthausen F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
- Mawson C. O. S. Dictionary of Foreign Terms Found in English and American Writings of Yesterday and Today. N.Y., 1938.
- The Oxford English Dictionary. Oxf. at Clarendon Press, 1933.
- Shipley J. T. Dictionary of Word Origins. 2 ed., The Philosophical Library, N.Y.
- Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxf. at Clarendon Press, 1910.
- Spurrel English-Welsh Dictionary. 1926.
- Stratmann F. H. A Middle-English Dictionary Containing Words Used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century. Oxf., 1891.
- Webster's New International Dictionary of the English Language. Springfield, 1946.

Редактор *Л. Касаткина*
Издательский редактор *А. Сариева*
Корректор *Л. Долгопятова*
Художественный редактор *В. Колганов*
Технический редактор *Т. Пискарева*

А-09321. Подписано к печати 11/VII-1956 г. Формат 84×108¹/₃.
Бум. л. 37/18—11,27 печ. л. Уч.-изд. л. 11,55. Цена 6 руб. 16 коп.
Заказ 190. Тираж 10.000 экз.

Министерство культуры СССР
Главное управление полиграфической промышленности
15-я типография «Искра революции», Москва.

